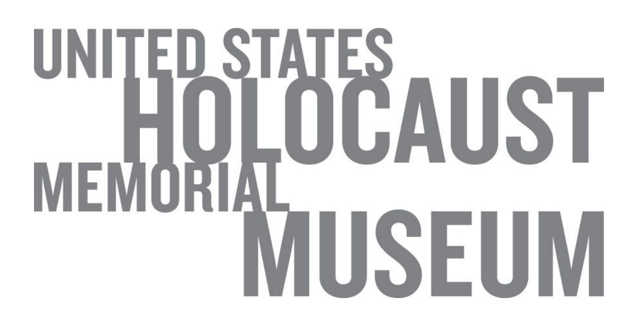
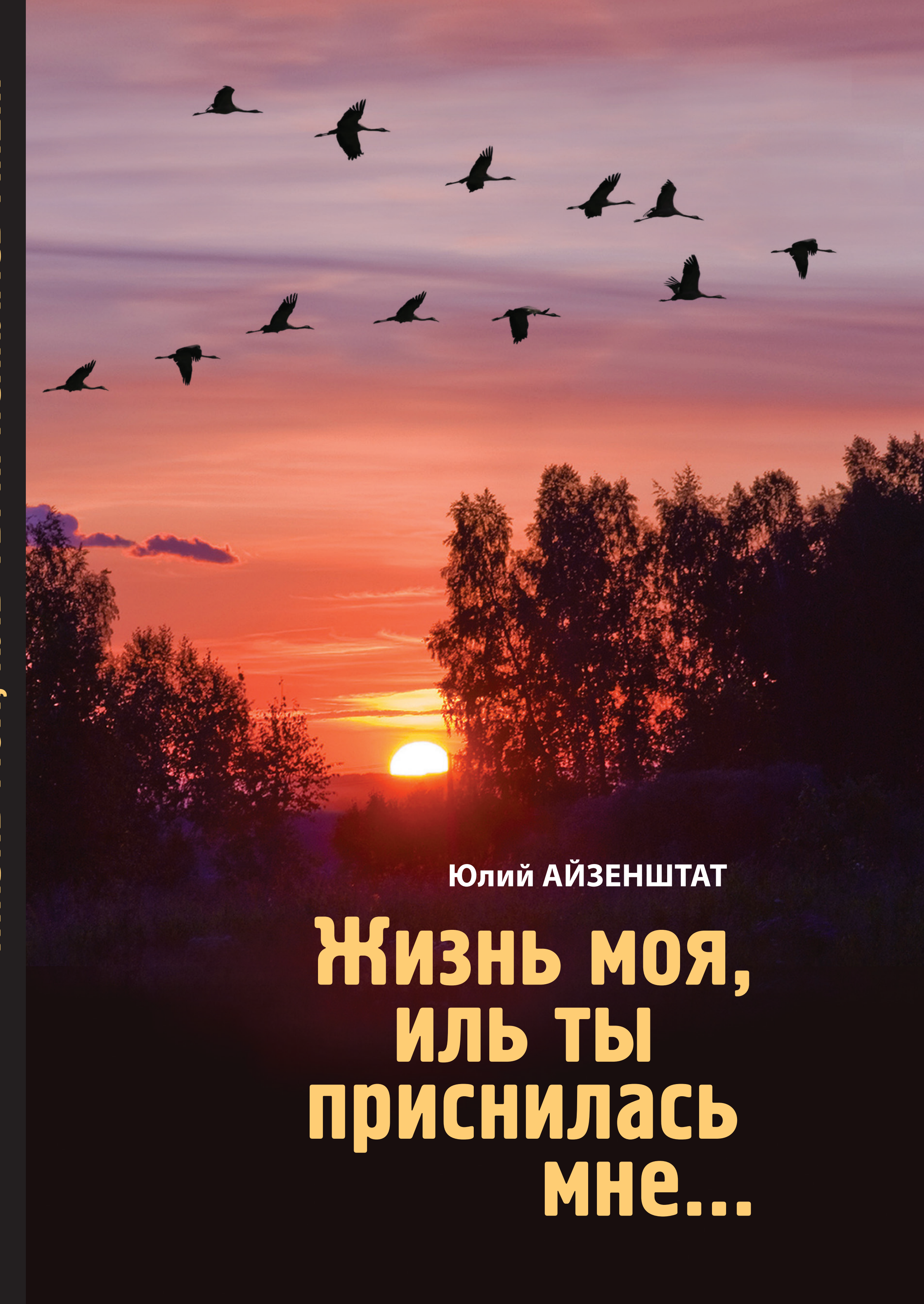

Claims Conference Holocaust Survivor Memoir Collection

Access to the print and/or digital copies of memoirs in this collection is made possible by USHMM on behalf of, and with the support of, the Conference on Jewish Material Claims Against Germany.

ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ...
Юлий АЙЗЕНШТАТ

MIR
COLLECTION
PUBLISHING HOUSE

Юлий АЙЗЕНШТАТ

Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

Mir Collection
New York
2013

Юлий АЙЗЕНШТАТ

ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ...

Повесть

Yuliy AYZENSHTAT

LIFE, IF I HAVE ONLY BEEN ASLEEP...

Publisher Mark Chernyakhovskiy
MIR COLLECTION Publishing House
8700 25th Avenue, Suite 6G Brooklyn, NY 11214
Tel.: (718) 449-6245
E-mail: mir8700@yahoo.com

Editor
David Gay

Design and layout
Slava Petrakov

ISBN: 978-0-9860318-7-8

Printed in the United State of America

С точки зрения молодости жизнь есть бесконечное будущее; с точки зрения старости – очень короткое прошлое.

Артур Шопенгауэр

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

Давид Самойлов

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Словно им в даренье...

Борис Пастернак

Вспоминаем всех поименно,
Горем вспомним своим.
Это нужно не мертвым,
Это нужно живым...
Помните, заклинаю вас: помните!

Роберт Рождественский

**Книга посвящается светлой памяти
мамы Хаи и отца Нохима, братьям Гилику и Сёмочке.**

Выражаю глубокую благодарность замечательным людям за помощь в подготовке книги к изданию: дочери Helen Y. Rose; другу, земляку и поэту Григорию Швецу; доктору исторических наук, профессору Давиду Мельцеру; журналисту и писателю Давиду Гаю; издательству «Mir Collection» в лице Мира Черняховского; дизайнеру Вячеславу Петракову.

Я также сердечно благодарю мою подругу по жизни Ирину Голоднитскую за её терпение и моральную поддержку.

Автор выражает особую благодарность клинике по диагностике, лечению и микрохирургии глаза доктора Стэнли Быкова за помощь в издании книги.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Почему люди на излете дней публикуют свои воспоминания? Большинство из них прежде никогда ничего не писали, профессии их далеки от литературного творчества, почему? Только ли потому, что появляется желание поделиться сокровенным, что раньше не обнародовалось, лежало под спудом или существовало в виде устных рассказов в кругу семьи и друзей. А может, срабатывает неутоленное тщеславие – знаменитости оставляют мемуары, а чем я, незнаменитый, хуже...

Отвечу – ничем. Каждая судьба – неповторима, в каждой – особый отсвет времени. Тут и кроется ответ.

Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего. Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова. А если помнит – в мельчайших подробностях? И прошлое это – столь страшное, что, мнится, не избавиться от него вовек, разве ж попробовать запечатлеть на бумаге, излить душу – тогда, может, отступит, перестанет мучить тягостными снами.

Такие мысли посетили меня, когда я познакомился с рукописью Юлия Айзенштата. Уроженца местечка Глуск, минчанина, с которым пересекались мои иммигрантские пути. Не раз я слышал его эмоциональные выступления на митингах, собраниях, кое-что знал о его детстве и отрочестве, оплавленных войной, но и представить не мог тех смертельных коллизий, в которых он оказывался. Узнал это из его воспоминаний.

Меня, написавшего документальную повесть о Минском гетто, основанную на свидетельствах уцелевших узников ада, казалось, ничем не удивить. Но рассказанное Айзенштатом врезается показом обыденности трагедий и мужества; сколь тонкая, паутинная черта разделяет жизнь и смерть, бытие и небытие...

И невольно спрашиваешь себя: а как бы ты, девяти-двенадцатилетний, вел себя в гетто наподобие Глусского, пытаясь избежать гибели; смог бы скрыться, раствориться во враждебном тебе пространстве, нашел бы выход

из безнадежного положения; пережил бы тяготы и лишения партизанского быта... Вынес бы все это? Не знаю, не ведаю...

Юлий Айзенштат все вынес на своих детских плечах – и гетто, и пребывание в партизанском отряде “Красный Октябрь”, и расстрел в мартовском болоте.

На болоте с рыхлым снегом скрывались шестеро партизан, и Юлий в их числе, оружие было не у всех, и звучали отрывистые, как лай, автоматные очереди, когда два десятка немцев методично расстреливали шестерых. Юлию повезло, смерть заглянула ему в лицо и прошла мимо: немец ранил его в руку и не дострелил, предпочтя этапировать в концлагерь Озаричи. Там узников, в особенности детей, специально заражали тифом, чтобы эпидемия распространилась на жителей окрестных деревень и советских солдат, освобождавших этот район Белоруссии.

Не хочу и не могу пересказывать содержание книги. Небольшая по объему, она “томов премногих тяжелей”. В ней – неподдельная, искренняя, саднящая боль. В ней – необыкновенная биография одного из тех, кого принято относить к самым обыкновенным людям.

Айзенштат чудом выжил, получил высшее образование, стал известным в Минске инженером, отцом четверых детей – и дети, и внуки живут теперь в Америке.

...Многие путают свое воображение со своей памятью. С Айзенштатом этого не случилось. Он пишет правду, ничего не придумывая, не приукрашивая, – такую, какая отложилась в его сознании.

Давид Гай

Часть первая

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Малая родина

Окутан дымкой берег Птичи, берег детства.
Туда спешим мечту догнать и с нею жить.
Есть уголок земли – единственное место,
Нет, не стереть его, ничем не заменить.

Глусчанин Л. Ляпко

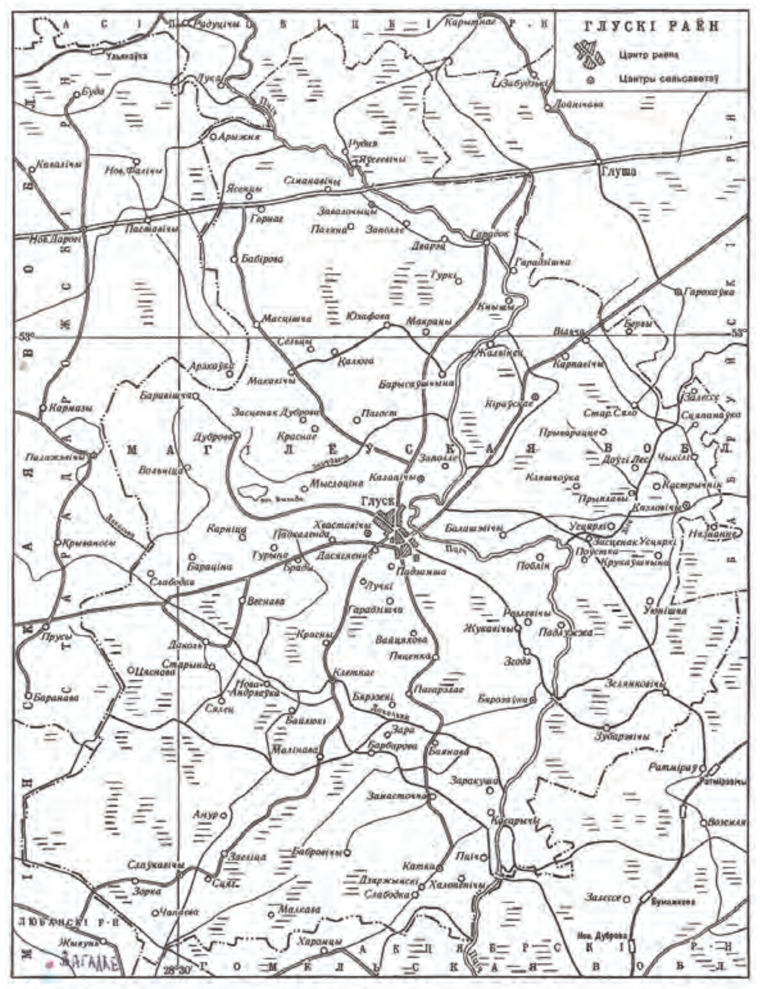
Белоруссия была колыбелью российского еврейства. Конечно, не нынешней Российской Федерации, а тогдашней Российской империи, позже ставшей Советским Союзом. Отсюда шла дальнейшая миграция евреев по российским просторам.

Это была земля, на которой евреи жили больше тысячи лет; где в городах и местечках в процентном соотношении иудеев проживало зачастую больше всех: население некоторых населенных пунктов было когда-то более чем на две трети еврейским! Это была земля, где количество синагог и молельных домов исчислялось сотнями, где возникали уникальные ешивы, где жили выдающиеся религиозные деятели, были написаны знаменитые теологические сочинения. Земля, которая дала миру немало знаменитых художников, писателей, ученых, политиков. Земля, где черная яма Холокоста засосала около миллиона еврейских жизней – жителей Белоруссии и привезенных из соседних европейских стран…

В настоящее время в Беларуси еврейское население составляет лишь небольшой процент (в 1999 г. проживало всего 27810 человек, сейчас еще меньше). Еврейская собственность общинам не возвращается. Вместе с тем следует отметить, что на государственном уровне антисемитизм, можно сказать, отсутствует.

Мои детство и юность прошли в Глуске, расположенном на правом берегу реки с поэтическим названием Птичь, впадающей в Припять, примерно в 30 километрах выше Мозыря, – центра белорусского Полесья.

Название “Глуск”, скорее всего, произошло от слова “глушь” или “глухомань”, что вполне соответствовало его расположению на карте, в отдалении от больших и развитых европейских городов, прежде всего, польских и немецких.

Глускі раён размешчаны ў паўднёва-заходняй частцы Магілёўскай вобласці. Утвораны 17.7.1924. Плошча 1,3 тыс. км². Насельніцтва 22,4 тыс. чалавек, з іх 13,9 тыс. сельскіх жыхароў (1998). Цэнтр — г.п. Глуск; 107 сельскіх населеных пунктаў. Падзяляецца на 9 сельсаветаў: Бярозаўскі, Завалочыцкі, Казловіцкі, Калаціцкі, Каткаўскі, Кіраўскі, Клятнянскі, Слаўкавіцкі, Хваставіцкі.

Согласно документальным данным, Глуск был основан в конце 14-го века. Первым его владельцем был Иван Гольшанский, сын которого Юрий Домбровицкий для защиты от врагов построил деревянный замок с земляным валом, башнями и подъёмным мостком, через который можно было попасть на территорию замка.

Во время войны России и Речи Посполитой (1654-1667 г.г.) замок был сожжён. На его месте был возведён по тем временам грандиозный новый замок с пятиугольным опоясывающим валом высотою до 6-7 метров, окружённый широким рвом, заполненным водой. На валу были возведены бастионы, соединённые подземными ходами. Замок был таких размеров, что когда приходил враг, туда прятались все жители местечка. Несколько позже католический орден бернардинцев строит на территории замка костёл, который был разрушен во время освобождения Глуска от немецкой оккупации в 1944 году.

При археологических раскопках удалось частично восстановить картину быта Глуска давних времен. Среди прочего, были найдены кости тигра! У князей было модно держать для забавы при дворе негритёнка, карлика или какого-нибудь экзотического обитателя саванны...

Известно, что в 13-ом веке в польских и литовских городах проживали евреи. В дальнейшем оттуда и из Германии они стали постепенно переселяться на территорию нынешней Беларуси. Охранные грамоты обеспечивали евреям право и возможность заниматься торговлей и ремёслами наравне с местными жителями.

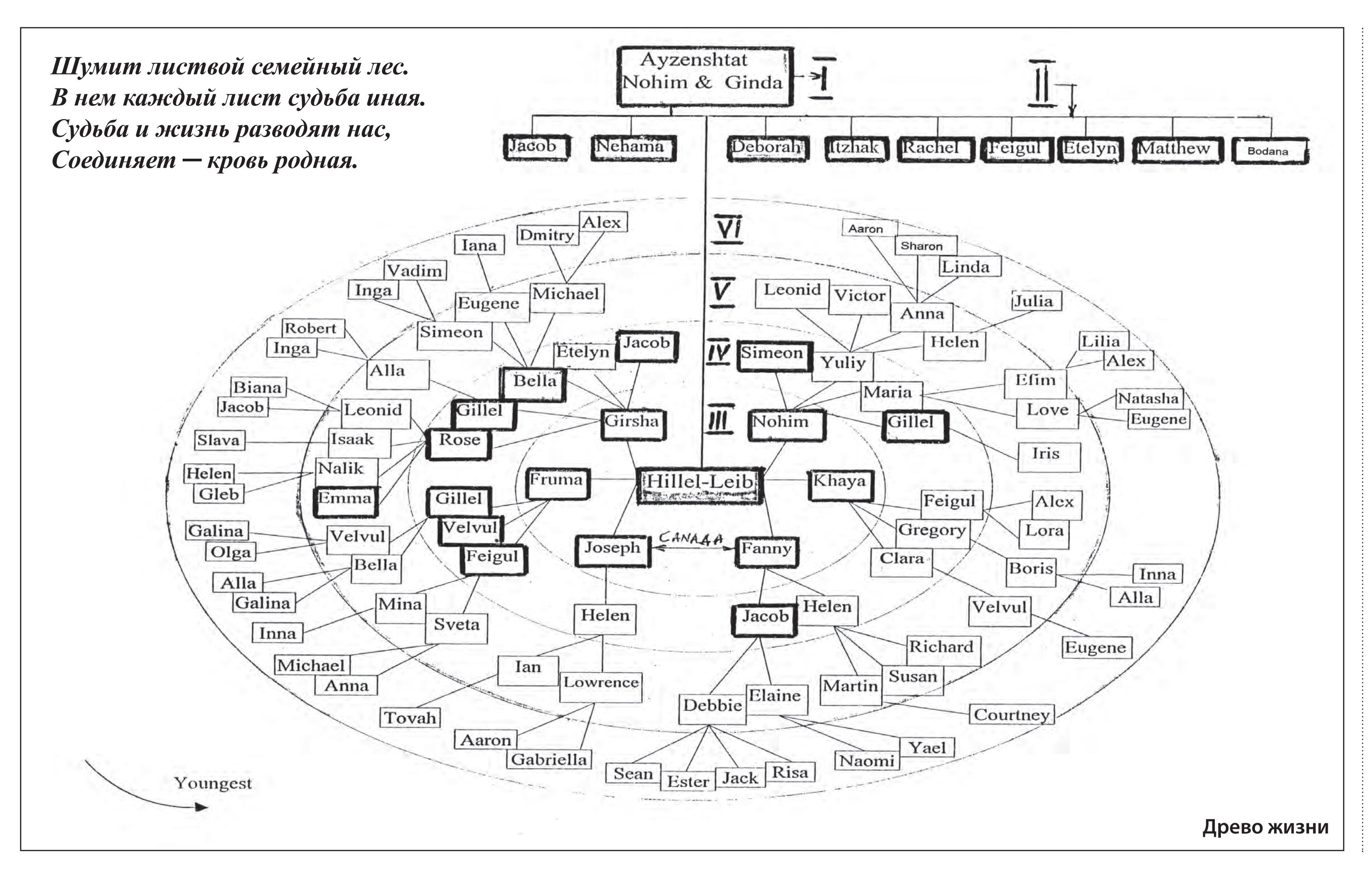
В результате 2-го раздела Речи Посполитой земли Глусского графства вошли в состав Российской империи. Фактически местечко Глуск являлось частицей того края, где согласно Указа императрицы Екатерины II, в 1791 году начали расселяться евреи. В этот край, кроме Польши и Украины, входила и Белоруссия. Эти земли оказались для евреев пределами черты оседлости. Здесь жили свыше пяти миллионов евреев Российской империи (95%), говоривших на языке идиш.

По переписи населения 1897 г. в Глуске проживало 5328 человек, из них - 3800 евреев или 71%. В нём находились две синагоги, пять молельных домов, еврейская и белорусская школы, две церкви и костёл.

В царское время была в Глуске достопримечательность, которую нельзя обойти вниманием. В местечке работала раввинатская академия (иешива), в которой занимались студенты из разных мест. Ею руководил выдающийся раввин Борух-Бер Лейбовиц. Немало выходцев из глусской иешивы впоследствии стали известными раввинами в Америке.

До октябрьского переворота Глуск был волостным центром. А в советское время, находясь на стыке ряда областей, при их территориальных реорганизациях его "футболили" из одной области в другую. Так, в 1938 г. Глусский район входил в состав Полесской области, в 1944-м – Бобруйской, в 1954-м – Минской, а с 1960-го по настоящее время входит в состав Могилёвской области. Были и такие времена, когда Глусский район был и вовсе упразднён, став частью Бобруйского района.

Перед войной в Глуске насчитывалось около двух десятков

Шумит листвой семейный лес.
В нем каждый лист судьба иная.
Судьба и жизнь разводят нас,
Соединяет — кровь родная.
Ayzenshtat
Nohim & Ginda
I
II
Jacob
Nehama
Deborah
Itzhak
Rachel
Feigul
Etelyn
Matthew
Bodana
VI
V
IV
III
Alex
Dmitry
Iana
Vadim
Inga
Eugene
Michael
Robert
Inga
Simeon
Etelyn
Jacob
Alla
Bella
Biana
Jacob
Leonid
Gillel
Girsha
Slava
Isaak
Rose
Helen
Nalik
Gleb
Emma
Gillel
Fruma
Hillel-Leib
Galina
Velvul
Velvul
Olga
Feigul
Joseph
CANADA
Fanny
Alla
Bella
Galina
Mina
Sveta
Helen
Inna
Michael
Anna
Ian
Lowrence
Tovah
Aaron
Gabriella
Aaron
Sharon
Linda
Leonid
Victor
Anna
Julia
Simeon
Yuliy
Helen
Lilia
Alex
Maria
Efim
Nohim
Gillel
Love
Natasha
Eugene
Iris
Khaya
Feigul
Alex
Gregory
Lora
Clara
Boris
Inna
Alla
Velvul
Jacob
Helen
Eugene
Richard
Martin
Susan
Debbie
Elaine
Courtney
Yael
Naomi
Sean
Ester
Jack
Risa
Youngest
Древо жизни

предприятий местной промышленности. Наиболее крупным была артель "Спатри", основанная в начале 20-го века итальянским и австрийским предпринимателями, которые поставляли осиновую стружку и тканое полотно в Европу для изготовления ковриков, циновок, летних шляп. Технология получения стружки держалась в строгом секрете. Выбор местоположения предприятия был обусловлен тем, что здесь произрастало очень много исходного сырья (осины), отличавшегося необходимой мягкостью древесины.

После войны, с целью возвращения к исконным корням, в 1948 году верующие евреи арендовали помещение для синагоги (вопрос о возвращении бывшего здания синагоги даже не поднимался), пытались зарегистрировать общину, избрали ее правление (раввином стал Гирш Лейбович Айзенштат). Зарегистрироваться не удалось, тем не менее на молитвы собиралось до 50 человек. В ноябре 1954-го власти запретили собрания в незарегистрированном помещении.

К сожалению, из процветающей когда-то еврейской общины в настоящее время в Глуске проживает единственный еврей – писатель Наум Сандомирский с женой Полиной, внук бывшего раввина Гирша Айзенштата.

Мои корни

Поэму "Хорошо" Маяковский начал словами: "Время – вещь необычайно длинная. Были времена – прошли былинные...".

Если исходить из продолжительности нашей жизни, то время – "вещь" вовсе не такая уж и длинная, скорее наоборот. Согласно теории относительности Энштейна, оказывается, что время вообще величина непостоянная и может при мощных силах гравитации замедлять свой бег в пространстве. Что же касается времени жизни человека, то каждому отпущен свой срок.

...Откуда мы, кто мы такие, откуда пошёл наш род под фамилиями Айзенштат и Клейнер? В молодости, а тем более в детстве, когда ещё были живы те, кто мог бы нам многое поведать о наших предках, мы об этом не задумывались. Юности свойственно легкомыслие: кто в таком возрасте задумывался над своей родословной... Учёба, работа и множество других объективных и субъективных причин не позволяли нам этого сделать. А возможно, просто так устроен человек. В молодости нам не до этого, еще успеется. Когда же начинаем об этом задумываться, то оказывается, что "поезд" уже ушёл, а вместе с ним подробности бытия наших родных и близких. И прерывается связь поколений...

Я пришёл к пониманию этого где-то после 60 лет, ещё живя в Союзе,

а приехав в Америку, стал по крохам собирать данные о мишпохе и растить генеалогическое древо по линии своего отца. Удалось обнаружить сведения о шести поколениях близких и родных, начиная от прадеда Нохима и прабабушки Гинды и кончая теми, кому они дали путёвку в жизнь. В целом жизнь шести поколений охватывает период с середины XIX века до наших дней. Увы, о родителях прадеда мне ничего не известно и вряд ли это уже удастся выяснить. Что же касается его самого, то интересную информацию я получил от самой старшей из родичей – Нины Айзенштат (внучки брата моего деда), живущей сейчас в Израиле.

Мальчиком 15-16 лет прадед прислуживал у местного рабая, у которого была дочка Гинда примерно его возраста. Естественно, они были знакомы, возникло влечение друг к другу, переросшее в любовь. В итоге была сыграна свадьба. У них родилось десять детей. Для каждого, кроме Боданы, умершей в юном возрасте на корабле по дороге в Америку, можно было составить древо жизни, аналогичное тому, что удалось сделать мне и моей старшей дочери Лене, наращивая "ветви-эллипсы кроны поколений".

Прабабушка Гинда

У деда Гилел-Лейба, который был третьим в семье, и бабушки Сары родилось девять детей, трое из которых умерли в раннем возрасте. Имена их мне не известны, но я хорошо знаю четырёх из оставшихся шести. Их имена на схеме расположены по старшинству: Гирша, Фрума, Хая и самый младший – мой отец Нохим. Их брат и сестра Ейсоф и Фейгл, будучи молодыми людьми эмигрировали в Америку в 1914 г. перед самым началом Первой мировой войны. После долгих поисков в 1997 г. мне с дочерью посчастливилось разыскать их детей в Канаде, в Торонто. Но об этом – дальше...

Дедушка Гилел-Лейб унаследовал фамильную профессию мельника, и, по рассказам отца, знал это ремесло в совершенстве, обеспечивая безбедную жизнь семьи. Бабушка Сара, подобно всем еврейским женщинам в местечках, занималась хозяйством и детьми. Они жили по еврейским традициям, посещая синагогу, соблюдая еврейские праздники и питаясь исключительно кошерной пищей.

После Октябрьского переворота в Белоруссии процветал бандитизм, и многие евреи стали жертвами банд Булак-Балаховича и просто грабителей.

В 1920 году, когда дедушка с племянницей Фаней возвращался на подводе из Бобруйска, на них напали бандиты. Поживиться им особенно было нечем, но одному из них приглянулись дедушкины сапоги.

– Згрунцай бутцы, – скамандовал он.

Дедушка, оценив ситуацию, снял и отдал сапоги. В ответ услышал:

– Можешь ехать, – и бандиты развернулись в сторону леса, откуда и появились.

Но не тут-то было. Вдруг Фаня услышала выстрел – и дедушки не стало... Бабушка Сара переехала жить в семью своего старшего сына Гирши. Она вела уединённый образ жизни. Не припомню случая, чтобы

Дедушка Гилел-Лейб **Бабушка Сара**

она когда-либо бывала у нас. Она всегда приветливо встречала внуков и не отпускала без гостинца. Умерла она так же тихо, как и жила, пережив деда почти на двадцать лет. Похоронили её на том же еврейском кладбище, где был похоронен дедушка. После войны мы не нашли их могил: нацисты не только "окончательно решили еврейский вопрос" в местечке, но не оставили в покое и мёртвых, разрушив кладбище.

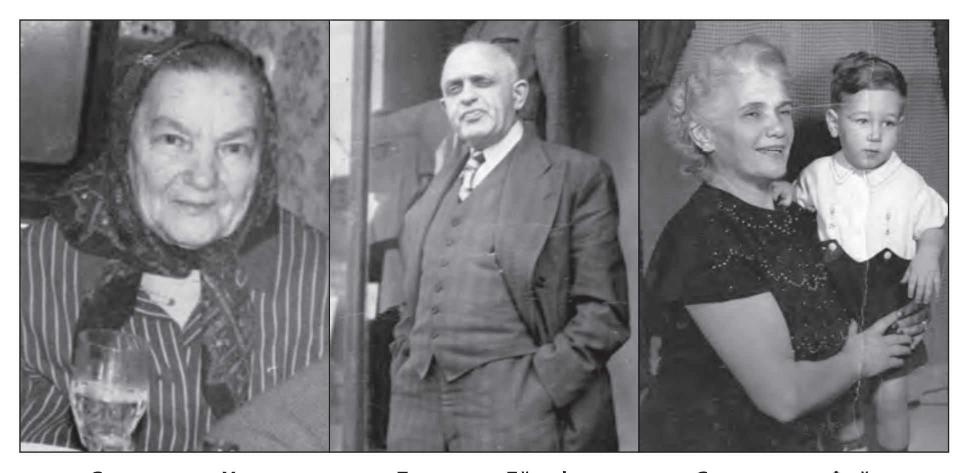
Родители мамы – Клейнеры, Мейшке и Броха, имели трёх дочерей и сына. Двое из них, Ида и Лёва, жили в Минске, а сами родители со своей старшей дочкой Малкой Колтовой – в Глуске. Мы, внуки, часто приходили к ним. Бабушка была красивой статной женщиной, напоминающей по кинофильмам особ королевского окружения, если не саму королеву. Мне не совсем понятно было, почему она выбрала себе в мужья человека, значительно ниже себя не только ростом... Вероятно, тому были свои

причины, но, с другой стороны, “любовь зла”. Тётя Ида была очень похожа на бабушку.

При царе у Клейнеров в Глуске была продуктовая лавка (магазин). Судя по всему, они жили безбедно, но в конце 20-х годов советская власть

Мой отец Нохим (справа), его сестра Фрума и старший брат Гриша

Сестра отца Хая **Брат отца Ейсоф** **Сестра отца Фейгл**

их “раскулачила”, забрав магазин и дом, а сами они стали лишенцами, то есть были лишены гражданских прав. Сбережения же, которые у них были, им удалось спрятать.

На праздники внуки всегда бывали у них, особенно на Пасху. Нас принимали по еврейским традициям: с седерами (молитвами), мацой, кугулом (пирогом), испечённым в печи в специальной керамической форме, и маленькими “кугелятами”. По субботам большой кугул всегда был

наготове. На Хануку мы прибегали к ним уже с самого утра. Принимали нас всегда очень радушно и без гостинца (ханукe-гелт) не отпускали.

У каждого мужчины в местечке была своя кличка. Например, моего отца и его брата называли “Нохим Зуборевицер”, “Гирше Зуборевицер” (по месту их рождения в дер. Зуборевичи), мужа тёти Фрумы – “Берл дер Болуголе” (работал извозчиком), отца мамы – “Мейшке дер Прелэр” (допускаю, что были случаи продажи подпревших продуктов – ведь холодильников в то время не было). Подобные прозвища позволяли жителям местечка легко ориентироваться, о каком конкретно человеке или о какой семье идёт речь.

Наша семья

Отец родился в 1904 г. в деревне Зуборевичи, примерно в 20 километрах от Глуска. В юные годы он влюбился в Хайку, дочку глусского лавочника Мейшки Клейнера, и в 1923 г. они поженились. Через год родился мой старший брат Гилик (Гилел – по имени деда), в 26-м – сестра Мария, в 39-м – брат Сёмочка.

Я родился первого декабря 1930 г. Этот день впоследствии отмечался в стране как день смерти С.М. Кирова. Ко мне лично это, конечно, никакого отношения не имело, но я просто обратил внимание, срывая листки календаря, на совпадение дат моего рождения и его смерти.

Наша семья в то время жила в деревне Клетное, примерно в восьми километрах от Глуска, где папа, будучи потомственным мельником (профессия его отца и деда), работал на мельнице. Река Доколька (приток р.Птичь), на берегах которой расположена д. Клетное, была небольшой. Ей по размерам соответствовала и мельница. Плотина перегородила пойму реки, и вода, падая вниз с верхнего бьефа, крутила жернова (камни) мельницы. Сюда приезжали крестьяне с зерном не только из самого Клетного, но и из соседних деревень и уезжали домой с мукой. Сестра рассказывала, что мама любила приговаривать: «Милеле молеле – мелеле гибеле», т.е.мельница мелет зерно и даёт семье муку.

Нарекли меня почему-то именем Юлий. Будучи уже взрослым, из романа Сергеева-Ценского “Утренний взрыв” я узнал, что Юлия, будущего римского императора, родившегося в “рубашечке” через “кесарево сечение”, назвали “Цезарем” от слова “кесарь” – царь. Не думаю, что родители что-либо об этом знали. Но я также родился в “рубашечке” и тем же способом. На этом наше сходство кончается: он стал тем, кем мы его знаем по истории – Цезарем, а я, если не считать смещения по времени и месту, – его вассалом (подданным). В детстве я всё просил маму, чтобы она показала мне эту злополучную “рубашечку”, из-за которой её заранее

отвезли рожать в районный центр, но она каждый раз откладывала "демонстрацию" на потом.

Моя мама Хая **Мой отец Нохим**

Отец со старшим братом Гиликом. 1926 г. **Я - зима 1944 и 45 гг.**

Я смутно помню, а больше знаю по рассказам, что дом наш в Клетном, скорее домишко, располагался возле самой мельницы почему-то с низовой стороны дамбы, по которой проходила дорога. Весной во время паводка он подтапливался талыми водами. По рассказам сестры,

бывало, что заливало пол. Колыбелью мне служили небольшие ночёвки, подвешенные к потолку. Однажды мама подняла крик, увидев, что

Брат Гилик **Сестра Маша**

рядом со мной в колыбели, свернувшись, лежит змея с жёлтыми ушками – это был уж. Его привлёк, вероятно, запах парного молока – любимое лакомство, и он по свисающей верёвочке, служащей для укачивания, забрался в мою "обитель", не причинив мне, впрочем, никакого вреда.

Маша ещё мне рассказала про такой случай. Она с братом, усевшись на подоконнике в доме, ловили раков, привязав лягушку к верёвке на короткой палке. Наживку они опускали под воду на самое дно и ждали (вода была прозрачной), когда рак вцепится клешнями за лягушку. Затем следовало плавно поднимать его до поверхности и брать за спинку под водой. Главное, чтобы его спина не оголилась, иначе рак уходил. Однажды крупный рак схватил брата за пальцы, и он, потеряв равновесие, полетел в воду и стал захлёбываться. Сестра помогла ему взобраться вновь на подоконник. Пойманных раков они затем обменивали у бродячих цыган из кочующего табора на украшения и ножи.

У каждого человека остаётся одно из первых воспоминаний детства. Мне врезалось в память рыдание мамы, когда она увидела меня, бредущего вдоль берега реки с Машиным платьицем, которое я тащил по земле. Мне тогда было 4,5 года. Мама решила, что Маша утонула. Такие случаи хотя и редко, но происходили на реке. На самом же деле сестра, взяв меня с собой на реку, убежала с подружками играть, оставив меня одного.

В Клетном не было электричества, и длинными вечерами для освещения в малой печи жгли лучину. Мне запомнилась на всю жизнь

замечательная еврейская песня “В маленькой печи”, которую пела мама при свете горящей лучины:

Офун припечэк брент а фаерул,
Ун ин штуб из гейс.
Ун дэр рэбэ лэрнт клэйнэ киндэрлэх
Дэм алэф бэйс.

В маленькой печи огонёк горит
И тепло в избе.
Дети вместе с ребе учат алфавит
Буквы “алеф”, “бейс”.

Зэт жэ киндэрлах , гидэнкт жэ таерэ,
Вос ир лэрнт до,
Зогт жэ нох амол, ун таке нох а мол:
Комэц, алэф, о ! ...

Ой, смотрите, детки, этот чтоб урок
Знали хорошо.
Ну-ка, повторите мне ещё разок.
“Комец”, “алеф”, о !...

Переезд в Глуск

После шести лет моей жизни в Клетном отец перешёл работать мельником в Глуск. Здесь жили его и мамины близкие и был более “высокий уровень жизни”, хотя все, разумеется, было относительно.

Вместе со своей сестрой Фрумой папа недалеко от мельницы купил двухсемейный дом с дворовыми постройками и садом. Дом располагался на возвышении по границе пойменной части Птичи, где размещалась мельница в одном блоке с паровой машиной, которая в светлое время суток крутила жернова и другие механизмы, а в вечернее время – большой генератор для освещения Глуска.

Отец знал профессионально не только мельничное дело, но был одновременно и механиком, обслуживая другие довольно сложные агрегаты, расположенные рядом с мельничным цехом. Речь идёт о волночёске, перерабатывающей овечью шерсть в пригодную для дальнейшего применения шерстяную продукцию, и круподёрке, отделяющей зёрна гречихи, ячменя, проса, овса от “плевел” (шелухи). Далее вся эта “ободранная” масса, самостоятельно для каждой из культур, проходя через веялку, разделялась на крупу и шелуху.

В конце нашей улицы, которая заканчивалась тупиком у вала, находилась баня с котельной, а с северной стороны пролегал глубокий тальвег (пониженное место), по которому дождевые и талые воды из центральной части местечка стекали в Птичь. К тальвегу примыкал земляной вал, опоясывающий исторический замок.

Обязанности нас, детей, регламентировались мамой в зависимости от наших способностей, наклонностей и возраста. Способности же наши убывали по мере нашего рождения – от старшего к младшему.

Гилик как первенец “прихватил” себе при рождении такие качества как

ум и музыкальный слух, которым, кстати говоря, не учат, а также способности к точным наукам. Родители считали его среди нас самым башковитым. Он мог в уме умножать двухзначные числа и извлекать квадратные и даже кубические корни, решать сложные математические задачи. Мне представляется, что именно из такого рода людей выходят доктора точных наук и лауреаты самых престижных премий. Увы, в силу разных причин с ним этого не произошло.

Следом за Гиликом шла Маша, которая, как и он, “прихватила” при рождении изрядную долю достоинств. До восьми лет она ничем особым не отличалась от своих сверстниц. Просто была послушной, хорошей во всех отношениях девочкой. Но вот пошла в школу и сразу обратила на себя внимание трудолюбием и сообразительностью. Грамоты и благодарности, как и у Гилика, сыпались словно из рога изобилия. Мне же досталось то, что осталось, а “осталось” совсем немного. Правда, младший братик Сёмочка, со слов отца, в свои два годика был развит не менее Гилика в этом же возрасте.

Любимыми моими занятиями летом были рыбалка и купание до посинения, страсть играть в военные и прочие игры со сверстниками и с теми, кто был постарше, и гонять на велосипеде, а зимой – кататься на лыжах и коньках. Ученье было не по мне.

Семейные обязанности Гилика, Маши и мои не носили уставного характера. Маша была помощницей мамы в домашних делах. Брат, насколько я помню, был свободен от домашних дел. Много читал, учился играть на скрипке, принимал участие в диспутах разного рода, которые проходили в домашней обстановке у ослепшего в юности Зямы Чирлина, считавшегося в Глуске очень эрудированным человеком. У меня же была единственная обязанность – относить папе на мельницу горячий обед, что я делал с превеликим удовольствием: не любил, когда мною командовали, когда мною понукали, с трудом мирился что-то делать по принуждению.

Здесь же, на мельнице, было так интересно наблюдать, как паровая машина через целую систему шкивов вращает жернова, в которые из верхнего яруса через огромную воронку сыплется зерно, а внизу в заранее подготовленные мешки поступает готовая к употреблению мука. Часто одновременно с жерновами работали волночёска и круподёрка. В такое время у отца была напряжёнка и он, не успев поесть, бежал на зов, так как где-то что-то не ладилось. В такие моменты его на “капитанском мостике” замещал помощник Герчик.

Вряд ли, конечно, применимо – “замещал”: в своём деле отец был незаменим. Его считали специалистом высокого класса и даже приглашали в соседние районы для заливки и ковки жерновов. Чтобы оценить его мастерство, надо было видеть, как он подбирает компоненты, приготавливает из них специальный раствор, замеряя ориометром его плотность, и делает заливку. Ковка же камней под лекало с фейерверком искр достойна была

кисти художника. В такие моменты казалось, что отец отключался от реалий жизни, и какая-то неведомая для постороннего наблюдателя сила возносила его на недосягаемую высоту, где он парил, увлечённый только ему доступным любимым делом, подобно шагаловскому "Скрипачу на крыше".

Иногда на мельницу по договорённости с моим другом Васей мы ходили вместе, прихватив с собой удочки, и пока папа обедал, ловили рыбу непосредственно с настила под агрегатами, где когда-то находились жернова водяной мельницы. На обратном пути, присев на лугу в удобном месте, мы устраивали для себя маленький пикник из того, что оставалось от обеда отца и что было приготовлено мамой для нас.

Мама, как и подавляющее большинство женщин местечка, крутилась белкой в колесе: занималась хозяйством, детьми, огородом, ухаживала за коровой. Животное нужно было на рассвете, когда самый сон, подоить до отправки на пастбище, а вечером встретить и вновь подоить. Это было летом, зимой же требовалось, кроме всего прочего, приготовить для неё целый цеберь (бадью) подогретого пойла из картофеля, овощей, макухи и прочих составляющих. Я удивлялся: "Как это корова всё это может съесть?" Правда, живот её говорил сам за себя. Её отменный аппетит как бы подтверждал папины слова: "Молоко у коровы на языке. Ты даёшь ей, она – тебе!" И действительно, утром и вечером мама надаивала по ведру молока, которое следовало ещё переработать на простоквашу, творог, сметану и масло. Ничего не пропадало. Всё использовалось. Даже сыворотка, остающаяся от изготовления творога, использовалась для замешивания блинов. Блины пекли на сковородке в горячей печи, где они росли, как на дрожжах, поднимаясь к её своду.

Пишу об этом и чувствую, как начинают работать слюнные железы...

Однако, что касается меня, то лучше бы молочных продуктов и вовсе не было, так как у меня от них была сильная аллергия, сопровождающаяся рвотой. Но это не касалось, конечно, маминых блинов с зарумянившейся сверху корочкой...

Да, я ещё забыл про кур и гусей, которые тоже требовали внимания, особенно в летнее время, так как на зиму гусей "порешали" на грибины (шкварки). О прочих гусиных прелестях я уж не говорю: для меня было главное – грибины. Однажды Гилик и Маша, зная мою любовь к ним, сыграли со мной злую шутку. Мама накладывала эти коричневые "загогулинки" в большую миску и для лучшего сохранения ставила в кладовой на нижнюю полку шкафчика. Я часто, при каждом удобном случае, забегал в кладовую и, естественно, прикладывался. Иначе зачем же мне было туда наведываться... Сестричка с братиком тоже не брезговали хрустящими "безделушками", и когда однажды там осталась только одна, правда, большая грибина, они договорились надо мной поиздеваться и оставили её мне на съедение.

Я, конечно, по их поведению почувствовал что-то неладное, но голод

не тётка, и на третий или четвёртый заход не удержался и, быстро прожевав грибину, вышел из кладовой, как ни в чем не бывало. Сестрица следила за мной и, когда сели обедать, Маша (именно она была заводилой) словно невзначай, с ехидцей спросила:

– Кто это съел последнюю оставшуюся грибину?

За столом полный молчок. Мама молчит, Гилик молчит, и я веду себя независимо. А Маша, будто ей больше других надо, не унимается и продолжает:

– Дело в том, что оставшаяся последняя грибина была не чем иным как “попой” гуся!

Меня словно током ударило. Все засмеялись, я же, как ошпаренный, со слезами выбежал из-за стола.

Так для меня закончилась эта история, хотя в дальнейшем мне не раз напоминали о ней. Тем не менее, я не разлюбил эти “штучки”, и для меня их насмешки были как с гуся вода.

“Бог покарал!..”

Проводимая в стране “национальная по форме и социалистическая по содержанию” политика привела к тому, что в 1938 году еврейская школа Глуска стала русской. Кардинально менять ничего не требовалось – просто преподавание в одночасье стало вестись на русском языке. Даже директор еврейской школы Марон и учителя остались на своих местах.

Антирелигиозная политика советской власти также безжалостно прекратила деятельность синагог, молельных домов, церквей и костёла. Одна из синагог была переоборудована под кинотеатр, а центральная, расположенная в парке, – под Дом Народной Культуры (Нардом).

С другом Васей мы были свидетелями разрушения церкви, расположенной рядом с его домом. Местные жители и крестьяне из окрестных деревень каким-то образом узнали о намерении властей и собрались во дворе церкви. Когда из неё выбрасывали сломанные иконы, женщины, крестясь, бережно поднимали их и забирали с собой. Пик этого большевистского шабаша наступил, когда какой-то человек пытался с конька крыши церкви набросить веровочную петлю на крест, венчающий купол, с намерением сбросить его. Подмостей, конечно, не установили. Крыша была крутой, и в какой-то момент мужчина оступился, взмахнув руками, и покатился по ней вниз. Наступило гробовое молчание, прерванное глухим ударом тела о землю и воплем толпы: “Бог покарал!...” Из ушей, рта и носа упавшего сочилась кровь...

Потом в здании бывшей церкви обосновался Осоавиахим.

Аналогичным образом поступили и со второй церковью. Костёл не действовал, но не был разграблен – возможно, находился по договорённости с Польшей под охраной государства.

“Милые детские шалости”

Должен честно признаться, что учиться я не хотел. В школу принимали с восьми лет, а детей с семи до восьми лет определяли в “нулевку” (нулевой класс). Родители же хотели (особенно Маша, чтобы дома было поспокойнее) “всучить” меня именно в первый класс для большей загрузки, хотя по возрасту я ещё не дорос. Мама доказывала директору школы, что я умею читать и знаю азы арифметики, но проверка показала отсутствие у меня элементарных знаний, и меня отправили в “нулёвку”, где можно было лоботрясничать.

Дома родители устроили мне головомойку, и папа даже по этому поводу снял ремень. Хотя и не часто, но ремень использовался в целях моего воспитания. В такие моменты мне казалось, что к другим детям он относился лучше, чем к своему собственному сыну. Я ни разу не видел, чтобы он использовал этот “предмет воспитания” в отношении Гилика, а о Маше и говорить не приходится. Так я думал тогда....

Мне нравилось многое, но моим хобби летом была рыбалка, а зимой – катание на лыжах и коньках. Летнее моё увлечение в полной мере разделял мой друг. Неведомая сила тянула нас с Васей с удочками на реку, до которой было рукой подать. Там мы пропадали целыми днями, забывая о еде. Ловили пескарей, плотву, уклеек, окуньков, барбунов, щуки попадались редко, в основном – щурята на червя.

Особая забота была оснастить удочки. Для этого предстояла немалая работа. Это сейчас нет никаких проблем с удочками, леской, поплавками, крючками и грузилами: пошёл и купил, что душе угодно, а тогда их производство и асортимент были ограничены. В Глуск же эти принадлежности практически не поступали, и каждый мастерил сам, кто во что горазд. За удилищами мы с Васей ходили в лес, это было недалеко – полтора-два километра, откуда мы приносили стройные “хлысты” молоденьких берёзок: именно они годились для удилищ благодаря своей прочности и гибкости. Дома обрабатывали их и в течение двух недель сушили, уложив для ровности между брёвнами, из которых был сложен сарай. Поскольку в то время ещё не была изобретена капроновая нить, то леску нас научили изготавливать из волос конского хвоста, которые приходилось добывать или на мельнице, или на базаре, по-тихому вырывая их у лошадей. Поплавки делали для мелкой рыбы из гусиных перьев, а для крупной – из коры старых сосен. Крючки добывали у бывалых рыбаков.

Проблема была с грузилами, Ранее в их качестве мы использовали гайки, болтики, даже камешки, но это было неудобно и ненадёжно. Выход был найден. В костёле на территории бывшего замка был орган, а в нём оловянные трубы, из которых легко можно было изготовить грузила разной степени тяжести. Они очень просто крепились к леске.

От рождения мне была присуща худоба, и старшие товарищи предложили мне пролезть через металлическую решётку, установленную на оконном проёме костёла, с тем, чтобы добыть органную трубу. Сами они этого сделать не могли из-за своих габаритов. Сказано – сделано. В одно из воскресений, когда артель "Спатри", на территории которой находился костёл, не работала, мы легко преодолели ограду и расстояние до цели. Подельники подставили мне спины, и я, легко ухватившись руками за решётку, подтянулся, пролез через её "игольчатое ушко" и оказался внутри святилища. Поднялся по лестнице на ярус, где размещались органные трубы, и легко извлёк одну из них, выбрав какая побольше.

...Тогда я, заполошный мальчишка, не осознавал святотатства своего поступка.

По нашей улице на самом её взгорке размещался красивый дом, в котором жил военком Лёвин. Встречаясь, мы всегда здоровались. Улыбаясь, он обычно спрашивал: "Ну, как рыбалка? Что поймал?" Иногда по воскресеньям я видел из окна, как он со своими друзьями тоже отправлялся рыбачить. Зная мою страсть, он однажды предложил мне тоже поехать вместе с ними, при условии согласия родителей. С их стороны, конечно же, возражений не было, так как предложение исходило от авторитетного товарища.

И вот мы на реке. Раскрутили свёрнутый невод, взрослые тянули его, а я в качестве лодочника плыл вслед за ними. Когда невод вытаскивали в удобном месте на берег, я причаливал и помогал вытаскивать из крыльев и киля невода рыбу и очищать сеть от тины.

В очередной заход со мной произошёл конфуз - при отчаливании от берега туфли военкома, стоявшие в носовой части лодки, оказались в воде. Я бросился за ними вслед, благо они ещё не успели утонуть. Затем мне пришлось догонять лодку по течению реки. В итоге всё обошлось, но я изрядно понервничал. Вечером Лёвин пришёл к нам домой и принёс за мой труд рыбу в количестве, удивившем всю нашу семью, и хотя я чувствовал себя слегка не в своей тарелке (едва не утопил туфли военкома), тем не менее был горд, что доставил родителям хоть какую-то радость. Незадолго до этого события им пришлось уплатить штраф за разбитый мной витраж из цветных стёкол на уровне 2-го этажа Нардома (бывшей центральной синагоги). Виновато же в этом было солнечное затмение, когда луна стала заслонять солнце и днём наступили сумерки. Многие подготовились к этому событию и, чтобы не получить ожёг глаз, наблюдали за происходящим через заранее закопчённые стёкла. Мы же с Васей воспользовались красным стеклом витража Нардома, так как нужно было спешить, чтобы не упустить прохождение диска луны по диску светила. Когда ещё можно будет увидеть солнечное затмение?

Заканчивалось лето, а вместе с ним и рыбалка, и я с нетерпением ждал прихода зимы. Хотелось побыстрее опробовать новые лыжи, привезённые из

Бобруйска. Прошлогодние лыжи, изготовленные по просьбе отца мастером фабрики “Спатри” Синделем, были изготовлены из осины, имели длину не более одного метра и из-за деформации пришли в негодность. Новые лыжи были раза в полтора длинее и более прочные.

Расположение нашего дома на взгорке, напротив вала, создавало исключительно благоприятные условия для спуска с горы на лыжах, пересекая на скорости тальвег и въезжая на возвышение. После каждого съезда с горы приходилось, сняв лыжи, подниматься по крутому склону на вершину. Далеко не каждому из желающих удавалось проскочить тальвег. Бывали серьёзные травмы. Синяки были и у меня. Случаи с травмами участились после сооружения 2-метрового трамплина и организации соревнований на дальность прыжков. Однако желание и возбуждение брали верх, сейчас это называют вбросом в кровь адреналина.

В лунные вечера лыжные катания продолжались допоздна.

Всему виной была лактоза

Молоко и молочные продукты являются очень важными составляющими для здоровья детей. А мой организм просто не принимал этих продуктов - при их употреблении у меня начинались тошнота, рвота и спазмы. Какие только действия не предпринимала мама!.. Она даже давала мне деньги на кино и конфеты за чашку выпитого молока, полагая, вероятно, что это может как-то повлиять на происходящее, но результат всегда был один и тот же. Только спустя годы, благодаря интернету, я узнал, что причиной такой реакции у детей является аллергия на сахар, содержащийся в молоке и молочных продуктах, называемый лактоза. От неё страдают в мире миллионы детей.

Аллергия на молочные продукты не могла не сказаться на состоянии моего здоровья. Отсюда, вероятно, и моя худоба. Не обошли меня и детские болезни (корь, скарлатина, коклюш и др.), но запомнились только две из них: золотуха – по причине нестандартного способа лечения, и воспаление легких, едва не оборвавшее мою жизнь.

Золотуха запомнилась золотистой слизистой корочкой за ушами и неприятными ощущениями, что якобы было вызвано нарушением обмена веществ. Мази разного рода, питьё рыбьего жира не устраняли болезнь. Однажды по приглашению мамы нас посетила некая женщина. Уединившись со мной и развернув кулёк с древесными углями, она стала совершать ими движения вокруг головы и лица с точечными касаниями, шепча при этом, как молитву, только ей понятные слова. Сеансы повторялись несколько раз. В результате свершилось чудо и от золотухи не осталось и следа.

Как...?! Почему...?! Ответа до сих пор не нахожу.

От двухстороннего воспаления легких, которое протекало одновременно

с корью, мне с каждым днём становилось всё хуже и хуже. Высокую температуру, сопровождаемую сильным кашлем, не удавалось сбить. Местный врач Александр Семёнов, пользующийся большим авторитетом в Глуске, предупредил родителей, что состояние моё крайне тяжёлое и спасти меня может, пожалуй, только недавно появившийся красный стрептоцид. На следующий день мамин брат Лёва, который работал провизором в одной из аптек Минска, привёз эти спасительные таблетки, и я пошел на поправку.

После наступившего кризиса я не мог самостоятельно передвигаться: настолько серьёзной была болезнь. Жизнь мне спасли доктор Александр Семёнов и дядя Лева. В дальнейшем я был обязан многим людям и просто случайностям, дарившим мне жизнь!

В лоб копытом...

...В тот солнечный летний полдень (было мне в ту пору лет шесть) я шёл вдоль забора бани из кольев, перебирая их палочкой, словно медиатором по струнам гитары. . Настроение было под стать погоде – солнечным. Звуки трещётки доставляли мне удовольствие. Я часто от безделья развлекался таким образом. Ничто не предвещало беды.

И надо же такому случиться, что в конце ограды чья-то стреноженная лошадь спокойно пощипывала травку. Когда я со своей трескотнёй приблизился к ней, она подняла голову, с превосходством глядя на меня своими глазищами, явно не собираясь уступать дорогу музыканту, то бишь мне, для последних аккордов трещеточной симфонии. “Музыканту” это не понравилось, и он высоко взмахнул полочкой-смычком в сторону лошади. В мгновение ока, поднявшись на стреноженные передние ноги, коняга нанесла мне копытом оглушительный удар в центр лба. Наши массы были несопоставимы, и я, как щепка, отлетел в сторону. В памяти осталась только стена огня перед глазами...

Очнувшись, я поднялся и поплёлся к неподалёку расположенному дому. Вся одежда была в крови, которая продолжала сочиться из раны. Во дворе возле телеги возился дядя Берл. Увидев меня, он, не раздумывая, помчался со мной в больницу к Семёнову. Доктор наложил на рану пять или шесть швов и со словами: “Родился под счастливой звездой” разрешил родителям забрать меня домой, снабдив изрядным количеством льда.

“Улица на улицу”

Хотя вал опоясывал бывший замок-крепость со всех сторон, самым бойким местом была та его часть, которая наиболее приближалась к центру местечка, где размещался парк. Здесь, вдоль вала до самой бани, в любую

пору года тусовались подростки и молодёжь, играя в военные игры (белых и красных), лапту с матерчатым мячиком, пикаря с консервной банкой, установленной на камень и др. Случались и драки.

Сейчас я уже не помню, что именно не поделили жившие на улицах поблизости от вала. Образовались два лагеря, противостоящие друг другу, и начались "военные действия". За обладание валом дело доходило до драк с применением камней, которые долетали до окон домов, разбивая стёкла. Хозяева были вынуждены закрывать ставни. Пишу об этом только потому, что для меня эти потасовки закончились серьёзной травмой.

...Однажды в полдень я с друзьями находился на валу на стреме, охраняя с заранее заготовленными камнями наши "позиции". Погода была солнечная. Мы немного расслабились и с некоторым опозданием обнаружили "противника", успевшего приблизиться к нам. Тем не менее, стали его атаковать. Команда "противника" стала отходить, а мы её – преследовать, бросая камни и спускаясь по склону вала к дому, в котором жила Качимониха (так её почему-то называли). Именно за этим домом скрылись супостаты. Мне почему-то всегда нужно было больше, чем другим, и я первым оказался у дома. Пробираясь вдоль стены дома, решил, не выскакивая, заглянуть за угол. Но и противная сторона не дремала. Один из супостатов, как оказалось, стоял за углом с камнем наготове и нанёс мне удар по голове. В итоге я вновь оказался в больнице, где всё тот же врач Семёнов, обработав рану, наложил швы и передал меня маме, снабдив льдом для прохождения дальнейшего лечения.

Следует отметить, что после этого случая и вмешательства милиции страсти поутихли. Таким образом, помимо моей воли, моя травма, как бы положенная на "алтарь Отечества", послужила косвенной причиной прекращения "военных действий".

Поскольку больше мои пути-дороги с Александром Степановичем Семёновым не пересекались, я просто не могу не выразить запоздалую благодарность в память об этом удивительном докторе и человеке. Для жителей Глуска и окрестных деревень он был по сути единственной скорой помощью. При этом не имело значения, был ли день или поздний вечер. Будучи верным клятве Гиппократа, он выполнял свой врачебный долг до последнего дня, не дожив в 1966 г. до своей 81-й годовщины. В настоящее время больница и улица, на которой она расположена, носят имя Заслуженного врача Республики Беларусь А.С. Семёнова.

Меня связывала тесная дружба с его младшим сыном Юрием, который живёт сейчас в Минске. Его старшие братья Станислав и Олег погибли. Юра трепетно хранит память о своём отце, братьях и свято чтит родословную своих предков.

“Сухожилистые черви”

Двухсемейный дом, который наша семья делила с тётей Фрумой, вероятно в связи с ожидаемым прибавлением семейства, не устраивал родителей и они, продав нашу половину, купили отдельно стоящий большой дом, расположенный неподалёку от пойменной части реки, что было важно для меня.

Переезд не повлиял на мою дружбу с Васей и мои увлечения. Рядом находилась начальная школа, где я учился. Это обстоятельство, кроме территориальной близости к новому дому, имело ещё одно преимущество – спортивную площадку, на которой можно было играть со сверстниками.

Наступила суровая зима 39-го. В связи с начавшейся войной с Финляндией отца в числе других глусчан призвали в армию. Наши войска оказались неподготовленными и несли большие потери в живой силе и технике. Руководство страны в марте 1940 г. согласилось заключить с Финляндией мирный договор.

Видя всех нас, встречавших отца с улыбкой радости, новорожденный Сёмочка, будучи на руках у мамы, тоже по-своему выражал свою радость, протянув ручёнки к ещё незнакомому ему человеку.

С войны отец вернулся с подмороженными ногами. Работать на мельнице было тяжело, и ему предложили освободившееся место заведующего столовой, расположенной в самом центре местечка. Я, несмотря на полученную ранее от лошади травму, по-прежнему любил этих животных, и папа иногда брал меня с собой, когда ездил на базу за продуктами. Управление лошадью он доверял мне, и это доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие: я чувствовал себя в буквальном смысле слова “на коне”. Бывало, я делился вожжами с Васей.

Играя в парке, я иногда забегал в столовую. Голодным не уходил. В одно из посещений я стал свидетелем курьёзного случая. Двое взрослых мужчин, обедая в столовой, вдруг потребовали у официантки пригласить шеф-повара. Когда тот подошёл к их столику, мужчины стали возмущённо показывать на тарелку с рагу, требуя жалобную книгу. Я, конечно, не мог остаться безучастным к происходящему и, подойдя поближе, увидел на краю тарелки с рагу мясных червей, точно таких, каких мы с Васей использовали для наживки при ловле плотвы и окуньков, правда, там они были живые. Рыбаки их называли просто опаришами. У стола появился отец, поздоровался с посетителями, назвав их по именам (они были знакомы), и решил выручить шеф-повара:

– Это не черви, а кусочки сухожилий, которые при приготовлении стали на них похожи по своему внешнему виду. Вы ошибаетесь, уважаемые друзья!

– Если ты, Нохим, такой умный, – сказал один из них, – то съешь эти сухожилия!

Отец, не раздумывая, нанизав “сухожилистых червей” на вилку, под изумлённые взгляды присутствующих мгновенно их проглотил. Таким способом он убрал вещественные доказательства, из-за которых, собственно, и разгорелся сыр-бор. Шеф-повар Хаим Левин с восхищением смотрел на отца своими большими карими глазами из-под высоко поднятых чёрных бровей. Посетителям же на второе были поданы другие блюда, и на этом инцидент был исчерпан.

После этого папа пригласил Хаима к себе в кабинет и, как я предположил, всыпал ему “по первое число”.

Мне также вспоминается случай, связанный с налогообложением, виновником которого из-за своей детской непосредственнности я стал. Дело заключалось в том, что государство для пополнения казны издавало драконовские законы. Например, за наличие в частном хозяйстве коровы, телёнка или, скажем, плодовых деревьев требовалось платить за каждую “единицу наличности” налоги. Отец, конечно же, платить эти налоги не хотел и на вопрос проверяющих: “есть ли в хозяйстве теленок?”, дал отрицательный ответ. И надо же было мне встрять и сказать, что корова утром отелилась...

Я, конечно, получил позже от отца то, что заслужил. Дети, безусловно, не должны вмешиваться во взрослые разговоры.

Часто вспоминаю свое детство, прошедшее в затерянном белорусском местечке Глуске, семью, в которой вырос, людей, с которыми посчастливилось встречаться. Все это так далеко… и так близко.

Часть вторая

ВОЙНА

Встреча с немцами

На рассвете 22 июня 1941 г. я, как обычно, вместе с другом Васей направился на рыбалку. Мы поймали на наживку пескарей и поставили две окунёвки с крепкой леской, сплетённой из волос конского хвоста. Сами же легкими удочками стали ловить мелкую рыбёшку: пескарей, окуньков, плотву. Между тем я обратил внимание, что одна из поставленных окунёвок стала рывками изгибаться в дугу. Я позвал на помощь Васю, и вместе мы вытащили крупную щуку длиною более полуметра. Радости были полные штаны.

В полдень смотали удочки и с хорошим уловом и настроением отправились домой. Уже по дороге услышали от прохожих слово “война”:
– Вы вот рыбу ловите, а началась война – немцы на нас напали.

Мы восприняли это сообщение по-детски. Война – так война . Мы ведь часто на валу играли в войну. Наши же родители находились в тревоге. По радио уже выступил Молотов, сказав о “вероломном нападении нацистской Германии на Советский Союз”.

В последующие дни напряжение нарастало. На третий день покинули Глуск папины брат Гирша и сестра Фрума со своими семьями. У них были свои лошади. Наша семья тоже хотела уехать вместе с ними, но непосредственный папин начальник Гольбин перехватил лошадь, принадлежащую столовой, пообещав, что отвезёт свою семью на станцию и на следующий день вернёт тягловую силу. Но события развивались настолько стремительно, что этого, к сожалению, не произошло.

Отец на случай бомбёжки или обстрела решил устроить укрытие во дворе. Ему в этом помог его хороший знакомый Адам Артюшеня из близлежащей деревни. Вырыли котлован, укрепили стены брёвнами, из них же сделали накат. Устроили сидения. Внутри на полусогнутых можно было перемещаться.

В местечке начались грабежи по ночам, и отец отвёз нас к нашим хорошим знакомым в деревню Подзамши, примерно в полутора километрах от Глуска.

27 июня я вместе со старшим братом Гиликом по договорённости с мамой отправился в Глуск к отцу, так как он к нам накануне вечером не приехал. В столовой обедало всё местное начальство: секретарь райкома партии Канавалёнок, председатель райисполкома Полторан, военком Лёвин, и др. Перед входом в столовую стояла бортовая автомашина ГАЗ-АА (её называли полуторкой, исходя из грузоподъёмности в 1,5 тонны). Мы тоже подкрепились. Вдруг с улицы раздались крики: “Немцы!”.

Всё начальство бросилось к машине. Отец в последний момент буквально втолкнул в переполненный кузов Гилика (он был комсомольцем), и машина, набрав обороты, скрылась за поворотом в направлении соседнего Октябрьского района. Я полагаю, что свои семьи руководство Глуска заранее эвакуировало, и правильно сделало, так как их немцы бы не пощадили.

Тем временем восемь немецких бронемашин (танкеток), двигавшихся со стороны шоссе Слуцк-Бобруйск по центральной улице, приближались к столовой. Люки танкеток были открыты, немцы сидели на броне с засученными рукавами, с автоматами на груди и лыбились, словно на параде. Из-за застройки они удиравшей полуторки видеть не могли и, не останавливаясь, продефилировали мимо столовой, скрывшись за поворотом. Было относительно спокойно: работала парикмахерская, столовая и другие учреждения. Народ, видя происходящее, высыпал на центральную улицу...

И вот в этой обстановке неизвестно откуда к столовой подходят двое наших вооружённых винтовками солдат со скатками через плечо, в ботинках с обмотками. Остановились на перекрёстке и чего-то ждут. Лица их были напряжены. Вероятнее всего, солдаты знали о появлении немцев.

Складывалось впечатление, что они, оценив обстановку, решили сдаться в плен. Ясно было только, что солдаты были призваны в армию не из здешних мест, иначе бы они наверняка оказались в родных пенатах. Я с другом Васей крутился возле них. Взрослые молчали. Вот уже и немцы возвращаются, а солдаты как стояли, так и стоят. Немцы, увидев их, остановились. Спешились с первой танкетки, подозвали солдат к себе. Солдаты показали им какие-то бумаги, видимо, листовки, сбрасываемые в большом количестве немецкими самолётами. Затем немцы взяли у солдат винтовки и, вынув затворы, ударом о броню сломали приклады, бросив всё на мостовую. По разговорникам что-то пытались сказать солдатам, а потом, похлопав их по плечу, произнесли: “До матки!”.

Видя происходящее, можно было предположить, что подобные встречи у немцев уже были в первые пять дней войны и что и на этот раз они поступали с пленными так же, как уже поступали ранее. Ведь им внушили, что война будет скоротечной (блицкриг), что Советский

Союз развалится, как карточный домик. Но человек предполагает, а бог располагает, и что было в дальнейшем, мы хорошо знаем...

Отпустив пленных домой, немцы переместились в самый центр местечка, где размещался райком партии. Стоящий в парке скульптурный памятник Ленина из железобетона с протянутой вперёд рукой, зовущий к новым победам, при помощи троса был сброшен с пьедестала, а отвалившуюся голову бросили в костёр.

Местные жулики сбили замки и распахнули двери магазинов. Начался грабёж.

Мы с Васей старались ничего не пропустить. Двое немцев зашли в парикмахерскую к Майзусу, который предложил им свои услуги. Они не отказались побриться. Тут же объявился живущий напротив нашего дома Илья Климчик, сносно говоривший по-немецки (в годы Первой мировой войны он находился в германском плену). Подойдя к раскрытому окну, он стал задавать немцам разные вопросы, на каторые один из них охотно отвечал.

– Правда ли, что немцы издеваются и убивают евреев?

– Найн, найн! Это неправда. Это пропаганда коммунистов.

Тем не менее на следующий день появилась первая еврейская жертва. В местечко прибыло немецкое кавалерийское подразделение. Лошадей пустили в парк пощипать травку. Это не понравилось сторожу парка Шлёме Колтову. Я его отлично знал, так как мы, мальчишки, часто за играми проводили время в парке. Его работа состояла в том, чтобы убирать территорию парка и следить за порядком. За это ему отдел коммунальной службы платил зарплату. Он явно недопонимал происходящее. Ему было совершенно безразлично, чьи лошади нарушили установленный порядок в парке – советские или немецкие, и он стал выгонять их из парка. На крики немца Шлёма не обращал никакого внимания. Раздался выстрел – и Шлёмы не стало. А был он добрым человеком, но с головой у него было не всё в порядке, в отличие от порядка в парке.

В последующие дни немцы стали выявлять активистов и коммунистов. Упор был сделан на евреев. Были расстреляны два еврея – депутата райсовета, пионервожатая, коммунист-инвалид Кульбицкий (на фронте во время войны с Финляндией ему ампутировали ногу). Его я хорошо знал: он был не только нашим соседом, но и прекрасным рассказчиком и человеком.

Наступили оккупационные будни. Но так продолжалось недолго. Утром 24-го июля немцы вдруг, собрав быстро свои манатки, ретировались из Глуска в сторону, откуда они раньше появились, а вслед за ними с противоположной стороны местечка, куда умчалась в своё время полуторка, появилась наша кавалерия. Не просто конница, которой в гражданскую

войну командовал С.М. Будённый, а настоящая артилерийская часть с пушками и машинами. Мы с Васей пытались выяснить, что же на самом деле происходит. Мне даже удалось повстречаться со знакомым военкомом Лёвиным, вновь оказавшимся в Глуске. Мы поздоровались. Он обнял меня и шутя спросил:

– Ну, как рыбалка?

Вместо ответа я спросил о брате. Он только пожал плечами. О встрече с Лёвиным я рассказал отцу, и он велел мне отнести ему крынку молока и хлеб. Лёвин дар принял и поблагодарил.

Между тем в небе появился немецкий самолёт. Прозвучала команда всем кавалеристам вместе с лошадьми уйти в тень от деревьев. Началась стрельба, и я побежал домой. Наши были уже в укрытии. Папа высказал предположение, что это самолёт-разведчик и что стрельба из винтовок ничего не даст, так как он кружил над Глуском на большой высоте. После этой встречи майора Лёвина я больше не видел.

На третий день в результате контрнаступления немцев наша кавалерия покинула пределы города. Враг вновь оккупировал Глуск. И на этот раз уже надолго.

Спустя десятилетия мне удалось выяснить, что же на самом деле произошло во второй половине июля месяца 1941 г. в Глусском и соседних с ним районах.

Рейд кавалерии

Немецкие танки рвались к Смоленску. По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, кроме других мер, предусматривалось осуществить рейд трёх лёгких кавалерийских дивизий в тыл группы армий “Центр”. Каждая дивизия состояла из трёх полков по 1000 человек. Им был также придан полк лёгкой артиллерии и кое-какой транспорт. Переброска дивизий к линии фронта происходила в основном в ночное время, так как в небе господствовала авиация противника.

На рассвете 24 июля на фронте до 12 километров, в основном вдоль р. Птичь, был осуществлён внезапный прорыв кавалерийских дивизий в направлении Глуска, Старых Дорог, Осиповичей. Очевидно, немцы не ожидали появления в их тылу нескольких дивизий Красной Армии. Относительно легко опрокинув передовые заслоны врага, конная лавина стремительно неслась вперёд. Немцы отступили. Дорога на Глуск была свободна. В полдень передовые отряды кавалерии вошли в местечко.

Существенную помощь конникам оказали партизаны отряда Бумажкова, секретаря Октябрьского райкома партии Полесской области,

и его заместителя Павловского. Их проводники помогли переправиться через Птичь и предоставили ценную информацию.

Прорыв кавалерии в тыл немецкой армии обеспокоил гитлеровское командование, так как, кроме всего прочего, были перерезаны транспортные коммуникации 2-ой танковой армии. Командующий группой армий "Центр" фельдмаршал фон Бок, не имеющий достаточных сил для ликвидации прорыва, обратился за помощью к главнокомандующему сухопутными войсками фельдмаршалу Браухичу. Против конницы были брошены две мотодивизии, юнкеры двух офицерских школ и часть итальянской дивизии. Боевые действия этих частей поддерживала авиация.

Положение кавалерии стало тяжёлым . 27-го июля штаб группы потерял связь с командованием фронта. Обстановка ухудшалась с каждым днём. Танковые и механизированные части врага при поддержке авиации сжимали кольцо окружения. Конница ежедневно вела бои с противником и несла большие потери, но болотистая местность, леса, а также помощь местного населения и партизан позволили основной массе конников прорвать блокаду и соединиться с регулярными частями Красной Армии. Часть кавалеристов в результате рейда вынуждена была остаться на территории Глусского района. Они пополнили ряды партизан.

Таким образом, хотя задача рейда не была выполнена полностью, тем не менее он позволил отвлечь на себя часть вражеских сил и перерезать почти на неделю транспортную артерию Слуцк-Бобруйск. Это усложнило противнику снабжение войск и задержало их продвижение по важному стратегическому направлению Смоленск-Москва.

Вместе с тем следует признать, что последующие операции немецких войск осенью 1941 года значительно снизили партизанскую активность в Белоруссии.

"Очень рискованно, Нохим!"

...Пока немцы занимались созданием комендатуры и местных органов власти, в нашем доме инкогнито поселяется бывший заместитель начальника Глусской милиции Иван Каминский. Я не знаю, какие отношения его связывали с отцом, но отец вместе со своим другом Анатолием Сачко, работником пожарной команды, и соседом Крезом (возможно, и кто-то ещё), изготовили Каминскому поддельный паспорт с фотографией в гражданской одежде и соответствующими печатями.

Мама упрекала его за то, что он рискует не только собой, но и всеми нами:

– Неужели тебе мало того, что мы евреи?

Но вечно пребывавший в хлопотах о ком-то, кому-то помогавший,

живущий не только своими заботами, отец поступить по-другому не мог. Поэтому-то у него и было столько друзей, которые при необходимости приходили к нему на помощь.

На нашей улице в здании школы размещалось итальянское воинское подразделение. Итальянцы зачастую заходили в соседние дома и просили: "Яйко, млеко". Делали они это приветливо, с улыбкой. Заходили и к нам. Мама им не отказывала. Уходя на работу, папа говорил Ивану Каминскому: "Придут итальянцы – ты хозяин". Угощения (яички и молоко) были приготовлены заранее.

После возвращения немцев в больнице оказалось много раненых красноармейцев, и по поручению отца мы с Машей относили им испечённые мамой блины, а также яйца, огурцы, молоко. Также поступали и многие другие глусчане.

К счастью, рискованная затея отца прошла благополучно. С новым паспортом и наверняка с придуманной заранее легендой Каминский покинул наш дом. В условленном месте его встретил Сачко и проводил за пределы Глуска. Отец тоже сопровождал Каминского, держа его в поле зрения с противоположной стороны улицы. Отца остановил его знакомый Головаченко и, указав в направлении Каминского, произнёс:

– Очень рискованно, Нохим!

Отец пожал плечами, сделав вид, что не понял, к кому относились эти слова, то ли к нему, то ли к коммунисту Ивану Каминскому.

В дальнейшем Головаченко стал бургомистром Глуска, но в скором времени был расстрелян за связь с партизанами.

...После войны майор Каминский, дошедший до Берлина, приехал в Глуск. В нашем доме состоялась радостная встреча, к сожалению, без мамы. За домашним застольем вместе с Анатолием Сачко воспоминаниям не было конца.

Упущенная возможность

Очень жаль, что глусские евреи, включая моих родных и близких, не воспользовались возможностью убежать через образовавшиеся ворота прорыва. А ведь нужно было каждой еврейской семье, кождому еврею, превозмогая самих себя, бежать. Бежать без оглядки, только бы не попасть в лапы варваров, этих нелюдей XX века. Глусские же евреи, кто этого не сделал, поплатились своими жизнями.

Впрочем, откуда же им было знать, что ещё накануне войны нацистами было принято решение о тотальном уничтожении евреев, что день 22 июня 1941 г. явится фактически днём начала завершающего этапа гитлеровской политики "окончательного решения еврейского вопроса". Они не могли

этого знать, так как чудовищные планы и приказы, разработанные в высших эшелонах власти Германии, несли на себе гриф “Совершенно секретно”. Кроме того, ещё были живы многие из тех, кто помнил оккупацию немцами Белоруссии в 1918 г. Тогда отношение к евреям было точно такое же, как и к другим национальностям.

Да! Так действительно было. Но в 1933 г. к власти пришёл Гитлер со своей античеловеческой расовой “теорией немецкого превосходства”.

Если в былые времена евреев преследовали за преданность своему богу, то на этот раз убийцам было совершенно безразлично – верующий ты или нет. Ты изначально не имел права на жизнь, если в твоей крови была еврейская кровь. Уничтожению подлежали все евреи, даже полу- и четвертькровки. Недаром Эли Визель, писатель, журналист, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира, сказал много позднее: “Не все жертвы нацизма были евреи, но все евреи были жертвами нацизма”.

“Представления”

Вторично оккупировав Глуск, немцы в здании бывшего райкома партии разместили комендатуру, а из желающих пойти к ним служить (таких было немало) создали местную полицию, которую возглавил освобождённый из тюрьмы сидевший по уголовному делу Сергеюк. Он жил на соседней с нами улице, с его сыном Сергеем я учился в одном классе. Полицаи носили на рукаве белые повязки и были вооружены винтовками. Здание тюрьмы было использовано под полицейский участок.

И вот эта банда немцев и полицаев приступила к планомерному уничтожению евреев не только Глуска, но и его окрестностей.

На третий день из известных в Глуске евреев был создан юденрат в составе: Бениамин Гершман (председатель), Иссер Малын и Стерин (возможно, ещё кто-то). С немецкой педантичностью и бюрократической скрупулёзностью были составлены списки евреев, которые под страхом смерти обязаны были носить на груди и спине опознавательные знаки в виде жёлтых шестиконечных звёзд. Они не имели права посещать общественные места, баню, ходить по тротуарам двух центральных улиц (другие улицы вообще тротуаров не имели) и т.д. Соответствующие приказы коменданта были расклеены по всему местечку.

Юденрат служил как бы посредническим звеном между немцами и полицией с одной стороны и евреями – с другой. Через юденрат передавались все приказы и распоряжения коменданта.

Всё дееспособное еврейское население должно было работать. Люди обязаны были являться к комендатуре к семи часам утра без выходных, откуда под охраной вооружённых немцев и полицейских направлялись к

местам работы. Моя сестра Маша, например (ей было 15 лет), работала на ремонте дороги Глуск-Бобруйск, имеющей покрытие из булыжного камня. Приходилось извлекать камни из просадок, таскать землю, прочищать кюветы вдоль дороги. Мужчины восстанавливали мощение. Труд был тяжёлый, изнурительный, по сути рабский. Вечером, обессиленные, возвращались домой.

Из воспоминаний Маши, опубликованных в израильских СМИ: “Когда мы возвращались однажды после работы, нас внезапно остановили, вывели из колонны молодого человека и расстреляли у всех на глазах. Я шла и думала, кто следующий? Эта варварская акция потрясла нас. Сколько издевательств, страхов, мучений нам предстояло ещё пережить?”

Дорогой моей сестрёнке даже в кошмарном сне не могло присниться, какая “голгофа” предстояла впереди.

Отца и других мастеровых, столяров и плотников, полицаи ранним утром отводили на мельницу промкомбината. Каждый занимался там своим делом, отец со своим помощником Герчиком – мельничным.

Немцы и полицаи часто устраивали всякого рода “представления”. Очевидцы рассказывали страшные вещи.

...В очередной раз я без разрешения мамы уговорил Васю пойти со мной, чтобы увидеть всё собственными глазами. Встретившись в условленном месте, мы задворками пробрались к месту, где уже началось очередное “представление”. На этот раз оно было устроено на территории бывшего детского сада, расположенного в центре местечка.

День был по-августовски солнечным и тёплым. Перед нашим взором открылась картина чудовищного глумления над человеческим достоинством. Раздетые до трусов садисты с резиновыми плётками в руках заставляли своих жертв, мужчин с желтыми звёздами на одежде, подбегать к забору, где стояли привязанные немецкие короткохвостые лошади-битюги, набирать в шапки конский навоз и переносить его на противоположную сторону двора детсада. При этом немцы с криками “Shneller! Shneller!” бежали следом за своими жертвами и наносили удары плетками. Затем эта же картина, как в кино, прокручивалась в обратную сторону, то есть другие евреи возвращали навоз на прежнее место.

Парикмахера Майзуса под дулом пистолета заставили влезть на высокую грушу-дичку, растущую на территории, и под крики “Shpringen!” раздался выстрел – больше ему уже не пришлось держать бритву в руках.

Увидел я и другие “изобретения” палачей. Так, например, одного еврея по имени Авремул (фамилии не помню) под смех и улюлюкание посадили задом наперёд на битюга и ударили по крупу плёткой. Лошадь рванула. Авремул полусидя ухватился за отросток хвоста, пытаясь удержаться. Но не тут-то было. Когда лошадь пробегала под “грибком”,

где дети раньше прятались от дождя, “наездник” затылком ударился об острый угол крыши и свалился с битюга. Так он и остался лежать, истекая кровью.

Особой ”изобретательностью” отличался рыжий фриц. Запомнился эпизод, когда он, отвлекшись от “работы”, нежно гладил откуда-то взявшуюся козу, показывая тем самым окружающим, что даже коза более достойное существо, чем эти “пархатые” евреи.

Я находился среди белорусов, поляков, русских – местных жителей, стоявших вдоль забора детсада и на мостовой центральной улицы. Их отношение к происходящему было разное, но я был в смятении. Моё пребывание на этом “шоу” было небезопасным, хотя я не носил опознавательных лат. Немцам или полицаям могли настучать местные “активисты”. Пожав руку Васе, я сказал, что встречаться в дальнейшем нам будет трудно. Мы обнялись, и я побежал домой.

Садизм, вандализм, варварство нелюдей, беззащитность моих соплеменников, безысходность нашего положения потрясли, вывернули наизнанку мою детскую душу. Не столько осмыслив сознанием, сколько почувствовав сердцем, я уяснил для себя: пощады нам, евреям, не будет и что в любой, самой кошмарной ситуации надо не терять самообладания и присутствия духа, искать пути для спасения.

В августе 41-го. окончилось моё детство.

Обо всём увиденном я рассказал родителям, получив от них соответствующее внушение и приказ не отлучаться из дома.

В последующем стало известно, что всех евреев – участников “представлений” – отвозили в “Глубокую долину” под Глуском возле деревни Колатичи, пристреливая тех из них, кто ещё подавал признаки жизни. По крайней мере, этих несчастных больше никто уже не встречал.

Гетто

Глусское гетто вначале было открытого типа, то есть евреи жили в своих домах. Однако в начале сентября был обнародован приказ коменданта о создании гетто закрытого типа с изоляцией людей путём устройства ограждения из колючей проволоки. Место было выбрано на территории бывшего замка, окружённого земляным валом, где размещалась артель “Спатри”. Срок переселения – пять дней с угрозой расстрела всех, кто не выполнит приказ.

И началось переселение. С минимальным скарбом на тележках, детских колясках, с узлами на плечах евреи начали свой исход на территорию артели.

Там не было жилых строений – только большие производственные

помещения. Каждый старался занять место для себя поудобнее. Переселением руководил юденрат. Застолбил там место для нас и папа.

Неожиданно через три дня комендант отменил свой приказ и началось возвращение в свои дома. Некоторые из переехавших в ожидании возможных перемен продолжали ещё находиться некоторое время на территории артели. Ограждение из колючей проволоки по вершине вала так и осталось недостроенным.

Член юденрата Стерин, говоривший по-немецки, человек по натуре эмоциональный, оживленно жестикулируя, рассказывал, как какой-то начальник, приехавший из Бобруйска, выражал коменданту недовольство происходящим. Он требовал усиления охраны на всех выходах из Глуска. Он также отметил, что Глуск, население которого состоит преимущественно из евреев, есть не что иное, как одно большое гетто.

Спустя годы, анализируя с отцом и сестрой то время, мы пришли к выводу, что немцами просто был разыгран фарс в присутствии члена юденрата. Они знали наверняка, что он передаст услышанное своим соплеменникам. На самом деле они действительно хотели создать изолированное за колючей проволокой гетто, но потом поступила команда отказаться от этой затеи, так как было принято решение без лишних хлопот и затрат в ближайшее время уничтожить всех евреев Глуска.

Катастрофа

Издевательства и расстрелы за малейшую провинность и просто без причин стали нормой нашей повседневной жизни. Мы уже знали, что на праздник 7 ноября расстреляли евреев Бобруйского гетто. Но всё же была искорка надежды, которая, как говорят, умирает последней.

Папа постоянно говорил мне и Маше, чтобы мы в случае чрезвычайной опасности любыми путями старались придти к нему на мельницу, расположенную на окраине Глуска на правом берегу реки. В отношении мамы с Сёмочкой он на случай чрезвычайной ситуации договорился с соседом Крезом (мы жили двор в двор), который обещал их принять и спрятать. Ну, а дальше, папа, видимо, решил действовать по обстоятельствам..

...В то роковое морозное утро, во вторник 2 декабря (я хорошо запомнил эту дату, так как накануне был мой день рождения), через юденрат передали приказ коменданта о том, что все евреи независимо от возраста должны явиться к комендатуре для важного сообщения, взяв с собой только документы и ценные вещи. За невыполнение приказа – расстрел. Папу к этому времени уже увели на работу. Суть приказа, зная, что нацисты сделали с евреями Бобруйска и рядом расположенного поселка Городок, была для нас в принципе ясна и очевидна.

Мама прижала меня к груди, и словно предчувствуя, что мы больше никогда не увидимся, долго не отпускала меня. Сёмочка тоже, видя нашу взволнованность и слёзы, подбежал и прильнул к нам.

– Беги к папе на мельницу. Может быть, останешься жить. Я буду молиться за тебя, – сказала мама и, помогая мне потеплее одеться, буквально вытолкнула меня за дверь со словами:

– Беги, сынок, не теряй времени!

Маша должна была, проводив маму к Крезам, следовать за мной.

Рассвет только занимался. Улица была пустынна. Дорога по задворкам, далее вдоль поймы реки и вала, минуя центр, мне была хорошо знакома. По территории мельницы прохаживались двое вооружённых немцев, переговариваясь друг с другом. Среди евреев мастеровых (столяров и плотников), которых я хорошо знал, ни папы, ни его помощника Герчика не оказалось. На мой вопрос об отце один из них ответил:

– Нас привели на мельницу всех вместе!

На дворе мороз был градусов под двадцать, и я вместе с мастеровыми в конторе грелся у печки-“буржуйки” в надежде, что объявится папа или придёт Маша. Несколько раз выбегал и обходил все мельничные закоулки – ведь где-то отец должен был быть. В очередной свой выход решил обследовать мельничное подполье, где в прошлом, когда мельница была водяной, находился водоспуск. Сердцем чувствовал, что он с Герчиком где-то здесь. Но увы, на мой зов: “Папа! Папа!” – отклика не последовало. Он словно сквозь землю провалился. Зато были слышны отдельные выстрелы.

Я старался определиться, что же мне делать дальше. Решил пойти домой – ведь там остались самые близкие и дорогие мне люди. Маршрут возвращения домой выбрал другой по сравнении с тем, по которому прибежал на мельницу, – в обход возвышающегося над окружающей местностью вала. Когда вышел в переулок, где жил наш сосед по старому месту жительства Грудинский, то увидел, что на перекрёстке учительница-белоруска нашей школы, похожая внешне на еврейку, что-то взволнованно, с бумажкой в руках, доказывает обступившим её немцу и полицаю. Эта сцена остановила меня от похода домой, и я ретировался обратно на мельницу, решив отложить этот поход до темноты. Дежуривших на мельнице немцев уже не было, и я, оззябнув на морозе, вновь вернулся в тепло конторы, где находились мастеровые. Отца и Маши как не было, так и нет.

Спустя полтора-два часа в контору вошёл вооружённый полицай и велел всем выходить во двор. Мастеровые спросили:

– Инструменты брать с собой?

– Не трэба! – ответил он.

Во дворе находился второй полицай. Нас повели за ворота, откуда

начиналась дорога, доходящая до подъёма на Слободу, располагавшуюся на возвышении. Один полицай впереди, другой – за мной замыкал колонну примерно из 7-8 человек. Все мастеровые были с жёлтыми звёздами на груди и спине. У меня этих “знаков отличия” не было, как, врочем, не было и явно выраженых семитских черт, которые проявились в более зрелом возрасте.

В моменты смертельной опасности чувства человека становятся чрезвычайно обострёнными. Вероятно, я эту опасность почувствовал и вдруг неожиданно для самого себя выпалил идущему за мной полицаю с винтовкой наперевес:

– Вы только жидов забираете или русских тоже?

– А ты хто таки?

– Я – русский!

Полицаи опешили. Остановились. В тот момент я не допускал, что в сложившейся ситуации на морозе они могут начать осмотр моих гениталий. Да и вряд ли разобрались бы.

– Чаму ты быв з юдами? – спросил, видимо, старший из них.

– Зашёл погреться, а в это время как раз вы пришли.

– Што ты рабив на мельницы?

– Мама послала раздобыть немного муки, – очень несчастным голосом ответил я.

– Вы ведаете гэтага хлапчука? – обратился тот же полицай к мастеровым.

Они меня не выдали. Подтвердили сказанное мною.

– Дзе ты жывеш?

– На Слободе, - и показал рукой.

– Бяжы дадому и сядзи там з маткай. Никуды больш сёння не хади.

На этом наш диалог окончился, и я побежал в указанном направлении. Когда колонна скрылась за поворотом, я вновь вернулся на мельницу, не теряя надежды встретиться с папой и Машей.

Идти домой было ещё рановато, и я решил посетить своего друга Васю. Но как оказалось, за всем происходящим наблюдал пришедший на вторую смену кочегар Хомка (Фома). Оторвав меня от грустных мыслей, он предложил:

– Идём ко мне в кочегарку. Вдвоём будет веселее.

Поговорив о происходящем, он поделился со мной едой и предложил спрятаться за локомотивом и сидеть там на случай, если кто-либо ненароком вздумает зайти, а потом будем вместе думать, что делать дальше.

За локомотивом было тепло, на бетонном полу была разложена фуфайка. Присел на неё. Одна мысль буравчиком сверлила моё сознание и не отпускала ни на минуту: что с мамой, Сёмочкой, Машей и куда

подевался отец? Предчувствия были нехорошие. Еда в рот не лезла и, несмотря на грохот паровой машины, я уснул.

В полночь Хомка меня разбудил:

– Есть хорошая новость для тебя – приходил Герчик и скоро вернётся с твоим отцом. Оказалось, что отец с Герчиком, узнав о приказе коменданта и о том, что ещё с вечера прибыли крытые брезентом машины с эсесовцами, решили незаметно от посторонних глаз спрятаться под мельницей. Там они закупорились в старой трубе водоспуска. Потому-то они не услышали моего зова.

При встрече папа предложил мне остаться у Хомки, который меня надёжно спрячет у себя дома, а на следующий день он пришлёт за мной подводу из Зуборевичей (это примерно 20 километров от Глуска). В этой деревне он родился, там у него надёжные друзья. Хомка был с этим планом согласен, но не был согласен я, заявив, что с меня достаточно этого одного дня и что я ни за что не останусь и буду только вместе с ними, а дорога меня не пугает – я её одолею.

Хомка проводил нас до реки. Попрощавшись, мы перешли по льду реку, помогая друг другу взобраться на противоположный крутой берег. Ночь была по-декабрьски темная. Усилился мороз. Как только мы поднялись на берег, со стороны вала взвились ракеты и раздались выстрелы. Мы побежали в обход контрольно-пропускного пункта на неподалёку расположенном мосту по дороге на Бобруйск. Пересекли дорогу на значительном расстоянии от моста и углубились в лес. Блуждая, мы вышли к деревне Заречье. Постучались в крайний дом. Дверь открыл пожилой мужчина. Где только у отца не было знакомых?! Хозяин оделся и вывел нас на дорогу. К утру мы были в Зуборевичах у папиного друга Николая.

Пока я отсыпался, из Глуска на лошади вернулся Николай с печальным известием. Он через знакомых узнал, что вчера к нашему дому подъехала машина с немцами и маму с мальчиком увезли. Догадаться, куда увезли – было нетрудно. О Маше ничего выяснить не удалось.

Герчик решил пойти в деревню Берёзовка поближе к Глуску, к своим знакомым, чтобы что-то узнать о своей семье. Находиться же нам с отцом в Зуборевичах было небезопасно, и он принял решение уходить в сторону Октябрьского района, где, по слухам, действовали партизаны. Пока судили-рядили, нежданно-негаданно, будто с того света, на пороге дома, где мы остановились, появилось привидение в образе моей сестры Маши. После встречи со слезами на глазах она рассказала, что произошло с мамой, Сёмочкой и с ней после того, как я отправился к отцу на мельницу.

Сестра

Жена Креза отказалась временно укрыть маму с Сёмочкой, сказав, что хозяина нет дома. Хозяин же, вероятнее всего, “сыграл в подлянку” после объяснения с женой и намеренно не вышел навстречу. Маме и Маше ничего другого не оставалось как вернуться домой.

Положение стало угрожающим. Мама умоляла Машу уйти следом за мной, но она не хотела оставлять их одних. Тогда мама предложила ей пойти к Климчикам (они жили напротив), с их дочерью Ниной Маша поддерживала дружеские отношения, и попросить временного убежища. На том и порешили.

Мама, конечно, после предательства Креза понимала безвыходность положения, в котором оказалась с маленьким Сёмочкой на руках. Понимала, что их может спасти только чудо, которое бывает только в сказках, но она надеялась, что, может быть, её единственной доченьке удастся выжить. И она в этом не ошиблась.

Климчики спрятали Машу в сарае, укрыв сеном, рядом со стойлом, где находилась корова. Слышно было, как буренка пережевывает сено. Приходила Нина, приносила поесть. На вопрос о маме Нина пожала лечами. Есть не хотелось.

От тяжёлых мыслей и дремоты Маша очнулась, услышав скрип открывающихся ворот сарая. Потом она почувствовала, как чья-то рука тащит её за шиворот наружу из укрытия. Перед ней стоял полицай. Поняв, что произошло, растерянная, она стала его просить отпустить её.

– Всё равно ты никуда не денешься. Выходы из Глуска перекрыты. А чья ты будешь?

– Нохима Айзенштата.

– Я хорошо знаю твоего батьку. Не всё зависит от меня. Пойдём к Климчику, – сказал полицай, пропустив Машу вперёд. Войдя в дом, он обратился к хозяину:

– Что будем делать с девчинай?

– Что ты спрашиваешь у меня? Причём тут я?

– Так ты, значит, ни при чём?! Понятно, – и вышел с Машей во двор, где, обратившись к ней сказал:

– Ты свободна. Не возвращайся больше в этот дом. Климчик, падла, заложил тебя. Пересиди где-то до ночи, когда оцепление будет снято, и уходи из Глуска. Лучше всего в сторону Подзамши. Если останешься жива и встретишь отца – передай ему привет от Кулешевского.

Перебежав улицу, Маша через открытую дверь вошла в наш дом. Мамы с Сёмочкой в нём уже не было. Вещи были разбросаны. Находиться здесь было нельзя и прихватив с собой одеяло, она зарылась в сарае поглубже в сено,

чтобы дождаться ночи. Слышала, как кто-то дважды заходил в дом. Ночью, выйдя из укрытия в сарае, она пошла по дороге вдоль вала, где наткнулась на трупы мужчины и женщины. Придя на мельницу, встретила Фомку, который поведал ей, что в полночь Нохим с Герчиком и Юликом ушли в Зуборевичи. Взвесив все "за" и "против" с учётом совета Кулешевского, Маша решила, что добираться до Зуборевичей ей далеко и опасно и что лучше для неё будет пойти в близлежащую деревню к другу отца Адаму Артюшене, а оттуда, при возможном его содействии, следовать в Зуборевичи.

Попрощавшись с Фомкой, Маша тронулась в путь, в ночь, в неизвестность. Обойдя Подзамшу, она вышла на нужную дорогу. Было ещё темно, когда постучала в окошко дома, где бывала раньше с Гиликом, когда приходили сюда в лес за ягодами. Её тепло встретили, предложили поесть. После недолгого разговора Адам, посовещавшить с женой, предложил ей отдохнуть, а затем отвезти в Зуборевичи.

...Вот так мы встретились с Машей.

Из Зуборевичей, что относительно близко к Глуску, нам нужно было уходить подальше, в район действия партизан – в Октябрьский район.

Карьер смерти

По рассказам очевидцев, евреев, собравшихся по приказу у комендатуры, приехавшая накануне вечером зондеркоманда и местная полиция оцепили со всех сторон. Выйти из кольца было уже невозможно. Подъехали крытые брезентом машины, в них погрузили в первую очередь мужчин и повезли на Мыслочанскую гору, расположенную неподалёку от Глуска. Оставшихся евреев, а их было около двух тысяч человек, под усиленной охраной погнали по улице Социалистической в ту же сторону, куда уехали машины с жертвами.

Среди расстрелянных в карьере на Мыслочанской горе в тот морозный день 2-го декабря 1941 г. находились самые дорогие и близкие мне люди: мама с Сёмочкой, бабушка Броха и племянница Ривочка в возрасте 12 лет, которая пошла с бабушкой на площадь, чтобы выяснить обстановку, а обратной дороги уже не было.

Дедушка Мейшке двое суток прятался в тычках (палках) для фасоли, которые на зиму из огорода убирались и ставились у стенки сарая. На третьи сутки он ушёл из Глуска в Клетное. Ночевал у знакомых, его кормили. Но через непродолжительное время решил вернуться домой, к жене Брохе и дочерям Малке и Хайке. Нормальный человек, конечно, разобрался бы, чем может окончиться этот поход. Пожалуй, что-то произошло с его рассудком. По дороге произошла встреча с полицейскими и дедушки не стало.

Его дочь Малку с мужем Генахом и двухлетней Маечкой буквально затащил к себе во двор и упрятал в сарае “американец” – так звали соседа Гриню после его возвращения из Америки, куда он уехал еще до революции. Их огороды стыковались между собой – только дом “американца” выходил фасадом на центральную ул.Социалистическую, а дом Колтовых, – на параллельно идущую ул. Комсомольскую. Вот с этой самой центральной улицы, когда немец, сопровождающий их, за кем-то устремился вдогонку, Гриня буквально затащил их к себе во двор и тем самым спас от неминуемой гибели. На ночь, чтобы они не замёрзли в сарае, он брал их в дом. Через два дня Гриня вывез их за пределы Глуска к знакомым.

Были и другие, кто спасал евреев. Так, Пётр Былинский спрятал в погребе дома несколько семей и всем им удалось спастись. Надежда Архипцева со своей дочерью Любой спасли мою ровесницу Ольгу Шульман, выдавая её за свою родственницу вплоть до освобождения Глуска в 1944 г. После войны я учился с Любой в одном классе и ничего не знал о подвиге этой простой белорусской семьи. А ведь существовал немецкий приказ о расстреле не только спасителей, но и членов их семей...

Из-за послевоенного антисемитизма еврейская тема была вообще под запретом, и власть не поощряла тех, кто спасал евреев. По этой причине ни Люба, ни её мама не распростанялись о спасении еврейской девочки. Рассказали они об этом спустя немало лет. В конце 90-х годов им было присвоено Почётное звание Праведников Мира.

...На исходе дня 2 декабря зондеркоманда посчитала свою задачу выполненной и отбыла в очередной населённый пункт для “окончательного решения еврейского вопроса”, а их “работу”, набравшись опыта, доделывали местные полицаи, усердно выискивая прячущихся на чердаках, в подвалах и прочих “малинах” евреев. Их уже не вели на Мыслочанскую гору: хлопотное это было дело, а, не обременяя себя, расстреливали рядом с центром местечка на валу возле бани.

Так в одночасье трагически закончилась многовековая история евреев Глуска. Их как будто здесь вовсе не было, будто они здесь и не жили. Пользуясь немецкой терминологией, Глуск стал свободным от евреев – “Judenfrei!”, и очередная депеша о проделанной работе была послана в “Faterland” (Германию). Всего в Глуске было расстреляно около 3000 евреев. Спаслись не более 60-70 человек.

Интересно отметить, что удалось выжить всем троим членам юденрата со своими родными. Имели место слухи, что один из немецких офицеров предупредил Бениамина Гершмана о предстоящей акции. Но это, возможно, были просто слухи.

Наш ангел-хранитель

Сборы были недолги. Да нам, собственно, и собираться не нужно было. Всё было при себе. Утром Николай привёл Машу (она ночевала в доме по соседству). Позавтракав и поблагодарив Николая, мы тронулись в дорогу.

Расстояние до поселка Октябрьский, куда лежал наш путь, составляло около 20 километров. Отец знал эти места. Нам предстояло вначале выйти на недействующую железнодорожную ветку Бобруйск-Рабкор. С этой задачей мы справились относительно легко.

Далее предстояло двигаться по прямой, как стрела, стальной колее, вдоль которой проходила столбовая телеграфная линия. Почти вплотную к насыпи полотна с обеих сторон примыкал смешанный лес. Все покрывал небольшой слой снега, нивелирующий окружающее пространство, а насыпь и столбы служили хорошим ориентиром.

Отец шёл впереди, мы с Машей гуськом следовали за ним. Пересекли какой-то переезд, через часа два справа по ходу нашего движения показалась деревня Новая Дуброва. Отец сказал, что за ней будет Старая Дуброва, а там до Октябрьского – рукой подать.

И тут мы заметили идущих навстречу по полотну железки трёх человек.

Каково же было наше удивление, когда в подошедших мы узнали бывшего члена юденрата Иссера Малына, его сестру Этю и брата Мишу. Они бежали из Глуска прямо в Октябрьский, а теперь, не найдя приюта и партизан, возвращались поближе к Глуску в д.Зеленковичи, где у Иссера были знакомые. Чтобы не маячить на железке, сошли с насыпи.

Пока обменивались информацией, на дорожке, протоптанной в снегу вдоль железки со стороны Новой Дубровы, появилась женщина. Приветливо поздоровалась с нами и узнав о наших заботах, предложила кров в пустующей конторе предприятия, которое до войны занималось добычей и изготовлением торфяных брикетов для отопления. Сама она прежде работала там уборщицей и сейчас как раз возвращалась оттуда.

– Решила посмотреть, что там и как там. Увидела вас, чем-то озабоченных. Вот и подошла. Живу я в том вот домике, – и показала рукой в сторону деревни.

Погода стояла замечательная. Рассеялась утренняя морозная дымка, выглянуло солнце. Всё вокруг выглядело по-пушкински: “Мороз и солнце – день чудесный. Ещё ты дремлешь, друг прелестный. Открой...”. Нам не нужно было открывать глаза : наш друг стоял перед нами. Искренность Марии подозрений не вызывала.

Примерно через полчаса мы были на месте. Наш ангел-хранитель

открыла дверь. Через сени мы прошли внутрь помещения с печью, столами и стульями. Мария помогла разжеть печку. Мы тепло с ней попрощались. Папа с Иссером пошли её провожать, а заодно ознакомиться с окрестностями.

О такой “гостинице” в нашем положении на первых порах можно было только мечтать. Это была тихая, удалённая от перекрёстков дорог, мини-деревушка. Немцы ее миновали. Однако отсиживаться и ждать у моря погоды тоже нельзя было. Необходимо было связаться с партизанами, и отец, не откладывая в долгий ящик, на следующий день отправился в Октябрьский. Вернулся он к вечеру. По выражению лица было видно, что он даволен своим походом. Он встретился с Захаром Куницким, ранее работавшим на местном спиртзаводе. (В дальнейшем отца с Захаром свяжет крепкая дружба). Разговорились и в итоге отец узнал, что рядом, в первом доме от переезда, живёт его добрая знакомая Анюта Ельницкая из Клетного.

На следующий день папа сказал остающимся глусчанам, что связи терять не будем, и мы ушли в Октябрьский.

Анюта тепло встретила Нохима. “Проходите и будьте как у себя дома”, – и это несмотря на то, что у неё самой было двое детей. Однако Маше и мне показалось, что от нас что-то скрывают.

Всё прояснилось вечером, когда постучали в окно и в дом вошли трое вооружённых мужчин. Это были партизаны. И не просто партизаны, а как мы узнали потом, сам командир партизанского отряда “Красный Октябрь”, Герой Советского Союза Фёдор Павловский и его помощники Семён Маханько и Эдит Чирлин, который обнялся с папой. Они были хорошо знакомы по Глуску. Его отец Янкул был среди тех мастеровых, которые не выдали меня полицаям. Я поведал ему о трагической судьбе его отца, которого вместе с другими мастеровыми полицаи увели туда, откуда не возвращаются.

Уходя, Павловский, обращаясь к Маше и ко мне, сказал:

– Батьку вашего забираем в отряд.

– А что будет с нами? – воскликнула Маша.

– Мы пока временно находимся в лесу, а морозы сами видите какие – крещенские. Станет потеплее – и вас заберём. Вот она, – он указал на Машу, – будет связной, а ты – разведчиком. Пока до весны поживите на Торфболоте. Место тихое и спокойное. Там вам будет лучше, чем в лесу. Батька по возможности будет вас навещать. О нашей встрече не распространяйтесь.

Жизнь на Торфболоте

За конторой, которая стала нашим пристанищем, цепочкой вдоль болота расположились четыре жилых домика с приусадебными постройками, в которых жили бывшие работники предприятия со своими семьями. С противоположной стороны болота, примерно на расстоянии одного километра, просматривалась деревня Малын. Место нашего пристанища так и называлось – Торфболото. Предприятие по добыче торфа на этом месте построено было не случайно – залежи хорошо разложившегося торфа достигали до пяти метров.

С отоплением нашего жилища не было проблем, так как вдоль бровки болота располагались штабели из брикетов ранее заготовленного торфа. Проблема была с продуктами. Имеющиеся у нас запасы быстро были съедены, и мы вынуждены были попрошайничать у жителей соседних деревень. Этим делом занимались мы с Мишей. Женщины изготовили нам из мешковины заплечные мешки, мы стучались в дома и просили милостыню. На Торфболото мы возвращались не с пустыми руками. Надо отдать должное доброжелательности местных жителей. Нам давали картошку, хлеб, сало, лук, зачастую приглашали к столу. Соседи на Торфболоте также не оставляли нас в беде.

Так мы встретили новый 1942 год.

Иссер Малын не стал отсиживаться в "гостинице" и, установив контакты, ушёл к партизанам, в середине февраля к нему присоединились Этя и Миша. Но и в нашем с Машей полку прибыло. Неожиданно для нас отец ещё с одним партизаном, вооружённым, как и он сам, винтовкой, на санной упряжке привезли мамину сестру Малку с мужем Генахом и дочерью. Для нас это была незабываемая встреча. Оставив продукты и дав обещание скоро забрать нас в отряд, отец вместе со своим напарником покинули нас.

Со мной произошла неприятность – я подхватил чесотку, которая доставляла мне и тем, кто был рядом со мной, массу неприятностей. "Ночной чёс" так донимал меня по ночам, что я не мог спать. Тело покрылось сыпью. Лекарств никаких у нас не было. Дядя Генах где-то слышал, что чесотку можно лечить мочой. И вот здесь в связи с его высказыванием произошёл курьёзный случай. Так как туалета в конторе не было, я зашёл за сарай и, несмотря на мороз, разделся и стал растирать по совету дяди тело. На мою беду эту картину случайно увидела новая Машина подруга Надя и прибежала к ней со словами:

– Машенька, что-то случилось с вашим Юликом. Он писает и умывается этой гадостью! Разве у вас нет воды?

Маша не стала с ней делиться подробностями.

– Я, Надя, поговорю с ним, – и переклрючила разговор на другую тему, чтобы отвлечь её внимание.

А от чесоточного клеща я этим способом всё-таки избавился.

После разгрома немцев под Москвой стали более ощутимы действия партизан по ликвидации полицейских гарнизонов в Октябрьской партизанской зоне Полесской области. Партизаны стали выходить из лесов и обустраивать свою военную жизнь непосредственно в населённых пунктах, пользуясь поддержкой местного населения. В конце января 1942 г. на совещании командиров было принято решение объединить отряды под единым командованием. Был избран Военный Совет, который возглавил Фёдор Павловский. Объединение получило название "гарнизон Павловского". В его состав вошли 13 отрядов численностью более 1300 партизан. А на самом деле и того больше, так как была поддержка народа.

В Октябрьском обосновался отряд "Красный Октябрь", командиром которого был назначен Эдит Чирлин. Здесь же разместился со своим штабом Фёдор Павловский. В Малыне обосновался отряд им. Щорса под началом Устина Шваякова. То же самое произошло и с другими отрядами.

При очередной встрече с отцом, учитывая выгодное расположение нашего места пребывания, было решено пока повременить с нашим переселением в Октябрьский, благо мы с Машей теперь были не одиноки.

Я стал чаще бывать в Малыне, до которого было буквально рукой подать. Каково же было моё удивление, когда при очередном посещении встретил в партизанской столовой Хаю Вишневскую из Глуска, которая чудом, как и мы, спаслась от смерти. Из большой семьи Вишневских осталась жива она единственная. Кто в местечке не знал эту красивую улыбчивую девушку с большими карими глазами... Ей было лет 18-19. Мы долго стояли, обнявшись. Прощаясь, Хая передала привет Маше и семье Колтовых:

– Пусть тоже приходят сюда. Голодными не уйдут. Всех накормлю, – сказала она и своё слово сдержала. Хая была старшей на кухне. В дальнейшем нам стало известно от местных жителей, знакомых Генаха по его довоенной работе, что в неё безумно влюбился командир отряда Шваяков.

Было понятно, что немцы вряд ли потерпят нарастающую активность действий партизан в своём глубоком тылу, взрывающих мосты и поезда на кратчайшем пути из Германии на перегоне железной дороги Калинковичи-Житковичи. И действия немцев не заставили себя долго ждать.

Операция “Бамберг”

Это кодовое название карательной операции против отрядов “гарнизона Павловского”. Во второй половине марта 1942 г. фашисты силами трёх пехотных и одного артиллерийского полков, двух особых полицейских батальонов, кавалерийского эскадрона и авиации блокировали зону действия партизан. Партизанские отряды оказывали фашистам упорное сопротивление, отстаивая занимаемые рубежи, однако силы и вооружение были неравные. В небе постоянно кружил на значительной высоте немецкий самолёт-корректировщик с хвостовым оперением в виде буквы “П”, который в народе прозвали “рама”.

В бою у деревни Оземля был тежело ранен разрывной пулей Устин Шваяков. Пуля попала ему в правую руку, повредив кости предплечья. Хая постоянно была при нём. В этом бою полегло около сотни фрицев, но и партизаны понесли серьёзные потери. Командование отрядом временно принял на себя комиссар Михаил Левитан (до войны он преподавал в Минском désинституте).

Видя, какая надвигается угроза, партизаны призывали жителей уходить в леса, но они, как правило, не покидали свои дома. Им казалось, что для них не будет беды, если они останутся. Нам же, исходя из нашего прошлого горького опыта, оставаться на Торфболоте было нельзя. Отец, как потом выяснилось, в силу быстрого наступления немцев не имел возможности с нами связаться. Проблема была с Маечкой, но Малка с Генахом договорились со своими знакомыми в Малыне, и те оставили ребёнка на время у себя. А мы, получив соответствующую информацию о лесном массиве, прилегающем к Малыну, вместе с группой евреев, нашедших пристанище в деревне, ушли в лес подальше от греха. Хая позаботилась – снабдила нас на первое время продуктами. С противоположной стороны от Торфболота к Малыну почти вплотную примыкал лесной массив, углубившись в который на 5-6 километров, мы разбили “бивуак”, выбрав удобное место для костра, который не только согревал нас, но и объединял как команду. Вокруг костра на расстоянии 1.5-2 метров на снегу настелили лапник, назначили дежурных – костровых и так коротали время.

Своей рассудительностью, ростом и шутками выделялся среди нашей группы Борис. Ему было лет 60. Он как бы негласно стал старшим над нами и все слушались его. К тому же Борис был прекрасным рассказчиком вообще, а анекдотов в частности, и нельзя было удержаться от смеха. Вот так беда и смех соседствовали рядом, не только не мешая, а вселяя в нас душевное равновесие, которое так необходимо в дни испытаний. Всего нас было человек четырнадцать. Я с Машей были самыми младшими.

Прошло несколько дней. Малка, Генах, Борис, Маша и я поздним вечером отправились в Малын с тем, чтобы выяснить обстановку, узнать, как себя чувствует Маечка, а заодно раздобыть что-нибудь из продуктов. Темень была непроглядная, и мы заблудились. В таких случаях главное не паниковать. Дождавшись утра, мы вышли на какую-то дорогу. Нам повстречался на санной упряжке крестьянин. Разговорились. В итоге, оценив наше положение, он посоветовал нам идти подальше от Октябрьского района, где зверствуют немцы и полицаи, в сторону Зуборевичей. Он подсказал нам также наше местонахождение по отношению к Малыну, но посоветовал туда лучше не ходить. Выйдя к Малыну, мы не стали искушать судьбу и направились к нашему “бивуаку”.

Возражений против нашего перебазирования поближе к Зуборевичам у остальных членов группы не было. И вот мы в пути. Спустя два с половиной часа вышли к двум землянкам с дверями и печками с дымоходами. Сомнений не было, что здесь скрывались люди, по неизвестным для нас причинам вынужденные покинуть это место. Решили сделать привал и осмотреться. Вокруг стояла тишина. Только было слышно, как куковала где-то зазюля, напоминая, что жизнь продолжается, несмотря на все её сюрпризы. В общем обстановка располагала к тому, чтобы немного раслабиться и заночевать, выбрав одну из землянок для уменьшения выброса дыма.

“Собака!”

Утро обещало солнечную погоду. Борис предложил желающим разведать обстановку в Зуборевичах. Согласились пойти вместе с ним мы с Машей. Пока перекусывали и собирались кто-то из нашей группы, вышедший по нужде, вдруг вбежал в землянку с ужасом на лице и криком:

– Собака!

И в тот же момент у узкой двери землянки образовалась давка. Даже плохо себя чувствующие пожилая пара Исаак и Сара вскочили со стеллажей, на которых отдыхали. Все разом хотели первыми увидеть пса. Но вначале услышали лай. Рядом с землянками дейсвительно находилась тёмно-коричневой масти собака, лающая на нас. Нетрудно было предположить, что где-то рядом находится её хозяин, а возможно, полицаи или немцы. Однако вокруг, кроме лая собаки, было тихо. Мы уже были готовы рвануть с места событий, как увидели выходящего из-за деревьев детину под два метра ростом с ружьём за плечами. Собака успокоилась. Мужчина, не торопясь, приближался к нам.

– Доброго вам утра, – обратился он к стоящей у входа в землянку “команде”.

– З-драсте! – прозвучал ответ. Напряжение неожиданно спало, все разом заулыбались, обступив мужчину.

Слово за слово, и мы все большей симпатией проникались к этому человеку, размеренно отвечающему на вопросы. Разговор вели в основном Борис и Маша, но вдруг в разговор вклинилась Сара:

– Как вы нас нашли?

– Пошёл поохотиться и заметил дымок над лесом. Вот мы с собакой и решили проверить. Зовут меня Михаилом. Я, как и вы, скрываюсь с женой от фашистов. Вы допустили оплошность, остановившись в этом месте. Здесь же недалеко от вас проходит шлях, и вас тут фашисты могут перестрелять, как кроликов, – он наверняка сразу понял, кто мы такие.

– Далеко ли отсюда до Зуборевичей? – спросила Маша.

– Нет, недалеко. Километров пять, – и далее Михаил продолжал: – Я из местных, неплохо знаю эти места, поэтому могу вам помочь найти более надёжное место. Вам решать...

Все однозначно были согласны – нельзя было упускать такой возможности, однако Исаак и Сара решили повременить с переселением до выздоровления. Со словами Бориса: “Мы вас навестим” мы тронулись следом за Михаилом и его собакой.

Шли молча. Сначала по лесной дороге, а затем почти по снежной целине. Пригревало солнце, и снег стал рыхлым, местами на открытых участках проступала земля. Через часа полтора были у цели. Это было возвышенное место, покрытое лесом с пологим спуском в сторону болота, контуры которого терялись где-то за горизонтом.

– Вот здесь и располагайтесь. Это место будет для вас более надёжным, чем то, где вы прежде были, – сказал наш новый знакомый.

Мы попросили Михаила не терять с нами связи.

– Бог всё видит! Он воздаст тебе за то, что ты для нас сделал. Большое тебе спасибо! – произнесла Малка на прощание.

...Весна была дружной, как бы компенсируя суровую зимнюю стужу. В полдень через день появилась знакомая нам собака. На этот раз она уже не лаяла, а приветливо виляла хвостом, остановившись у костра и что-то вынюхивая. Следом за нею появился Михаил с небольшой кошёлкой, топориком за поясом и с ружьём, с которым он, видимо, никогда не расставался. Поздоровавшись, он произнёс:

– Это вам гостинец от моей хозяйки, – показывая при этом на картошку и хлеб в кошёлке. – А сейчас я могу вам помочь соорудить крышу над головой из жердей и лапника для укрытия от дождя и ветра.

Все высказали желание в меру своих сил и способностей принять участие в строительстве.

После сооружения укрытия Михаил ушёл к себе, а Борис с Генахом,

взяв с собой пару испечённых картофелин и хлеб, пошли проведать Исаака и Сару и привести их к нам в лагерь. После возвращения они молча опустились на лапник у костра. Первой нарушила молчание Малка, обратившись к Генаху на идиш:

– Вос швайгсте, зог зе эпес! (Что ты молчишь, скажи что-нибудь!)

– У меня просто язык не поворачивается говорить о том, что мы с Борисом увидели. Обе землянки буквально разгромлены: разбиты печки, выломаны двери, всё перевёрнуто вверх дном, а Сары и Исаака след простыл.

Наступила немая сцена. Затем, перебивая друг друга, каждый пытался высказать свою версию происшедшего. Милу же, жену Бориса, вообще прорвало:

– Я всё время молчала, слушая ваши разговоры. Этот длинный у меня с самого начала вызвал подозрение. Это не тот человек, за которого он себя выдает. Попомните моё слово – мы окажемся там же, где сейчас Исаак с Сарой.

На вопрос Маши:

– Где именно?

– В преисподней, Машенька!

Никто, конечно, не ожидал такой трактовки случившегося. Тем не менее были слышны голоса:

– Откуда он вообще взялся на нашу голову?

– Почему он нас не привёл на то место, где сам прячется со своей якобы женой?

– Там он не со своей женой, а с такими же головорезами как и он сам!

– Вот увидите, скоро они все вместе придут сюда.

Все ждали, что скажут Борис и Генах по поводу случившегося.

– Успокойтесь! Послушайте меня. Моя жена толковая женщина, но иногда её заносит на поворотах. Не зря ведь говорят, что у страха глаза велики. Подумайте, для чего нужно было Михаилу и якобы его подельникам эта многоходовая комбинация, если при первой же нашей встрече он мог один всех нас порешить. Может быть, кто-либо мне объяснит: зачем он помог нам сделать вот это, – показав на укрытие. Считайте как хотите, но и я, и Генах верим этому человеку! Если бы не он, то нас всех вместе постигла бы участь Исаака и Сары.

– Я согласен с Борисом. По дороге сюда с места трагедии мы с ним пришли к выводу, что Михаил для нас явился божьим посланником – Мессией. Ему мы обязаны своей жизнью.

...Весна всё больше вступала в свои права. Снег почти сошёл, его следы сохранились только в пониженных местах и ложбинах. Появились первые подснежники. Продуктов практически не осталось, и мы с Машей подкреплялись витаминами, собирая в лесу перезимовавшие ягоды костяники и клюквы на болоте.

Слышны были постоянные разговоры о необходимости похода в Зуборевичи, чтобы добыть какие-то продукты. Маша и Борис сильно простыли. Я был готов к походу, ко мне присоединились ещё две женщины (их имена стёрлись в памяти). Выйдя на дорогу, мы относительно быстро вышли по ней на опушку леса, откуда хорошо была видна окраина деревни, вытянувшейся вправо, вдоль перпендикулярно идущей дороги на деревню Берёзовка. Женщины остались на опушке леса, а я пошёл выяснить обстановку, договорившись с ними о сигнале, который я подам, если в деревне ни немцев, ни полицаев нет, и следовательно, они могут следовать за мной. В мои планы входило посетить папиного друга Николая.

Подойдя к крайнему дому, я вдруг увидел, как по дороге со стороны Берёзовки движутся пять-шесть повозок, сопровождаемых полицаями с белыми повязками на рукавах. Я быстро забежал за сарай дома и выждав, когда обоз скроется в деревне, побежал в сторону моих спутниц. Они также видели обоз и наблюдали за мною. Тем не менее, они решили повременить с возвращением в надежде, что полицаи уйдут и им удастся раздобыть что-то из еды. Я же решил не рисковать и вернуться в лагерь.

По дороге на лугу я увидел трёх мальчишек, пасущих коров. Подошёл к ним, и поздоровавшись, рассказал о своём житье-бытье, об отце, родившемся в Зуборевичах, о больной сестре. Видимо, я их разжалобил: они дружно набросали мне в мешок варёные яйца, хлеб, нарезанное сало, поделившись со мной своими собойками. На прощание один из них, который был постарше, сказал:

– Приходи завтра, мы принесём тебе побольше гостинцев.

На подходе к нашему лагеру меня встретила знакомая собака, а в самом лагере царило оживление, вызванное приходом Михаила, рассеявшего все сомнения в отношении своей порядочности. Оживление было вызвано ещё и тем, что он принёс бутылку самогона и целый окорок кабанятины на закуску. Я вернулся в разгар “пиршества” и рассказал о нашем походе и о сделанном мне пастушками предложении придти завтра за гостинцем побольше. Были высказаны разные мнения. Черту как бы подвёл Михаил:

– Они угостили тебя по-доброму. Но что касается завтрашнего дня, то они наверняка расскажут родителям о встрече. Может статься, кто-то из взрослых служит в полиции или ещё что-то может быть, чего мы даже предположить не можем... Мне представляется, что лучше тебе за гостинцем не ходить. Я вам принёс кое-что из съестного и принесу ещё.

На том и порешили, и мужчины продолжили между собой прерванный ранее разговор.

Борис, обращаясь к Михаилу, спросил:

– Почему вы скрываетесь в лесу?

– Я был связным партизан, так как они в Залесье не располагались. Когда немцы начали наступление и возникла опасность захвата ими нашей деревни, мы с женой ушли в лес. Спустя несколько дней я решил наведаться в Залесье и зашёл в дом, чтобы взять нужные в лесу вещи. Через некоторое время увидел из окна, что во двор вошли двое полицаев. Я понял, что добром это не закончится, и поставил за табуретом у двери топор. Один из них вошёл в дом:

– Выходи, нужно поговорить!

Я как бы тронулся к дверям, но неожиданно для него схватил топор и нанёс ему обухом удар по голове, а сам выпрыгнул через окно и вот, как видите, скрываюсь вместе с вами.

Провожать Михаила пошли Генах с Малкой. Потом они рассказали, что попросили его проведать Маечку в Малыне.

Маечка с моей сестрой Машей. Израиль, 2006 г.

...И вот, наконец, свершилось то, чего мы так ждали – пришли хорошие вести от нашего спасителя.

– Блокада окончилась. Из Малына и соседних деревень немцы и полицаи ушли. Ваша девочка, Малка, в полном здравии, а для Маши и Юлика есть письмо от батьки, – и передал нам листок.

Все обступили Михаила, расспрашивая об увиденном и услышанном, – мы же с Машей, развернув сложенный листок, прочли буквально две строчки: “Жду вас у Василя в деревне Дёртка – это рядом с пос.

Октябрьский. Обнимаю, папа”. И ниже была изображена схема деревни, на крайнем доме которой было написано: “Дом Василя”.

Малка и Генах попросили Михаила рассказать поподробнее о Маечке.

– Завтра вы её увидите собственными глазами, она хорошо выглядит, здорова. Мне хозяева рассказали, что нашлись ублюдки, которые распускали слухи о еврейской девочке, которую якобы прячут. Нашлись и советчики: чтобы не накликать на себя беду, бросьте её в заброшенный колодец. Ваши друзья просто молодцы!

...В 1979 г. на 40-летии Маечки в Минске я прочёл ей по этому поводу стихотворное посвящение:

Ты в сорок первом была несмышлёныш,
И в сорок пятом не могла понять,
Какое горе выпало на долю всех тех из нас,
Кто начал понимать.

Не понимала ты, когда случайно
Тебя могли в колодец уронить.
Не представляла ты, что люди тайно
Могли бы это зверство совершить.

Но сорок лет ракетой пролетели.
Канули в прошлое тяжёлые года.
Так выпьем же, друзья, чтобы не смели
Детей бросать в колодцы – никогда!

Березовый сок

Собрались быстро. Договорились, что до Малына пойдём все вместе, а далее мы с Машей двинемся одни до места встречи с отцом. Собака, как бы чувствуя наше расставание, скуля вертелась вокруг. Каждый из нас пожал Михаилу руку.

– Гора с горой не сходятся, а люди встречаются. Спасибо тебе за всё, дорогой наш Михаил Пигулевский, что ты для нас сделал, такое не забывается. Всего тебе хорошего, – произнёс за всех нас Борис.

На дворе стоял апрель. Из набухших почек на деревьях прорезались листочки. Попрощавшись со всеми, я и Маша попросили тётю Маню и дядю Генаха передать привет Маечке и, если увидят, Хае Вишневской.

Пройдя ещё пару километров, мы сделали привал. Отдохнули, греясь на солнце, и к обеду подошли к Дёртке. Возле одного из домов во дворе увидели детей. Спрашивать ни о чём не стали, направляясь к дому,

стоявшему на отшибе деревни. Вошли во двор и постучали в дверь. Вышла женщина и, внимательно посмотрев на нас, произнесла:

– Василь! Да нас пришли!

На крыльцо вышёл высокий худощавый мужчина с седой бородой.

– Ти не Навума вы дети будете? – спросил он.

Маша показала папино письмо.

– Заходьте в хату, раздевайтесь и седайте за стол. Ганна, паподчуй дятей.

На столе появились кувшин с молоком и буханка хлеба. Ганна налила полные кружки молока и нарезала хлеб. Хозяева начали рассказывать нам об отце, какой он хороший человек и что они передадут ему о нас через своих людей... Маша стала есть и с хитрецой поглядывала на меня. Я же нажимал на хлеб...

– А чаму хлапец не пье молоко? Можа яно яму не спадабаецца? Тады я яму..., – начала говорить хозяйка.

– Нет,– встряла Маша в разговор, – будет пить. Просто он давно его не пробовал.

Я взял кружку. Сделал пробный глоток, затем второй. Молоко показалось мне сладким и приятным на вкус, и пошло-поехало. Я не думал ни о какой аллергии и налил себе ещё.

Между тем Василь и Ганна рассказывали о том, как зверствовали фашисты, как расстреливали безоружных жителей деревень, а в Карпиловке загнали в клуб взрослых и детей и подожгли. Когда же дым стал проникать внутрь, люди бросились к двери – заперто, к окнам – застрочили автоматы. Чудом удалось спастись только одной женщине – Фёкле Кругловой. Она-то и рассказала, как всё происходило.

Мы, понятно, не знали-не ведали тогда, что многие белорусские деревни вместе с жителями были сожжены и после войны не возродились. Их названия увековечены в Мемориальном комплексе “Хатынь”.

Позже из рук в руки передавалось стихотворение:

Где село стояло – стынут трубы,
Выгорело, вымерло жильё....
Снег бугрист, метель выносит трупы,
Тянется от леса вороньё.

Только ветер бродит, завывая,
Только кровь, да пламя, да зола.
Вот она, вторая мировая, -
В глухомань какую завела.

Семён Ботвинник

Ближе к вечеру Василий истопил баньку по-чёрному. Вначале пошли мыться Ганна с Машей, а затем мы с Василём. Поддав пару, он взобрался на полку и стал обрабатывать себя берёзовым веником, издавая при этом стонущие звуки, а затем предложил свои услуги мне и обработал меня, как говорится, по полной программе. Я поблагодарил Василя за его навык и старание. Мне это было не впервой, так как отец ещё в Глуске брал меня и Гилика с собой в баню, и я был знаком с живительной силой берёзового веника.

Непривычно было надевать взрослое бельё. Маше было это сделать, наверное, проще, но и она выглядела в новом одеянии необычно.

Поужинав, легли спать по-королевски. Утром оделись в свою чистую одежду. Когда только Ганна успела всё постирать и высушить...

Перед завтраком Василь высказал предположение:

– Скора павинен зъявицца бацька. Трэба пачакаць.

Позавтракав, Маша осталась с Ганной, а мы с Василём пошли во двор заниматься, как он сказал, мужскими делами.

– Давай, Юлик, пойдем у лес и прынясём бярозавага соку. Ён табе и тваёй сястры спадабаецца, да и Ганна любить яго папить.

Прихватив с собою ведро и кружку, мы направились в лес поблизости от дома. Мы подходили к берёзам, у которых стояли небольшие корытца, в которые из клинообразных надрезов на стволах через лоточек, установленный на высоте 40-50 см от земли, не спеша, слезинками плакали белоствольные красавицы. Удалив кружкой образовавшуюся в корытцах белую, как и сами березы, пену и попавших туда насекомых, Василь перелил сок из корытец в ведро, дал мне попробовать и сам сделал несколько глотков.

– Ну! Як ён табе, спадабався, альбо не?

– Нормально, дядя Василь.

Он словно почувствовал мою жалость к берёзам и произнёс:

– Ты бачыв старые зарубцававшыеся парезы на ствалах бяроз. И ничога им не зрабилася. Яны перадають людям сваю силу, прапускаючу воду из земли праз сябе, як цвяты передаюць сваю силу людям праз нашы вочы, праз наша абанянне и нарешце нават праз пчол. Але з другога боку, сами люди накироввають силу, якую им дала природа, супроть таких жа людей, як яны сами. Фашысты – яны и ёсть фашисты. Што яны робять з яврэями и цыганами... Зверы, а не люди. А што гэтыя варвары натварыли у нашым раёне.

Я с интересом смотрел на Василя, мне нравились его рассуждения.:

– Откуда вы всё так знаете?

– Пажывешь з маё – таксама ведать будешь. Гэта вопыт, яки передаецца ад чалавека чалавеку. Вось як я, скажэм, передаю табе. Зразумев...

Так за разговором мы дошли до дома и увидели во дворе Машу, держащую на растянутых в сторону руках пряжу, и Ганну, наматывающую с её рук пряжу на клубок.

На следующий день, когда солнце поднялось уже высоко, во двор въехала подвода, на которой сидел отец, а от ворот шёл к дому высокий молодой человек. Мы с Машей бросились к отцу, а Ганна с Василем поочерёдно обнимали своего сына Гришу. Отец, соскочив с телеги, побежал к нам навстречу, обнял нас, говоря при этом:

– Теперь мы не расстанемся, теперь мы будем вместе. Я вас искал везде, где только мог. Душу терзали разные мысли. Но вот сработала записка, оставленная в Малыне. Здесь мы задерживаться не должны, так как засветло должны вернуться в лагерь.

На крыльцо вышёл Гриша и позвал нас к столу. Сам же пошёл к повозке и вернулся с винтовкой. Пообедав, все вышли во двор. Мужчины отошли в сторонку и о чём-то говорили.

– Пора ехать, – произнёс отец.

Попрощавшись, мы сели на телегу и выехали со двора. Гриша остался ночевать у родителей. Быстро покинув деревню, мы выехали на лесную дорогу. По дороге отец всё распрашивал, как нам удалось пережить немецкое вторжение, одобряя наше бегство из Торфболота, где также не преминули наследить полицаи.

– А как тебе, как отряду удалось пережить наступление немцев? – спросила Маша.

Отец объяснил. Вороги с трёх сторон вторглись в район и приблизились к Октябрьскому, нанося бомбовые удары и ведя пушечный обстрел. Силы были неравные, и командование отряда вместе с Павловским, не желая подставлять население посёлка под удар карателей, приняло решение покинуть райцентр. Каратели, не найдя партизан, обрушились на местное население, которое надеялось на гуманность немцев. Стариков, женщин, детей убивали, вешали, закалывали штыками, жгли в избах, брасали в колодцы.

– Мы сейчас едем в партизанский лагерь, расположенный в лесном урочище Подлипки. Во время блокады погиб командир хозвзвода и меня назначили на его место. Я буду ненадолго отлучаться. Вот такие дела, дорогие вы мои...

На подъезде к партизанскому лагерю нас остановили двое вооружённых людей с красными ленточками на шапках:

– Всё в порядке, Навум? Пополнение везёшь? – спросил один из них.

– Как видите – нашлись мои дочка и сын!

– Не теряй их больше!

– Спасибо, друзья!

Лагерь партизан

Лагерь размещался на возвышении в сосновом лесу, где вдоль кромки болота на небольшом расстоянии располагались буданы, в которых жили партизаны, а в центре находилась кухня – место для костра, скамьи, изготовленные из жердей, шалаш для продуктов. Фактически в лагере остались только раненые и больные, а также те, кто их обслуживал и охранял. Чувствовалась какая-то заброшенность там, где еще не так давно бурлила партизанская жизнь. Всё это удалось осмотреть до наступления сумерек.

Через пару дней, чтобы мы не болтались без дела, Машу привлекли к работе на кухне, а меня – ухаживать за небольшим стадом коров. Моя работа заключалась в помощи такому же подростку, как и я, правда, постарше, в выпасе коров и возвращении их обратно в загон. Мне это не очень нравилось, так как меня привлекали не глупые коровы с выпученными глазами, вечно что-то жующие, а умные красавицы-лошади, и я при всяком удобном случае вертелся возле них, не упуская возможности прокатиться верхом.

На кухне командовала Соня Сапега, муж которой Пётр, тоже повар, вместе с отрядом перебрался в Октябрьский. В начале весны 1944-го судьба вновь столкнёт меня с Соней. На этот раз мы окажемся с ней на краю бездны. Но об этом потом...

Маша, кроме работы на кухне, помогала ухаживать за ранеными и больными. Мне запомнился не только болевший воспалением лёгких Иван Кондратович, но и другие партизаны, получившие ранения разной степени тяжести. Я старался бывать в их будане не только с Машей, но и самостоятельно, выполняя какие-то доступные мне услуги по их просьбе. Среди них были и те, кто с самого начала были вместе с Бумажковым и Павловским. Они рассказывали о действиях созданного ими отряда “Красный Октябрь”. То, о чём они вспоминали, было просто невероятным. Иначе как героизмом это не назовёшь. К сожалению, их имена за давностью лет стерлись в памяти...

Наиболее ярким рассказчиком среди них был Иван Кондратович. В дальнейшем я убедился, что он был исключительно смелым, отчаянным партизаном. Слушая же его рассказы о себе, было непонятно, то ли он всё придумывал на ходу или действительно это с ним происходило, настолько всё звучало непосредственно и искренне. Именно по его просьбе старший нашего лагеря разрешил мне помогать партизанам в выпасе лошадей. Это было для меня великой радостью, и я занимался этим с большой охотой.

Немного окрепнув, он отблагодарил Машу, поставившую его, по его

же словам, на ноги, и подарил ей немецкую офицерскую шинель, которую он добыл при разгроме партизанами немецкого обоза, пленив офицера. Из шинели Маша и Соня сшили себе юбки.

Тимофей-соловей

Запомнился ещё один партизан, в обязанности которого входило быть костровым, заготавливая дрова для костра, мыть кухонную утварь... Выполнял он эту работу с охотой, по характеру был добрейшим, улыбчивым человеком, но немного странным. Звали его Тимофей, но чаще всего к нему обращались не по имени, а кличками, которые ему присвоили партизаны: "Тенор" и "Соловей". Природа наделила его исключительно красивым голосом и хорошим слухом, и вечерами у костра в сосновом бору звучали без акккомпанимента в его исполнении любимые не только им песни. Мне больше нравилась кличка 1"Соловей", но я, учитывая его возраст (ему было, наверняка, за сорок), обращался к нему "дядя Тимофей". Он не только не обижался на тех, кто называл его этими кличками, а даже наоборот: как мне казалось, ему это льстило, подчёркивало его индивидуальность, отличие от других людей. Он был востребован, его слушали и благодарили аплодисментами. Особенно в его исполнении партизанам нравились такие песни, как:

Ах ты, душечка, красна девица,
Мы пойдём с тобой, разгуляемся,
Мы пойдём с тобой, разгуляемся
Вдоль по бережку Волги-матушки.

Или такая залихватская песня, как "Ласточка-касаточка", в припеве которой звучали слова:

Эх ты, ласточка-касатка сизокрылая,
Ты, родимая сторонка, наша милая!
Эх ты, ласточка-касаточка моя, -
Быстрокрылая!

Тимофей, кроме всего прочего, был ещё и отменным грибником и собирал первые лесные майские грибы – сморчки и строчки, растущие прямо на территории лагеря. Затем сам же их обрабатывал и жарил, угощая партизан. Этот деликатес мне и Маше очень понравился, и она собранные мною грибы по-домашнему жарила с картошкой.

От отца мы получали частые приветы. Он обещал, что скоро будем вместе в Октябрьском. И действительно, в один из дней появился на

телеге с продуктами для партизан. И здесь произошёл смешной случай с привезённым им довольно крупным поросёнком. Когда его стаскивали с телеги со связанными ногами, он ухитрился освободиться от пут и побежал в сторону болота. Поймать его было невозможно. Отец, схватив лежащую на телеге винтовку, устремился вслед за ним. Деревья мешали прицельно стрелять. Но вот раздался один выстрел, потом второй, – и под выкрик одного из партизан: “Нохим не умеет стрелять!” – раздался очередной выстрел и поросёнок завалился.

Быт белорусских партизан

Вечером у костра, выпив самогонки и закусив поросятиной с отварной бульбой, партизаны от души посмеялись над происшедшим эпизодом с поросёнком. Затем по их же просьбе поднялся “Тенор”, и мелодия песни “Ласточки-касаточки”, обтекая стволы и кроны стройных, как кипарисы, сосен, полетела к сияющим в поднебесье звёздам.

В заключение наших посиделок отец произнёс:

– Мне завтра необходимо пораньше быть в отряде, поэтому спозаранок уеду с детьми, а не далее как через две недели и всех вас заберём из леса.

Посёлок Октябрьский

На рассвете отец поднял нас, а сам пошёл запрягать лошадь. И вот мы, минуя охрану, едем к месту дислокации отряда – в Октябрьский, где временно должны остановиться в доме Захара Куницкого, с которым отец познакомился ещё при первом посещении райцентра. Захар с женой Пашей приветливо встретили нас, показали, выделенную для нас комнату и пригласили поесть. Отец торопился и быстро ушёл по своим делам, а мы с Машей ещё долго сидели за столом, слушая рассказы хозяев о

довоенной жизни, зверствах фашистов во время блокады, о Тихоне Бумажкове и Фёдоре Павловском. Мы в свою очередь рассказывали им о нашей жизни.

Паша (в посёлке её все ласкательно называли “Пашиха”) родила Захару 18 детей. Все они еще до войны разлетелись по городам и весям. Пашиха была малого роста, полная, быстрая, как ртуть, и когда она шла, то казалось, катится колобок. Захар в противоположность жене был гораздо выше ростом, говорил и всё делал размеренно, не спеша, что вполне соответствовало его профессии механика. К людям именно такой профессии применима поговорка: “Поспешишь – людей насмешишь”.

Быт белорусских партизан

Вдоволь наговорившись, мы с Машей вышли со двора на главную улицу посёлка и пошли в сторону центра, который служил основной базой размещения отряда. Подойдя к железнодорожному переезду, увидели торчащую над пепелищем печь и трубу – это то, что осталось от дома Анюты Ельницкой. Вместе с домом немцы сожгли и её с детьми. Мы низко склонили головы, отдав дань памяти замечательной семье, которая помогла нам в тяжёлое для нас время. Перейдя через переезд, подошли к двум параллельно стоящим казармам, которые ранее использовались военными, а сейчас восстанавливались партизанами.

На территории встретились с отцом и пошли в рядом расположенную партизанскую столовую, в которой кошеварил Пётр Сапега. Отец представил нас своим боевым друзьям. После обеда Маша подошла к Петру, а меня подозвал к себе командир отряда Эдит Чирлин и попросил:

– Повтори, пожалуйста, поподробнее, что происходило на мельнице после того, как ты утром 2-го декабря прибежал туда, как вёли себя мой

отец и его товарищи по работе, когда вас забирали полицаи? Знали ли они, что на самом деле происходит?

Я рассказал ему детально обо всём, что видел и слышал в этот день, когда находился в конторе мельницы вместе с его отцом. Он молчал, а в конце разговора, пожав руку, сказал:

– Они получат сполна за всё, что сделали!

Маша в первую очередь, да и я тоже, не хотели быть нахлебниками в отряде, пользуясь опекой отца. Маша осмотревшись, через несколько дней стала работать на кухне. Там она познакомилась с Женей Кацнельсон, бежавшей из Бобруйского гетто. Ей было 18, пережитое за год войны сблизило их. Они стали близкими подругами.

Постоянно посещали столовую далеко не все партизаны, так как костяк отряда составляли местные жители. Кроме того, многие из партизан, выполняя боевые задания, часто отсутствовали. В начале 1942-го в отряде числилось 112 бойцов с учётом того, что из него "отпочковались" ряд групп, создавших самостоятельные отряды, вошедшие затем в состав бригады.

В Октябрьском при штабе бригады издавалась газета "Народный мститель" (пятьсот экземпляров), редактором был Иннокентий Камоцкий. При штабе находился также радист, которому удавалось слушать и записывать сводки Совинформбюро из Москвы. Поскольку газета выходила нерегулярно, редактор вместе с радистом на листке тетрадного формата составляли обзор происходящих на фронте событий. Подростки моих лет и постарше переписывали их в виде листовок и распространяли среди местного населения и партизан. Меня также привлекли к этой работе. Как раз в это время стали происходить судьбоносные события под Сталинградом, и люди жадно читали листовки.

Между тем, из лесного лагеря "Подлипки" в Октябрьский перебазировались все партизаны. Отец рассказал нам:

– На заранее оборудованном партизанском аэродроме на острове Зыслав рядом с Поречьем в конце мая совершил посадку первый самолёт из Москвы. Прилетели радисты с рациями и доставили оружие и боеприпасы. Обратно самолёт улетел с ранеными. Следующим рейсом заберут наших раненых, нуждающихся в медицинской помощи.

Когда одну из казарм восстановили, партизаны, не имеющие своего угла, и мы с отцом поселились там и, таким образом, оказались в самой гуще жизни отряда. Казалось, что мы неплохо устроились, но на самом деле это было совсем не так. Вот что спустя четверть века написала об этом времени журналистка Нина Александрова в газете "Известия": "Посёлок Октябрьский жил, как военный лагерь. Не было ни дня, ни часа покоя... Жизнь оскудела, словно шагнула на много-много лет назад...".

Одежда и обувь партизан изрядно поизносились. С одеждой вопрос как-то решался, сложнее было с обувью, так как кроме мастерской требовалось организавать производство по выделке кож. Отец предложил привлечь к этому делу Генаха Колтова, который в молодости занимался кожевенным производством и профессионально владел этим ремеслом. Предложение было принято, и мы с отцом поехали в Малын, где дядя Генах находился с семьёй. Встреча с родными была радостной. Генаха не нужно было уговаривать, и он поехал с нами в отряд. В итоге Чирлиным, по согласованию с Павловским, было принято решение об организации кожевенного производства и сапожной мастерской в рядом расположенной деревне Дёртка.

Встреча с Женей

В моей жизни случайности играют особую роль.

...Конец 90-х, встреча в Манхэттене, посвященная Холокосту, рядом сидит незнакомая женщина. Разговорились, кто, что, откуда... Соседка оказалась узницей Бобруйского гетто. И вдруг выясняется, что мы были в одном партизанском отряде. Я спросил:

Случайная встреча с Женей в Манхэттене. 1996 г.

– Знали ли вы мою сестру Машу?

– Ещё бы! Работали вместе на кухне. Она стала моей лучшей подругой... А ты – Юлик, я тебя тоже помню.

Так я понял, что рядом сидит Женя Кацнельсон. Она рассказала, как 7 ноября 1941 года началась ликвидация Бобруйского гетто. Её с подругой Марией Минц и другими узниками гетто погрузили в грузовую машину и повезли в Каменку под Бобруйском, где находились расстрельные рвы.

На одном из перекрёстков, сидя у заднего борта, они, изловчась, выпрыгнули из кузова. С некоторым опозданием от неожиданности два сопровождающих полицая стали стрелять, ранив Женю в руку, но беглянкам удалось скрыться. Просто удивительно, как две юные девчонки не упустили свой последний жизненный шанс... В результате после долгих скитаний они встретились с народными мстителями и стали: Женя – бойцом отряда "Красный Октябрь", а Мария – партизанкой отряда, которым командовал генерал-майор Константинов. За участие в подрыве 150-метрового моста через реку Птичь в ночь с 2-го на 3-е октября 1942 года, по которому днём и ночью беспрерывно шли к фронту из Германии эшелоны, была награждена вместе с другими подрывниками орденом Красной Звезды. Только через 18 суток немцам удалось восстановить движение.

Эта масштабная операция получила название "Эхо на Полесье". Для её проведения с Большой земли специальным рейсом доставили боеприпасы и взрывчатку. В операции участвовали бойцы 11 партизанских отрядов, включая "Красный Октябрь", в котором в составе санитарной группы были и мы с Машей.

После войны Женя уехала в Ленинград. Работала лаборанткой в детской больнице. Стала театралкой. Личная жизнь её, увы, не сложилась. Она эмигрировала в Америку в 1989 году и живет в Нью-Йорке, в Квинсе. Мы продолжаем поддерживать отношения. Когда Маша приехала ко мне в гости из Израиля, Женя настояла, чтобы она погостила у неё пару дней: им было что вспомнить.

Мария Минц после войны вернулась в Бобруйск, а потом репатриировалась в Израиль.

Виктор Егоров

Маша заболела тифом. В лесу возле Дёртки партизаны построили тифозный барак, изолировали всех заболевших. Её остригли наголо и поместили туда. В довершение ко всему у сестры обнаружилось двухстороннее воспаление легких. Состояние её было тяжелейшее. Даже вставать и ходить не могла самостоятельно.

В выздоровлении Маши и в уходе за ней весьма существенную роль сыграл Виктор Егоров, который, пользуясь своим авторитетом в отряде, несмотря на карантин, постоянно навещал её на всех этапах болезни. Когда она стала поправляться, они подолгу гуляли вместе.

Два слова о нем. В сорок втором Егоров, боец Красной армии, вышел из окружения и воевал в составе отряда, в сентябре 43-го стал начальником штаба, а в мае 44-го – командиром.

Он и Маша стали жить гражданским браком.

Егоров не скрывал, что у него в Ленинграде жена и дочь. Маша ему очень нравилась... Забегая вперед, скажу, что после войны они обосновались в Бобруйске, куда его направили на работу в военкомат. Отец считал, что Виктору следует вернуться к семье, да и Маша начинала тяготиться своим неопределенным положением. В конце концов они расстались.

Виктор, Маша и я. 1945 г.

Учась в Ленинграде, я однажды случайно встретил Егорова. Он пригласил меня в ресторан. Выпили по чарке. Вспомнили былое, поговорили и разошлись, как в море корабли.

Т.П. Бумажков и Ф.И. Павловский

Пожалуй, наступило самое время рассказать о них и их подвиге.

В “Музее Отечественной войны” в Минске, в его первом зале, висят портреты Тихона Пименович Бумажкова и Фёдора Илларионовича Павловского, а рядом – Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им званий Героев Советского Союза за партизанские действия в тылу врага, и дата – 6 августа 1941 года.

Напрашивается вопрос: ”За какие заслуги спустя только полтора месяца после начала войны, когда наша армия отступала и рука не успевала отмечать на карте оставляемые врагу города и посёлки, им была присвоена столь высокая награда?” А ведь в то время такие награды, если можно так выразиться, были на вес золота! Заслуги были, да ещё какие!

В первые дни войны в Октябрьском районе на Полесье был создан отряд самообороны, который в дальнейшем получил название

- партизанский отряд “Красный Октябрь”. Его возглавили первый секретарь райкома партии Тихон Бумажков и уполномоченный наркомата заготовок Фёдор Павловский. В той обстановке, в том хаосе трудно было не растеряться и сохранить мужество. Но оба командира и их боевые товарищи его сохранили и доказали это своими делами. И это в самый самый трагический период войны...

Т. П. Бумажков,
Герой Советского Союза

Ф. И. Павловский,
легендарный партизанский командир

Вооружившись винтовками и ручным пулемётом клуба Осоавиахима, отряд не стал ждать, пока враг захватит район, и сам стал нападать на фашистов.

15 июля из соседнего Глусского района маршем двигалась немецкая танковая колонна. Отряд устроил засаду у дер. Холопеничи на узкой дамбе дороги через пойму р. Птичь (мост был заминирован). После того, как передний танк, подорвавшись, рухнул в воду, на колонну, оказавшуюся в западне, из прилегающих к дороге кустов полетели бутылки с горючей смесью (“коктейли Молотова”, как их назвали в народе). Фашисты подняли беспорядочную стрельбу. Дамба превратилась в фейерверк из горящей техники. В итоге было уничтожено 15 танков, шесть бронемашин и около сотни вражеских солдат и офицеров.

18 июля на рассвете отряд разгромил штаб немецкой дивизии в дер. Оземля, были убиты командир дивизии генерал Лансель, офицеры штаба и много солдат. В результате операции были освобождены пленные, захвачено много оружия, боеприпасов и секретная карта с планом

наступления на Гомель и Чернигов. Последняя была переправлена командованию Красной Армии.

В короткие сроки партизанское движение в Белоруссии стало серьёзной силой, которую пришлось признать официальным лицам "третьего рейха".

Видимо, не случайно на карте, отнятой у пленного немецкого офицера, пос. Октябрьский был обведён красным карандашом и сделана надпись: "Цвайте Москау" – "Вторая Москва". Против Октябрьского фашисты бросали регулярные части карателей, но он жил и боролся даже тогда, когда фронт отстоял за тысячу километров. Подумать только! Враг неоднократно подвергал бомбовым ударам районный центр, затерявшийся на Полесье в их же глубоком тылу. Но в Октябрьском продолжали работать мельница, кожевенный завод, оружейная, сапожная и швейная мастерские, обеспечивая партизан самым необходимым.

Приём в Кремле в августе 1943г. знаменитых командиров партизан Белоруссии. Фёдор Павловский в 1-ом ряду второй справа

18 августа 1941 г. в газете "Правда" была помещена статья Бумажкова "Наш партизанский отряд". Заканчивалась статья такими словами: "... Мы знаем, что за нашей борьбой с вниманием и любовью следит весь советский народ. Это удесятеряет наши силы. Обезумевшим гитлеровским бандам не сломить нашего народа...Они найдут себе могилу на той земле, которую пытаются поработить".

Ничего не скажешь – пророческие слова!

В августе 1941 года Тихон Бумажков был отозван в Красную Армию и направлен на Юго-Западный фронт начальником политотдела кавалерийской группы в корпусе О. И. Городовикова. Погиб при выходе из окружения в бою в районе деревни Оржица Полтавской области.

В газете “За Советскую Белоруссию”, которая начала издаваться с середины июля месяца 1941 г., было помещено стихотворение известного поэта Петра Глебки, посвящённое Бумажкову и Павловскому (переведено с белорусского мною):

Мчится весть в Кремль московский
Летит от села и до села,
Как бьётся с немцами Павловский,
Как уничтожает их дотла.
Как под ударом Бумажкова
Бегут немецкие полки,
Как по лесам и по дубравам
Берут фашистов на штыки.
Смелей же в бой, вослед за ними,
Сыны рабочих и крестьян,
Краса и цвет моей отчизны –
Отряды славных партизан!

Нельзя читать без волнения запись, сделанную в те годы Павловским в его походном дневнике: “В районе восстановлена Советская власть. Это огромное событие. Мы как на острове, вокруг враги. Фашисты называют наш район “Второй Москвой”... Ни днём, ни ночью мы не даём покоя врагу. Бьём его, что наывается, “и в хвост и в гриву”... В конце августа 42-го года спецрейсом вместе с другими партизанскими вожаками в Белоруссии Фёдор Павловский прилетел в Москву, где ему была вручена Звезда Героя. Первого сентября все они были на приёме у Сталина.

...Мне врезался в память такой эпизод. После возвращения из Москвы, сидя верхом на лошади (красавице Марте) в полковничьем мундире со Звездой Героя на груди, прямо возле штаба, Павловский приказал арестовать командира конного взвода Андрея Дегелевича за встречу со своим братом, служившим в полиции. Вскоре, после выяснения обстоятельств встречи, Павловский снял с него арест и ему вернули прежнее звание и личное оружие.

Недалеко от казарм находилось пониженное место – поплав (выгон, луг), на который партизаны выпускали для выпаса лошадей. Там же паслись и лошади хозвзвода. Я начал предлагать партизанам свою помощь, и они не

отказывались от неё. Со своей стороны, они разрешали мне при удобном случае тренироваться в верховой езде. Появилась на лугу и новая лошадь по кличке Марта. Её захватили партизаны при разгроме немецкого обоза и подарили Павловскому вместе с новым седлом. Подарок ему понравился, и он стал выезжать только на ней.

Комбриг доверил мне ухаживать за Мартой. Я был счастлив. Лошадь была замечательная, с красивыми белыми щиколотками на всех четырёх ногах. Я водил ее на выпас, поил, кормил овсом...

Судьба моей любимицы оказалась трагической – она сломала ногу, и Павловский, желая избавить Марту от мучений, приказал её пристрелить.

Ломовичи

В районе действия партизан, как кость в горле, оставался единственный полицейский гарнизон Ломовичи, расположенный на полпути между двумя райцентрами: Октябрьским и Озаричами. Партизаны не могли смириться, что полицаи с немцами блокировали подходы к важнейшим железнодорожным и шоссейным дорогам, ведущим к Бобруйску и Мозырю. Немцы же, понимая значение для них Ломовичей, оказывали гарнизону всестороннюю поддержку, отражая попытки его уничтожить. Кроме того, немцы готовили отсюда свои походы против Октябрьской партизанской зоны.

В конце декабря 1942 г. ряд отрядов Минского соединения, базирующихся близ Октябрьской партизанской зоны, и отряды 123-й бригады, созданной на базе "Гарнизона Павловского", по договорённости блокировали Ломовичи со всех сторон. В назначенное время после обстрела орудиями огневых точек противника начался штурм. В ходе боя партизаны уничтожили 12 дзотов и разгромили вражеский гарнизон. Больше он не восстановился. Партизаны захватили много пушек, миномётов, большое количество пулемётов... В бою погибли пять партизан и десять были ранены.

В этой операции участвовали все службы нашего отряда. Маша и я также приняли в ней участие: она в качестве санитарки, а я – ездового. Сестра оказала помощь двум раненым, а я отвёз их и одного убитого партизана в Октябрьский.

"Смерть Нохиму!"

Партизанские будни таили немало опасностей, даже когда не было боевых действий. Однажды беда едва не произошла с отцом.

На территории "Октябрьского" задержали подозрительного человека.

Его поместили в специально оборудованную комнату во второй казарме наподобие КПЗ – для выяснения обстоятельств его появления в поселке. Заключённый попросился в туалет, в качестве которого использовался расположеный по соседству заброшенный дом. Отец как раз дежурил и сопроводил его. Вот что он рассказал о происшедшем далее:

– Когда арестант стал справлять нужду, я отошёл за косяк двери комнаты, но услышав подозрительное движение внутри, рванулся туда. В руке у меня наган и, увидев, что он выпрыгнул из окна, я подбежал к окну в надежде, что увижу его и буду стрелять, но арестант скрылся в высоких зарослях конопли, растущей у самого дома. Я бросился следом, но обнаружить его не смог... Стрелять же просто в никуда не стал, так как в барабане у меня было всего-то два патрона...

Отца посадили на место арестанта. Законы военного времени были суровы – комиссар отряда Иван Старжинский потребовал расстрелять Нохима. Мы с Машей обратились к Павловскому пощадить отца и дать ему возможность искупить свою вину. Он нам сказал, что отец будет наказан, но расстрелять его он не даст.

Сам же Старжинский во время немецкой блокады в 44-м, чтобы не попасть в лапы врагов, убил жену, детей и покончил с собой...

Партизанская мельница

В наказание за потерю бдительности Павловский снял отца с командования хозвзводом и назначил ответственным за строительство мельницы в здании бывшего спиртзавода. В связи с острой необходимостью обеспечения не только отрядов бригады, но и населения района мукой, была поставлена задача построить её в течении месяца. Отцу была обещана необходимая помощь. По механической части отец привлёк к работе своего знакомого Захара Куницкого и его сына Ивана, а сам с помощниками занялся созданием жерновов.

Запомнился торжественный ввод мельницы в эксплуатацию. Кроме телег, прибыла трофейная машина с зерном и с развевающимся красным флагом. Павловский после краткой речи дал знак, и мельница, пыхтя локомотивом, завертела жернова. Нохима и Захара партизаны обсыпали мукой.

Немцы с бобруйского аэродрома постоянно бомбили партизанские объекты в своем тылу. Мельница просуществовала относительно недолго. Однажды появился над Октябрьским самолёт, вероятнее всего, со спецзаданием, не мешкая, развернулся в сторону спиртзавода и, войдя в пике со страшным визгом, сбросил бомбу на спиртзавод именно со стороны расположения мельницы. Бомба упала в метрах 5-6 от неё. Нападение

было неожиданным, и когда отец сбега́л по лестнице вниз, ему вырвало взрывной волной из кожуха на плече клок овчины, скорее всего, шуфелем для сбора муки. На месте взрыва образовалась воронка глубиною метра четыре. Оборудование мельницы практически не пострадало, но зданию был нанесён серьёзный ущерб. Слава богу, от взрыва бомбы никто не погиб и не был ранен.

Самолёт

Начальником штаба отряда был Иван Мерзляк. Высокий, худощавый, всегда подтянутый. Чувствовалась армейская выправка. Говорил размеренно, четко. Улыбка редко озаряла его лицо. Кроме столовой, я его иногда встречал в Дёртке в доме, где, используя сарай, Генах со своими помощниками – жителями деревни развернул пусть кустарное, но всё-таки производство по выделке кож.

Тётя Маня мне сказала, что Иван здесь примак, хотя я и сам об этом догадывался. Хозяйкой дома была Настя – статная, красивая женщина, жившая вместе с дочуркой семи-восьми лет. Когда Иван оставался у нее ночевать, то расслабившись за рюмкой самогона, становился весьма разговорчивым и даже широко улыбался.

Дом Насти находился на западной окраине деревни. В свободное время я не упускал возможности навестить тётю Маню, дядю Генаха и Маечку, которым Настя выделила одну из комнат. Расстояние было не более полутора километров. Дорога в Дёртку была продолжением центральной улицы Октябрьского. Следовало только пересечь железнодорожный переезд, пройти по мосту через канаву низины, миновать

небольшой сосновый лесок, и ты оказывался у родных людей. Мне нравились эти походы не только потому, что тётя Маня из коровьей требухи готовила в русской печи жаркое (готовить она была мастерица), но еще и потому, что мне нравился сам процесс обработки кож известью и золой, их дубление корой дуба и ели и прочее. Как-то раз, видя мой интерес, рабочие взяли меня с собой в лес, и я тоже, как умел, помогал им драть кору с елей.

Когда я в очередной раз решил проведать Колтовых в Дёртке, то стал свидетелем, как немецкий самолёт на бреющем полёте, строча из пулемёта, атакует конную упряжку, выехавшую из Октябрьского. Лошадь понесло. Самолёт стал разворачиваться. В тот момент, когда лошадь поравнялась со мной, я с разбега вскочил на телегу и, вырвав вожжи из рук растерявшейся женщины-возницы, сумел успокоить лошадь, сходу направив её в сосновый лес у дороги.

Женщина была растеряна и, глубоко дыша, не могла вымолвить

ни слова. Соскочив с телеги, я стал гладить лошадь по гриве, говоря ей ласковые слова. Успокоившись немного, женщина спросила:

– Чей ты такой будешь и как тебя зовут?

– Какое это имеет значение?

– Нет, всё-таки скажи?

– Меня зовут Юлик, а отца – Наум. В отряде Чирлина его все знают.

– А что ты здесь делаешь?

– Иду в Дёртку повидаться с тётей Маней, – и, чтобы избежать новых вопросов, добавил: – Она с мужем переехала сюда из Малына...

Видя, что я отвечаю неохотно, женщина сказала:

– Давай я тебя подвезу.

По улыбающимся лицам родных, вышедших мне навстречу, было видно, как они обрадовались моему появлению. Тётя сразу обратилась ко мне:

– Ты слышал, как ревел и стрелял самолёт?

– Не только слышал, но и видел, – и я рассказал о том, что произошло...

У этой истории было продолжение. Женщина, попавшая в передрягу, оказалась женой редактора газеты "Народный мститель" Камоцкого. Он узнал от нее о случившемся и пришел поговорить. Я и еще несколько ребят в тот момент как раз писали листовки.

– Поживи у нас, – неожиданно предложил мне Камоцкий. – У меня с женой дом, мы одни, тебе будет у нас хорошо.

Я поблагодарил и отказался.

– Здесь мои близкие, здесь бойцы отряда, я хочу быть с ними, не хочу разлучаться. Спасибо за предложение.

Как я стал Васей Михайловским

За время моего пребывания у партизан гарнизону Павловского пришлось пережить две блокады. Немцы проводили их с привлечением большого количества войск и полицаев, боевой техники. По сути, это были армейские операции.

Первая блокада велась зимой 43-го. В результате немецкого наступления отряд вынужденно сменил дислокацию и сумел перебраться на противоположную сторону дороги Октябрьский-Холопеничи, высвободившись из западни. Но ряд партизан, и среди них мой отец, Маша и я, оказались отрезанными от отряда, в лесу Октябрьского района. Наша небольшая группа решила пробиваться к своим.

Немцы прочесывали лес. Уходя от них, мы наткнулись на старика с двумя маленькими внуками. От него узнали, что прятались они в лесу впятером: его зять, а потом дочь пошли в близлежащую деревню попросить

еды и не вернулись. Чем мы могли помочь этим несчастным, кроме как оставив им еды...

Ночью направились в сторону дороги, чтобы пересечь её и соединиться с отрядом. Подойдя к дороге, мы внезапно столкнулись с немцем. Ночь была лунной. Обе стороны в растерянности, оторопело глазели друг на друга, не предпринимая никаких действий. Немец наверняка стоял в охранении. Где-то рядом с ним находились другие охранники. Мы первыми стали убегать. Немец почему-то не стрелял вслед. Взрослые мужчины бежали быстро, я за ними не поспевал. На бегу сбросил торбу-рюкзак и пальто, которое подхватила сестра, понимая, что если удастся убежать, то я замерзну. Бегущий впереди отец окликал Машу, та – меня, чтобы не оторваться от группы...

Передохнув, вновь предприняли попытку прорваться к своим в другом месте. Она оказалась удачной. Нас встретил Виктор Егоров. Особенно теплой была его встреча с Машей.

...В один из последующих дней отец, Генах Колтов и я стояли на посту, примерно в трехстах метрах от расположения отряда. Был морозный день. Вдруг со стороны отряда послышалась стрельба. Мы решили выяснить, что происходит, и вскоре нарвались на немцев. Они начали стрелять и преследовать нас. Мы – врассыпную. Видимо, немцы прочёсывали лес цепью. Передо мной вырос один из них:

– Хенде хох!

Я поднял руки. Оружия при мне не было.

Другие немцы бросились вдогонку за отцом и Генахом, а этот остался со мной. Далее произошло самое удивительное. Пока другие фрицы преследовали моих родных, он достал портмоне и показал фотографии, как я понял, жены и двоих детей. Видимо, он отнесся ко мне, как к ребенку, коим я, собственно, и являлся; глядя на изможденного, испуганного мальчугана, он, возможно, вспомнил о своих близких. Немцы тоже были разные...

Мы вышли на дорогу, на которой стояли танки, бронемашины. Было полно людей, в основном женщины и дети. Их куда-то вели. Отдельно гнали домашний скот, лошадей. Я не мог идти – болели ноги. "Мой" немец, видя это, посадил меня на лошадь, так я и ехал верхом.

Нас привели, как я выяснил, в деревню Катка и начали загонять в большой сарай. Возле сарая выставили оцепление из немцев и полицаев, за ними стояли местные жители и глазели на происходившее.

"Сарай с людьми могут поджечь", – молнией пронеслась мысль. Я знал, что окукупанты так поступали не раз. В общем, попался как кур в ощип.

Мое обостренное, питаемое опасностью воображение интуитивно подсказало мне план действий. Я слез с лошади и незаметно ударил

ее под брюхо. Лошадь рванулась, немцы стали хватать ее за узду, а я, воспользовавшись мгновенной суматохой, оказался с обратной стороны оцепления и смешался с местными жителями. Что делать дальше, я ещё не знал, но решил, что лучше быть от греха подальше, и стал потихоньку пробираться в том направлении, откуда нас пригнали.

Улица длинная, никто за мной не наблюдает. По сути я свободен, могу идти куда хочу, в трёх напрвлениях: налево, направо через огороды, где просматривается силуэт леса, а могу – и прямо по дороге, всё-таки как никак ближе к своим. Только не назад. Так я пошел, не торопясь – ноги болели. Начало смеркаться...

Вдруг вижу: из соседнего дома женщина с вёдрами направляется к колодцу. Я подошёл и спросил, можно ли у нее переночевать. “У нас негде”. И тем не менее, я пошёл за нею. Дом на самом деле был забит людьми – женщинами и детьми, и среди них – пожилой бородатый мужчина.

Меня начали расспрашивать, кто я, откуда, как оказался здесь. И вновь сработала интуиция, подсказавшая историю, сочиненную на ходу. Отец и мать умерли, когда был совсем маленький, попал в Гомеле в детдом, меня взяла к себе одна семья; когда пришли немцы, взрослые убежали и меня забрали с собой. Очень болят ноги, я отстал и не знал, куда дальше идти... А тут вижу: тётенька воду берёт. Вот я и попросился переночевать.

– И как тебя, хлопчик, зовут? – спросил пожилой мужчина с окладистой бородой.

– Вася Михайловский.

Я назвался именем и фамилией своего друга из Глуска, с которым вместе рыбачили и озоровали.

Видно, плел я свою историю достаточно убедительно, ибо “уточняющих” вопросов мне не задавали. По обстановке понял, что выгонять меня не собираются. Дали перекусить. Когда я спросил, где у них туалет, мужчина проводил меня во двор и ждал, пока не вернусь. Одна из женщин, видя мою усталость, постелила мне в свободном углу на топчане.

На следующий день мне рассказали, что после взрыва немецкой машины в деревне Слободка, где они жили, немцы выселили их сюда. Поэтому в доме так много собралось людей.

...Между тем, я подружился с девочкой младше меня на года три – дочерью женщины, с которой встретился на улице. Я рассказывал ей, жестикулируя, всякие байки, которые смешили её. Мы рисовали картинки. Её мать Фрося была довольна и позволила мне остаться.

Забегая немного вперёд, хочу вспомнить случайную встречу в 1945 г. в парке Глуска с Фросей. Был воскресный погожий день. Я со своими сверстниками болтался там, не обращая внимания на клич женщины:

«Вася! Ва -с-я-я-а!». Видя, что я не откликаюсь, она подошла и тронула меня за плечо. И здесь только я понял, кто стоит передо мной. Она обняла меня со словами:

– Так куда тебя, Васечка, тогда увёл полицай?

Я назвал ей своё действительное имя и рассказал, что было потом.

... И всё-таки мне везло: вопреки всему я остался жив и не собирался сдаваться, цепляясь за жизнь, как только мог. Я почему-то верил: рано или поздно судьба улыбнётся мне. Конечно, выручало то, что выглядел я совсем жалким мальчишкой и, вероятно, неплохо играл свою роль. Но меня неотступно преследовала мысль, что нужно бежать. В голове возникали всё новые и новые планы побегов, начиная от самых простых и кончая самыми фантастическими. Итак, только бежать, и чем раньше, тем лучше.

На третий день решил сделать рекогносцировку. На этот раз улица была забита военной техникой и было полно солдат. Меня разыскал пацан из нашего дома и сказал, что его послали за мной. У дома поджидали двое немецких офицеров, один из них свободно, без акцента, говорил по-русски, видимо, и был русский. Шинель его была расстёгнута, на кителе видна была награда – орден в виде креста.

– Нам сообщили, что в отряде Шантара было несколько мальчиков-разведчиков и что одним из них являешься ты!

Он, вероятно, ожидал, что этим придуманным вопросом “прямо в лоб” ошеломит меня, и ему по моей реакции удастся определить мою действительную сущность. Ведь пришли же они именно за этим, и наверняка по доносу.

Партизанский отряд Владимира Шантара, входивший в гарнизон Павловского, действовал в районе Холопеничей, я слышал раньше имя командира. Спокойно, так, что ни одна жилочка на лице не дрогнула, сделав вид, что не понимаю, о чем идет речь, повторил прежнюю “легенду”. Русский как бы одобрительно похлопал меня по плечу, и они удалились.

Это было только начало. В тот же день в дом постучали и велели, чтобы “Вася вышёл на улицу”. Во дворе стояли вооружённый винтовкой полицай и ещё один мужчина средних лет. Полицай привёл нас в соседнюю деревню Холопеничи, через которую я уже проезжал верхом на лошади в первый день пленения. В доме, куда нас привели, размещалась комендатура. Первым вызвали мужчину, после него – меня. Немец-офицер и переводчица, русская женщина, задали ставший уже “традиционным” вопрос, кто я и откуда. Опять в ход пошла история про детдом и пр. Тут появился местный староста. Немец приказал ему “приписать” меня к какой-нибудь семье.

Староста взял меня к себе. В доме находились его жена и мать.

– Будешь, Вася, у нас жить.

Чем уж я заслужил такую милость, не ведаю.

Перед едой, стоя за столом, все крестились, и я тоже вместе с ними, сложив три пальца правой руки, совершал это действо, шепча про себя и прося прощения у Бога.

Прошло недели полторы. Потеплело, как и положено в начале весны. Неподалеку располагалась немецкая полевая кухня. Я ходил туда, помогал фрицам то дрова поднести, то огонь в костре поддерживать. Заодно подкреплялся у них и даже "тиснул" колбасу, спички, свечи.

Однако опасность подстерегала повсюду. Одна местная баба долго приглядывалась ко мне и словно невзначай обронила:

– Чую, жидок ты...

– С чего это вы, тетенька, взяли? – с улыбкой спросил я.

К счастью, баба ни с кем не поделилась своим подозрением.

Я познакомился с местным подростком, его тоже звали Вася. Он приоткрылся, сообщив, что его дядя в отряде Шантара. Решили драпать вместе. Я распихал по карманам свои припасы. Деревню окаймляло поле, за ним лес. Приблизившись к нему, увидели там немцев и вынуждены были разбежаться, договорившись повторить поход часа через два. Но при второй попытке мой "тёзка" вдруг заканючил и отказался от затеи. "У меня в деревне мама, братик, они останутся одни. Схватятся, а меня нет..." Я же, немного окрепнув к тому времени и почувствовав полную свободу и зов леса, решил, что обратной дороги нет.

– Возьми, пригодится, – и Вася протянул мне складной ножик.

Мы обнялись. И я двинулся в дорогу, зная, что слева по дороге на Октябрьский, примерно в километре, находится охраняемый мост через реку Птичь и что необходимо перейти на противоположный берег реки, текущей вблизи от опушки леса. Быстро вышел к реке, шириною метров до 30. Вдоль берегов лёд был подтаявший, видна была вода. Однако ледоход ещё не начался. Несколько проб палкой прочности льда оптимизма не прибавили. Пошёл вдоль берега и обрадовался, когда по пути увидел наклонившиеся над рекой деревья. Воды у берегов не было видно, и я относительно легко перешёл Птичь. Далее мне следовало, уйдя от реки, приблизиться к дороге и двигаться вдоль неё на безопасном расстоянии, ориентируясь на отдаленный гул вражеских машин.

По пути встретил нескольких женщин с детьми. Не скрыл от них, что ищу партизан. Они указали направление, по которому следовало идти. Но никого встретить не удалось.

Начало темнеть. Решил устроить привал. Отошёл подальше от дороги и расположился под разлапистой елью. Насобирал сухих еловых веток в нижней части молодых ёлок, зажёг немецкую свечу, представляющую

собой круглую коробочку со стеарином и фитилём, покрыл её собранными ветками, более крупными сверху. Когда взялся огонь, подложил сосновых сучьев, наломав их с избытком. Потом устроил рядом с костром ложе из лапника, подкрепился, просушил портянки, обмотав ими ноги, и, нагревши пальто, укрылся для сна.

На душе было по-прежнему неспокойно. Надо будет встать и поддержать костёр, а то, чего доброго, и волки могут потревожить... Нет, нужно гнать от себя дурные мысли: ведь они могут реализоваться помимо нашей воли. Лучше всё-таки думать о хорошем – и будет хорошо.

На этой мысли я встал и добавил сучьев в костёр. Свернувшись калачиком, вновь накрылся пальто и задремал... Ко мне подошла мама, и я услышал её напутственные слова: “Беги, сынок , к отцу, спасайся... Я буду просить у Бога, чтобы Он сохранил тебе жизнь”, – и с силой захлопнула за мной дверь...

Проснулся от холода, костер погас. Забрезжил рассвет.. Вдруг совсем рядом раздался глухой стон, затем дикий сатанический смех с завыванием. Вначале я испугался, а потом разпознал “выкрутасы” филина. Я вновь разжёг небольшой костёр и согрелся. Поджарил на палочке нарезанные подаренным ножичком кружочки колбаски, поел и тронулся в путь.

Направился поближе к дороге, где возобновилось движение (в тёмное время суток движение транспорта прекращалось). Стал двигаться как бы вдоль неё. Пошел мокрый снежок. Я шёл минут сорок и наткнулся на свои же следы. Увидел валявшуюся знакомую деревянную пуговицу, оторвавшуюся от моего пальто, когда из лужицы ладонями зачерпнул воду, чтобы попить. Значит – кружу, а не иду вперед (спустя десятилетия я прочёл, что, идя по лесу, всегда отклоняешься вправо). Вышел на просеку, которая шла вдоль дороги. Гул машин стих, просека ушла в глубину леса. Тут я обнаружил новые следы, большие, мужские. Пошёл по следам и через некоторое время услышал плачь ребёнка. Пошел на эти звуки и увидел шалаш из лапника. В шалаше сидели женщина с ребёнком и пожилой мужчина.

Оценив обстановку, я не стал ничего скрывать и рассказал о том, что случилось со мной и что ищу партизан. Женщина подсказала мне, что поблизости прячется мой земляк из Глуска. Так я встретился с Янкелем Сурпиным, который вывел меня на Кондратовича, который возвращался со своей группой с диверсионного задания. Мы оба были крайне рады нашей встрече (особенно я), так как он рассказал мне, что уходя на задание в район Холопеничей, Нохим просил его постараться разузнать что-либо о сыне. А для меня это значило, что отец жив.

Вместе с группой Кондратовича я вернулся в отряд. Полагаю,

читатель и без моего описания догадался, какой была встреча с отцом, сестрой, Виктором Егоровым и партизанами. Так закончилась для меня эта передряга весной 43-го года.

Папа после встречи рассказал мне, что когда он вернулся спустя какое-то время на то место, где мы напоролись на немцев, то на снегу обнаружил следы крови. Он представил самое страшное...

Удерживать долго Октябрьский район немцы были не в состоянии, так как танки, самолёты, регулярные части и техника нужны были им для решения более важных стратегических задач. Под натиском партизан, пользующихся поддержкой населения, немцы вынуждены были оставлять один населенный пункт за другим. Партизаны буквально наступали им на пятки. К началу лета партизанская жизнь в Октябрьском вернулась на круги своя.

От командования отряда отец получил задание – построить новую мельницу в Дёртке, используя колхозный овин и сохранившееся оборудование от разрушенной мельницы в Октябрьском. Он привлёк к этой работе всех тех, кто хорошо зарекомендовал себя при строительстве мельницы в здании спиртзавода. Время торопило, так как хлеб нужен был всем: и партизанам, и населению. В короткие сроки, как и в первом случае, состоялся тожественный пуск новой мельницы. От первых горстей муки отряхивались не только папа, но и Захар и его сын Иван.

Интересно отметить, что мельница располагалась напротив дома (метров в ста), где дядя Генах развернул кожевенное производство. Чтобы находиться рядом с мельницей, отец поселился в доме своих старых знакомых, Василя и Ганны, а я перешёл жить к Маше с Виктором.

У меня прибавилось “работы”, так как Егоров доверил мне своего жеребца, который своим неординарным поведением причинял мне массу хлопот.

“Рудобельские ворота”

В конце ноября 1943-го советские войска освободили первый областной центр Белоруссии – Гомель. Еще раньше был освобожден пригород Гомеля – Новобелица. Туда переместились из Москвы правительство республики и Центральный штаб партизанского движения во главе с П. К. Пономаренко.

В своей книге “Помощь советского тыла партизанам” Н.А. Якубовский написал следующее: “В связи с осенним наступлением Красной Армии в 1943 г. партизанское движение в Белоруссии ещё больше активизировалось... При этом на территории Октябрьского района образовался “коридор” (по

фронту 25-30 км), впоследствии получивший название “Рудобельские ворота”. Их существование (с 1-го по 20-е декабря 1943 г.) дало возможность установить непосредственную связь с партизанами... Через “ворота” партизаны беспрепятственно перевозили на автомашинах и подводах раненых и больных в армейские полевые госпитали...”.

В свою очередь, партизаны и местное население через эти “ворота” направляли в действующую армию обозы с продовольствием, получая взамен оружие, боеприпасы, медикаменты. Партизаны стали вывозить свои семьи на освобожденные территории. Генах Колтов сопроводил свою жену Малку и дочь Маечку и вернулся обратно в отряд на своё кожевенное производство.

Тётя Маня уговаривала меня ехать вместе с ними, но я отказался. Не хотелось покидать отряд. Но когда и Маша, по договорённости с Егоровым, решила ехать и отец получил разрешение нас сопровождать, то мне отступать было некуда. Вместе с нами из отряда, наряду с другими семьями, поехала и семья с двумя детьми Марголина (командира 76-миллиметровой пушки). Его жена ранее получила серьёзное осколочное ранение при бомбёжке.

По дороге к нашим телегам присоединились повозки и из других отрядов бригады. В итоге образовался целый обоз, двигающийся в сторону “Рудобельских ворот”.

Вечером, на подъезде к “воротам”, мы услышали канонаду и увидели полыхающий горизонт. Марголин с двумя сопровождающими отправились в разведку для выяснения обстановки. Возвратился только один из них и произнёс:

– Разворачиваемся! Впереди немцы!

Вот что писал Н.А. Якубовский: “...Противнику силами 4-ой танковой, 292-й и 134-й пехотной дивизиями и кавалерийского полка “Центр” в результате контрнаступления удалось потеснить наши войска на восток более чем на 25 км и закрыть “ворота”. В результате боёв часть подразделений из 60-й Севской и 37-й гвардейской дивизий, обороняющих крайние фланги “ворот”, были отрезаны противником. Полковник Френкель из 60-й дивизии объединил их в сводный полк и возглавил командование”.

После возвращения из неудавшейся “эвакуации” через “ворота” на освобождённую территорию в районе Гомеля мне посчастливилось увидеть Н. И. Френкеля – подтянутого, стройного, в полковничьей шинели. Он со своими помощниками прибыл к Павловскому на встречу.

Этот человек заслуживает того, чтобы привести воспоминания о нём командующего 65-й армией, дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Павла Ивановича Батова:

“Лишь спустя много лет стали известны подробности действий сводного отряда, или, как его иногда называли, “сводного полка” 65-й армии, в тылу противника. В архиве Министерства обороны удалось найти нужные документы. Кроме того, в ноябре 1963 года и позднее мне довелось несколько раз беседовать с полковником запаса Наумом Исааковичем Френкелем, командовавшим этим отрядом и проживающим ныне в Москве. Интересна биография этого офицера. Он один из старейших комиссаров нашей армии, доцент, кандидат исторических наук. До начала Великой Отечественной войны руководил кафедрой в Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

20 декабря 1943 года противник крупными силами атаковал 60-ю дивизию, прорвал ее оборону и устремился в тыл. В окружении вместе с другими разрозненными частями дивизии оказался и 1-й батальон 1281-го полка, где в это время находился замполит полка Н. И. Френкель. Он связался с командиром партизанской бригады Героем Советского Союза полковником Ф. И. Павловским. Собрав вокруг себя подразделения, Н. И. Френкель отошел в леса Полесья и по своей инициативе начал формировать во вражеском тылу сводный полк. В течение двух месяцев этот полк нанес несколько ударов по гарнизонам врага, расположенным в населенных пунктах, провел ряд крупных диверсионных операций. Отряд тесно взаимодействовал с партизанской бригадой Ф. И. Павловского... В феврале 1944 года основная часть полка во главе с Н. И. Френкелем в районе деревень Хойна и Перебитая Гора перешла линию фронта. Остальные офицеры и бойцы этого полка остались в тылу врага и продолжали сражаться в рядах народных мстителей”.

Расстрел

Перекрыв “Рудобельские ворота”, фашисты в конце февраля 44-го года организовали очередную блокаду партизанской зоны по реке Ореса и важным дорогам, чтобы очистить территорию, находящуюся в непосредственной близости от фронта. С этой целью враг бросил против партизан регулярные армейские подразделения с артиллерией и авиацией. Пришлось укрываться в лесах. В один из дней немцы, заранее подготовившись (“рама” постоянно кружила над лесом), внезапно атаковали наш отряд. Завязался бой, но силы были неравные и нам пришлось уходить в свою стихию – вглубь леса.

Вначале я следовал за отцом и Машей, но затем потерял их из виду. Увидав Генаха, пошел за ним, полагая, что он держит отца и Машу в поле зрения. Огонь со стороны нападавших не прекращался (патронов они не жалели).

Уйдя от немцев на безопасное расстояние, мы случайно встретились с двумя семейными парами из нашего отряда: Петром и Соней Сапегой (их имена упоминались ранее по поводу кулинарных дел) и командиром пушки-“сорокопятки” с женой (их имена выветрились из памяти). Деваться было некуда, и мы опрометчиво решили укрыться в вербнике, растущем вдоль болота. Углубляться в нутро болота не хотелось по двум причинам: во-первых, здесь было суше, а, во-вторых, можно было укрыться от “рамы”, которая освоила сбрасывание на прячущихся небольших ручных бомб.

Февральская зима 44 г. оказалась “рыхлой” – ночью температура была -1, -2 градуса, днём +1,+2ºС. Каждая пара выбрала себе место для ночлега поудобнее, костер разжигать не решились. Временами слышна была стрельба. Так относительно спокойно прошла ночь и часть дня. Однако ближе к вечеру мы с Генахом совсем рядом услышали русскую речь. В просветах между зарослями, буквально мимо нас “дефилировали” в немецкой форме люди (вероятнее всего – власовцы). Мы, лёжа, замерли. Они шли, как потом выяснилось, по лесной тропе, глядя вперёд. Их было человек двадцать. Стоило только одному из них повернуть голову в нашу сторону – и случилось бы непоправимое. Видели их и остальные наши, но мы, как оказалось, расположились ближе всего к тропе.

Мы обсудили создавшееся положение и решили, что из вербника нужно на рассвете, пока не рассеялась утренняя дымка, уходить подальше вглубь болота.

И вот мы в пути. Снежный покров на болоте ещё сохранялся, хотя в отдельных местах виднелись проталины, покрытые тонким льдом. На отдельных купинах, где росли ивовые кустики, выступала пожухлая трава. Углубившись в болото на метров 600-700, мы опять-таки парами выбрали места на купинах с росшими на них кустами. Выбранные нами места были как бы в вершинах неравностороннего треугольника.

Своей еды у меня не было, и дядя Генах меня подкармливал. Я даже подбирал шкурки от сала, которые он выбрасывал. Поддерживали меня и Соня с Петром. Ко мне она обращалась всегда со словами: “Мой ты миленький! Мой ты даражэньки!”

В небе, над видимым вдали контуром леса, медленно перемещаясь, зависала “рама”, корректируя действия наземных сил. Стрельба была слышна постоянно. На третий день “рама” зависла и над нами, сбросив две ручные бомбы, одна из которых разорвалась недалеко от нас с Генахом, а вторая – ближе к нашим друзьям по несчастью. Практически эти две бомбы нам вреда не причинили. Нас больше беспокоило то, что мы были обнаружены и что нас могут не оставить в покое.

...В один из дней на рассвете я сквозь дрему услышал, как слегка

потрескивает лед. В следующий миг (даже не успел разбудить дядю), увидел, что рядом, буквально в метре от меня, стоит большой волк и, что-то обнюхивая, смотрит на меня широко поставленными раскосыми глазами, излучающими синий огонёк. Я в ужасе замер. Волк, видимо, ждал от меня каких-то действий, но я лежал, словно парализованный. Зверюга не тронул меня и спящего дядю и удалился так же неожиданно, как и появился. Может быть, это какой-то знак, подумал я. Истинную причину я узнал, скорее увидел, спустя несколько часов.

Дядю я будить не стал, чтобы не причинять ему дополнительных переживаний. Сам же, немного придя в себя, задремал. Спустя какое-то время, я опять очнулся от звука потрескиваюшего льда, но треск слышался гораздо громче. Мы с дядей лежали впритирку друг к другу. И тут я явственно услышал голос (зов) отца, обращённый ко мне: "Юлик! Юлик?!". Я повернулся в сторону, откуда прозвучал "зов", и увидел, как немцы цепью движутся в сторону нашего "лежбища". И в этот момент прозвучала автоматная очередь. Я почувствовал, как обожгло левую руку выше локтя. Дяде, скорее всего, пуля попала в верхнюю часть груди, так как он лежал на боку. По соседству были слышны автоматные очереди – значит, расстреливали партизан нашей группы.

Один из немцев приблизился и направил на меня ствол автомата. Я машинально отвел его правой рукой.

– Aufshteen! - приказал он.

Я встал.

– Hande hoch!

Я поднял правую руку, а левая – зависла. Его команды понимать мне помогал мой идиш, да и жесты при этом были красноречивы. Немец проверил мои карманы. Оружия у меня не было. Генах, лёжа, стонал.

Говорят, в мгновения, отделяющие жизнь от смерти, нервы невероятно напряжены, запоминаются любые мелочи. Такое состояние было и у меня, испытавшего это на своей шкуре. Мне врезалось в память: немец держал в руках советский именной автомат ППШ с круглым диском, к прикладу которого была прикреплена серебристая пластинка (я видел такие персональные автоматы у заслуженных партизан с их именами). Собственный автомат у него висел на груди. Как наш автомат попал к фрицу, понятно без слов... Жаль, что не прочёл для памяти имя... Далее фриц произнес что-то типа "убью тебя твоим же оружием" – так я понял – и выстрелил в голову Генаха.

Немец показал мне, куда я должен следовать. Когда мы проходили мимо Сони и Петра, распростёртых на пожухлой болотной кровавой траве, фрицу, видимо, показалось, что Соня ещё жива, и он из того же ППШ выстрелил ей в голову...

И снова, который уже раз в этой книге, расскажу об очередной случайной встрече.

Живя в Минске, у меня с Фёдором Илларионовичем Павловским и его женой Еленой Максимовной сложились доверительные отношения. Я бывал у них на юбилейных встречах. В 1975 году отмечалось 30-летие Победы. Он предложил мне поехать на торжества в поселок Октябрьский. Мы поехали вместе с его женой на моей машине. Из Глуска туда же должна была приехать моя сестра.

Автор, Ф. Павловский, А Волков с сыном

По дороге в лесу за Бобруйском организовали пикник. Вдруг Павловский, обращаясь ко мне, спросил:

– Что же ты, Юлик, едешь с комбригом на праздник Победы, а медали свои не надел? Негоже это.

– А у меня их нет.

– Как это нет?

– Просто при освобождении я, будучи раненым, оказался в плену у немцев и находился в концлагере “Озаричи”. Меня, вероятно, посчитали пропавшим без вести и в списки не включили.

– Дался тебе этот концлагерь... Это несправедливо. Я дам тебе подтвержение и попрошу командира отряда Мерзляка и командира конного взвода Дегелевича сделать тоже самое.

– Да не надо, Фёдор Илларионович, прошло столько лет – главное, что я жив остался.

– Что же ты об этом мне раньше не сказал? Я обязательно дам подтверждение!

В послевоенные годы были разговоры о том, что евреев не принимали в партизанские отряды и даже расстреливали. Мне об этом ничего не известно. Могу однозначно сказать, что Павловский не был антисемитом. Командирами отрядов бригады были и евреи, а Аркадий Волков (Лефтман) стал даже начальником штаба бригады. Более того, именно благодаря ему (в Октябрьском он был "и Бог, и царь, и воинский начальник") была сохранена жизнь моему отцу за проступок, о котором я рассказал

С того света... Я и Соня Сапега. 1975 г.

ранее. Лично я думаю, что и отец, и Маша в отряде с антисемитизмом не сталкивались. Впрочем...

Уже позднее, в конце 80-х, я получил подтверждение из документальных книг периода перестройки, прежде всего, из повести Давида Гая "Десятый круг", что П.К. Пономаренко направил-таки осенью 1942 года командирам партизанских формирований радиограмму, запрещавшую принимать в отряды людей, бежавших из Минска, якобы потому, что среди них могут оказаться немецкие шпионы. Видимо, не случайно именно под Минском было создано восемь еврейских партизанских отрядов, так как узникам, бежавшим из гетто, вступить в действующие партизанские отряды было проблематично.

...В Октябрьском, как и положено в таких случаях, были торжественные речи, поездки по местам боевой славы, воспоминания... Павловского встречали как народного героя, каковым он и был на самом деле.

В разговорах с местными бывшими партизанами я упомянул "болотную историю", назвал имя Сони Сапеги, рассказал, как немец при мне выстрелил ей в голову. Каково же было мое изумление, лучше сказать – потрясение, когда услышал:

– Соня жива!

– Как жива?! Я же сам видел... Этого не может быть. Может, вы имеете в виду одну из её сестёр?

– Да нет, именно Соню. Она потеряла один глаз. Живет в деревне Гать, это километров семь отсюда.

Спустя 26 лет

Мы с Машей поехали туда. Машина поравнялась с не очень трезвым мужиком, месившим грязь грунтовой дороги. Я спросил, знает ли он Соню Сапегу и в каком доме она живет. Мужик ответствовал, что такой не знает. “Одноглазая”, – уточнил я. – “А..., так бы и сказал”, – и он показал, где её дом.

На крылечко вышла женщина, один глаз которой был прикрыт веками.

– Вы кто такие будете? – спросила она.

Что-то больно сдавило мне грудь и перехватило дыхание.

– Я – Юлик, а это Маша... Как же ты, Соня, тогда выжила?!

Она с криком “Ах, ты мой дорожэньки!” плача, бросилась ко мне и долго не отпускала, причитая: “Ну, как же ты жив?... Вас же первых...”

Соня рассказала, что осталась жива просто чудом, три пули попали ей в бок, одна – в руку, а пуля в голову не затронула мозг – только вытек глаз. А вот Петр остался на болоте... Блокаду сняли на следующий день и ее подобрали партизаны. После войны вышла замуж, стала Соней Коваленко, родила дочку, но новый брак оказался непрочным.

Такая вот история...

...Все мы, уйдя подальше в болото, не ожидали, конечно, что немцы начнут его зачистку. Но произошло то, что случилось. Все фрицы были экипированы в резиновые сапоги с ботфортами, резиновые куртки и

вооружены новейшими автоматами (на военных сборах после войны я обратил внимание, что автоматы Колашникова, с которыми мы обучались стрельбе, были очень похожи на те – немецкие).

По пути следования немцы убивали всех, кто им встречался. Особенно меня потрясло убийство женщины и мужчины с тремя маленькимы детьми.

Когда мы вышли на сушу острова, поросшего лесом, немцы первым делом по рации вышли на связь, уточняя, как я полагаю, план дальнейших действий. Ко мне подошёл "мой" немец, помог вынуть руку из рукава пальто, разрезал рукав рубашки. Помимо моей воли, при виде мешанины крови и грязи, у меня потекли слёзы. Нет, не от боли, а скорее от того чудовищного положения, в котором оказался. Немец полил рану какой-то жёлтой жидкостью и перевязал, закрепив руку на груди. Когда он подошёл к своим, то стал им что-то рассказывать, вызвавшее у них смех...

Остров был небольшой. Среди деревьев на противоположной его оконечности видны были лошади. Скорее всего, животины появились здесь вместе с партизанами, пройдя по крепкому льду, а сейчас оказались в западне. Видя эту картину, меня вдруг поразила простая мысль: так вот почему пощадил меня волк – он не был голоден, так как еды ему здесь было предостаточно, стоило лишь задрать вместе с другими хищниками любую на выбор лошадь. Так что, полагаю, лошади спасли мне жизнь, иначе бы волчий инстинкт наверняка сработал.

Покидая остров, один из фрицев дал очередь по лошадям. Видно было, как некоторые из них попадали.

Опять пришлось месить болотную трясину, однако это был не худший вариант. В результате меня привели на огороженную колючей проволокой территорию, посреди которой размещался, вероятнее всего, бывший клуб. Это был пересыльной лагерь "Заболотье" (по названию деревни своего расположения). Людей сажали в грузовые машины и куда-то увозили. На третий день наступила и моя очередь.

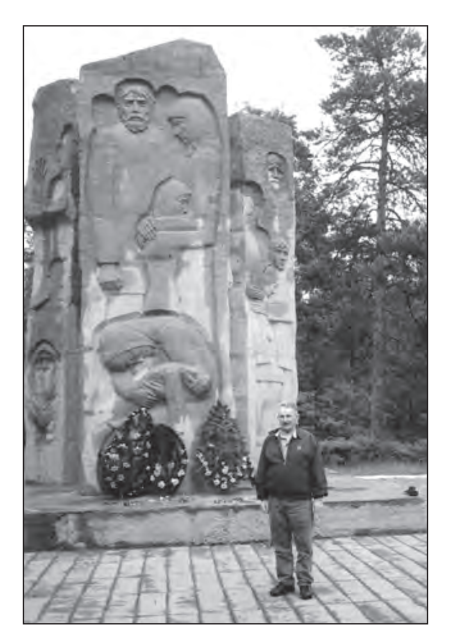
Концлагерь смерти Озаричи

Привезли нас на такую же огороженную колючей проволокой территорию, но большую по размерам, чем предыдущий лагерь, с вышками для часовых по углам. Концлагерь "Озаричи" – так называлось это место. Никаких строений на территории не было. Народу было очень много, особенно женщин и детей. Каждый устраивался, как мог. Видя моё состояние (мир не без добрых людей), на меня обратила внимание женщина с сыном-подростком, выделив место рядом. Она сказала, что была учительницей.

Меня стала больше беспокоить раненая рука, началось нагноение. Бруд (гной) проступал сквозь марлю. Мучил голод.

Учительнице я по привычке назвался “псевдонимом”, поведал ей свою “историю про Васю”. Кроме мыслей об отце и Маше, я терзался вопросом, какой путь для спасения избрать, но ничего путного в связи с ранением не находил. В лагере же свирепствовал сыпной тиф и была опасность заразиться.

...И вот то, чего я боялся, через некоторое время произошло. Меня стало лихорадить, поднялась температура, и я впал в беспамятство...

Памятник жертвам лагеря Озаричи

О лагере этом стоит рассказать особо.

Командование вермахта широко применяло практику использования гражданского населения в качестве прикрытия на пути наступления советских войск. Как правило, у передней линии обороны гитлеровцы обносили колючей проволокой большие участки земли, загоняли туда женщин, детей, стариков и держали их под сильной охраной без крова, пищи и воды. Преднамеренно сюда помещали больных сыпным тифом и другими инфекционными болезнями.

Создавая концлагеря у переднего края обороны, фашисты использовали их в качестве заслона при наступлении советских войск.

Они стремились распространить эпидемию тифа в передовых частях Красной Армии и сорвать её дальнейшее наступление.

В конце зимы гитлеровцы согнали и Озаричи более 50 тысяч нетрудоспособных граждан Гомельской, Могилевской, Полесской областей Белоруссии, а также Смоленской и Орловской областей России.

Лагерь представлял собой ничем не оборудованную редколесную заболоченную территорию. Подходы минировались, вокруг стояли пулеметные вышки. Люди размещались на земле. Какие-либо постройки отсутствовали, элементарных приспособлений для жилья не было. Строить шалаши, разводить костры категорически запрещалось. Узники не получали никакой медицинской помощи. Напротив, сюда из близлежащих населенных пунктов свозились больные сыпным тифом. Каждый день уносил сотни человеческих жизней. Дети, их было больше половины из числа узников, гибли первыми. Умершие оставались незахороненными.

Озаричских узников освобождала 65-я армия генерала Батова. Вот как вспоминал он об этом в своей книге "В походах и боях": "На правом фланге противник не предпринимал больше активных действий. Но здесь свирепствовал другой враг – сыпной тиф. Разведчики донесли комдиву, что в окрестностях, на болоте, они видели лагеря: колючая проволока, за ней на холоде, без всяких укрытий – женщины, ребята, старики. Командир дивизии Ушаков послал несколько подразделений отбить страдающих людей, пока их не постреляли фашисты. Но немецко-фашистское командование не дало приказ уничтожить заключенных. Оно ждало другого. Русские солдаты бросятся к замерзающим женщинам, обнимут детишек, и тогда поползет в ряды наступающих советских войск тифозная вошь… Почти все, загнанные в лагеря близ переднего края люди, были заражены сыпным тифом. Злодеяния фашистов концлагеря "Озаричи" не имели аналогов в ряду преступлений против мирного населения. Здесь оккупанты применили биологическое оружие – сыпной тиф".

Во второй половине марта советские войска освободили из Озаричских лагерей 33480 человек, из них 15960 детей. Но болезнь распространилась и на солдат, которые принимали активное участие в спасении узников. Тиф стал поражать также и жителей населенных пунктов, в которых дислоцировались госпитали. В деревне Старые Новоселки есть братская могила, в которой захоронено 230 воинов. Как утверждали старожилы, большая часть солдат умерла от тифа.

30 апреля 1944 года газета "Известия" опубликовала сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию

злодеяний немецко-фашистских захватчиков “Истребление гитлеровцами советских людей путём заражения сыпным тифом”. В нем рассказывалось, как по приказу командующего 9-й армией генерала Хорце и его пособников в районе трёх населённых пунков – Озаричи, Дерть, Подосинник бывшей Полесской области – под открытым небом был создан концлагерь “Озаричи”...

Страшную картину представляли собой освобожденные из концлагеря и сами узники. Член правительства Белоруссии Грекова, вернувшись из концлагеря, свидетельствовала: “Всех детей эвакуировали. Осталось около ста больных женщин. Вы не можете представить этого ужаса. На болоте колючая проволока. Кругом мины. Люди в бреду, с температурой сорок градусов на обледенелой земле…”

...Я лежал в сыпняке, с высокой температурой. Жить мне, вероятно, оставалось всего ничего. Очнувшись, увидел красноармейца... Вначале показалось, что стал бредить. Закрыл глаза, снова открыл – он в шапке со звездочкой стоял и смотрел на меня. Краешком еще не потухшего сознания я понял – это была явь, в которую трудно было поверить.

...Около трех месяцев я долечивался в госпитале от ранения и тифа. Все в итоге обошлось. Только на руке на месте раны остался “волчий нарост”, как его называли медики. Но это был след, оставленный не волком, а чудовищно хищным зверем XX-го столетия – нацизмом с волчьим звериным оскалом.

Часть третья

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ

И снова Глуск, уже освобожденный

Летом 1944 года в результате операции “Багратион” Красная Армия освободила Белоруссию. 3-го июля был освобождён Минск. Этот день является национальным праздником Республики Беларусь. За 12 дней наступления наши воины продвинулись на 280 километров на запад. Были освобождены полностью наша республика и большая часть Литвы и Латвии, восточные райоы Польши, Красная Армия вышла к границе Восточной Пруссии.

Я же и другие узники лагеря Озаричи обрели свободу немного раньше – весной сорок четвертого.

Поправившись, я на попутной машине поехал в Глуск. Интересное совпадение дат: 27 июня сорок первого немцы оккупировали Глуск, и в этот же день, ровно через три года, он был освобожден. Местечко оказалось мало разрушенным, лишь костел на территории замка пострадал от попавшей в него бомбы и сгорело несколько домов. Наш дом на улице Урицкого, 14 стоял цел и невредим. Сохранилась обстановка, даже большой сундук в кладовой, которому уже в то время было не менее ста лет, обклеенный внутри разными древними картинками. (Между прочим, побывавший в Глуске в 2012 году мой племянник Ефим из Израиля обратил внимание, что мастерски сколоченный сундук хорошо сохранился, и с теми же картинками).

Дом был безлюден. Я гнал от себя страшные мысли, однако они вновь и вновь возвращались ко мне. Я понимал, что никогда больше не увижу маму, младшего братика, бабушку, дедушку, других родственников, погибших в огне Холокоста. Впрочем, этого слова – Холокост – я тогда не знал, как не знали и миллионы других людей... Но где же всё-таки отец и сестра? Что с ними?

Встретился со своим другом Васей. Крепко обнялись. Как никак, не виделись около трёх лет. Он пригласил меня к себе домой. Рассказывать и слушать было о чём. Подавая на стол поесть, мама Васи Люба –

приветливая добрая женщина, услышав, что я собирался укрыться у них во время погрома, бросила:

– Так чего же ты не прибежал к нам? Мы бы постарались тебе помочь!

– Ждал темноты, а до той поры качегар Хомка помог мне и спрятал за паровой машиной. Намаявшись за день, уснул, а потом встретился с отцом, – вспоминал я перипетии того страшного дня.

Я предложил Васе составить мне компанию и пойти завтра на Мыслочанскую гору, так как хочу посмотреть на место, где произошла трагедия, и отдать дань памяти моим родным и близким, расстрелянным фашистами. Слушавшая наш разговор Люба сказала:

– Вам там делать нечего. Ничего там не осталось: немцы до отступления выкопали и сожгли все трупы, а пепел развеяли по полям. Эту работу выполняли наши пленные, которых потом тоже расстреляли и сожгли.

Поговорили ещё какое-то время, настроение было угнетенное, но я не мог ничего с собою поделать. Поблагодарил за угощение и, попрощавшись, ушёл домой.

– Приходи к нам почаще. Будем рады тебе, – услышал я голос тёти Любы.

Эту историю я слышал в дальнейшем и от других глусчан. Но только спустя десятилетия, из книги “Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах”, изданной в столице республики в 1999 году, получил подтверждение, что “...страшась содеянных злодеяний, нацисты приступили к уничтожению своих преступлений... По всей Белоруссии в большой секретности стала проводиться операция “Ваттермельдунг” (“Метеосводка”), которую осуществляли специально подготовленные команды. Места массовых захоронений объявлялись запретной зоной. В ней работали бригады, которые раскапывали и сжигали трупы”.

Нохим – столяр, пасечник и лекарь

Надо ли рассказывать, какой волнующей была наша встреча, когда где-то через неделю явились домой в полном здравии отец и Маша! До Победы оставалось ещё около года, но для нас троих наступила мирная жизнь. Дамоклов меч смерти больше не висел над нашими головами.

Восстанавливались предприятия райпромкомбината. Отца назначили заведующим столярной мастерской, которая располагалась недалеко от дома. Это было сделано не случайно, так как он хорошо знал это дело. Он успешно организовал и расширил производство, внедряя современные

средства обработки древесины и обепечивая потребности в столярных изделия не только Глуска, но и всего района.

Посаженная отцом до войны возле дома липа. Будучи в Глуске в 2001 году, я не мог обхватить её ствол двумя руками

Дома отец оборудовал в сарае небольшую мастерскую, установив электрический станок для изготовления столярных изделий, и по выходным дням занимался заменой оконных переплётов и дверей в нашем доме. В дальнейшем он выполнял аналогичные работы для соседей. Особенно когда вышел на пенсию.

При покупке дома отец рядом с ним посадил липу, а осенью 41-го во дворе две яблони-антоновки. Да, не удивляйтесь! Ему говорили: “Что ты делаешь? Кругом война, неизвестно, выживем ли, а ты яблони сажаешь...” Отец отвечал: ”Ну, не я, так мои дети и внуки будут лакомиться...” И так и получилось. Таким неистребимым оптимистом он был, мой отец...

А еще был он увлекающимся человеком и стал настоящим пчеловодом, изготавливая рамочные улья для пчёл. В Глуске были любители-пчеловоды, у которых он перенимал опыт. Выписывал и получал по почте бандерольки

с пчелиными матками. Бывало, мы ему подсказывали о вылете пчелиного роя, он всё бросал и бежал, чтобы посадить рой и вселить в новый улей. Они у него стояли наготове.

Однажды отец получил откуда-то из Сибири “матку”, от которой, видимо, по наследству пошли очень кусачие пчёлы. Сам он открывал улей и выкачивал мёд из рамок голыми руками, прикрывая сетчатой маской только лицо. У него выработался с годами иммунитет на укусы пчёл. Он просто, как занозу, вытаскивал пчелиное жало из рук. И надо же такому случиться, что в один из дней, когда по улице медленно двигалась похоронная процессия с оркестром, отец как раз открыл “кусачий” улей. Вначале “оркестранты” и те, кто несли гроб, а также сопровождающие, просто отмахивались руками, нарушая ритм и ход процессии, совершая необъяснимые для смотрящих из окон наблюдателей движения. Но потом началось такое... Музыканты побросали инструменты, носильщики – гроб и вместе с сопровождающими стали разбегаться. Отец, копаясь в других ульях, не видел этого, а когда до него дошло случившееся, то было уже поздно что-то предпринимать.

В итоге отца вызвали по жалобе в райсовет, прилично оштрафовав и предупредив в будущем не повторять подобных действий. О происшествии с пчёлами много судачили в Глуске, особенно на работе у отца, меня пацаны тоже донимали вопросами, чтобы я рассказал поподробнее, как всё происходило...

Эксперименты отца, в хорошем смысле слова, продолжались. Возле нашего дома росла им же посаженная ещё до войны липа, росли липовые деревья и у наших соседей. Как раз было время их цветения. И отец, зная наверняка, что пчёлы не полетят за взятком (нектаром) далеко, если могут добыть его рядом, поставил улей с крепкой пчелиной семьёй на весы с тем, чтобы узнать, сколько мёда может дать за сутки такая семья. А трудятся пчёлы от зари и до заката... Я помню, как он за чаркой (друзья и знакомые его не только из Глуска, но и из окрестных деревень часто бывали в нашем доме) спрашивал:

– Как вы считаете, сколько мёда может дать одна пчелиная семья за рабочий день, если ей не нужно далеко летать за взятком?

Все занижали цифру, полученную отцом в результате проведённого эксперимента, и он очень радовался этому. И буквально ошарашивал гостей ответом: “Шесть килограммов!”. Когда же он задал очередному гостю этот вопрос, последний уже ошарашил его самого:

– Килограммов шесть!

– Как ты догадался?

– Да мне об этом твоём эксперименте рассказал Николай из Зуборевичей...

Отец занимался пчёлами, конечно же, не только из любопытства. Они приносили немалый доход, мед использовался и в лечебных целях. Весь приусадебный участок был заставлен ульями. Их было штук 18. Были годы, еще до широкого применения в сельском хозяйстве пестицидов, когда он выкачивал за сезон около пяти центнеров мёда, не говоря уже о других ценных продуктах жизнедеятельности пчел.

Вспомню случай, когда отец вылечил меня от мокнущей экземы на ноге. Это случилось в поселке Шимск, где я работал после окончания института. Где я только не побывал со своей болезнью! Даже обратился к известному кожнику в Москве, который выписал мне рецепт и поставил печать с дореволюцинной буквой "ять". Ничего не помогало.

Побывав во время отпуска в Глуске, Маша поделилась со мной вычитанным в какой-то книжке: у сына пасечника была на лице мокнущая экзема, его случайно укусила пчела, и от экземы не осталось и следа. Между прочим, к отцу постоянно, "перекошенной походкой", приходили страдальцы от ревматизма и радикулита с просьбой о помощи. Он брал пустой спичечный коробок, помещал в него пчелу, затем ставил его на соответствующее место и открывал. Пчела, почувствовав живое тело "жертвы", втыкало в него то, что отличает её от мухи. И все дела. Нужно только не забыть вытащить жало. Буквально через пару дней страдальцы облегчённо вздыхали...

Я попросил отца проделать ту же процедуру со мной. В первый раз он поставил мне одну пчелу, а через пару дней ещё двух. С этими тремя "втыканиями" я уехал. Трудно поверить, но, как и у сына пасечника, экземы "след простыл". Но это ещё не всё. Самое поразительное заключалось в том, что беспокоившие меня боли в ногах во время войны да и после неё, особенно во время учёбы в Ленинграде с частой сменой погоды, вообще перестали меня донимать, хотя с тех пор прошло уже более полувека.

Два Гилика и Семен

...Приехал Виктор Егоров и увёз с собой Машу в Бобруйск, куда он получил назначение на работу в военкомат. Они сняли там комнату. Как раз в день их отъезда пришло радостное сообщение из райсовета, что нас разыскивает Гилик, которого отец, если помнят читатели, 27-го июня 1941 г. втолкнул в кузов переполненной полуторки с убегавшим из Глуска начальством, и тем самым наверняка сохранил ему жизнь.

Гилику посчастливилось в районе Озаричей, которые ещё в то время не были оккупированы немцами, встретиться с семьями Гирши и Фрумы и вместе с ними добраться до сибирского города Бийск. Зимой 42-го его призвали в армию, он окончил военные курсы, после окончания которых

ему присвоили звание сержанта. Летом 43-го в сражении на Курской дуге он получил осколочное ранение ноги. Из госпиталя вернулся в свою часть, дошёл до Берлина.

Из эвакуации в Глуск зимой 44-го возвратились папин брат и сестра с семьями, но без Берула – мужа Фрумы, который ушёл за водой на реку Бия и провалился под лёд. После Победы, летом 45-го, оба Гилика (воевавшие сыновья старшего и младшего братьев, Гирши и Нохима) договорились встретиться с родными в Глуске.

На переднем плане Гилик и его отец Гирша, во втором ряду младший сын Гирши – Яша, мой брат Гилик и я

И эта встреча состоялась. Как мы узнали из их рассказов, оба они были ранены: старший лейтенант, сын Гирши, – зимой 42 г. под Сталинградом, а сержант, как уже говорилось, – летом 43-го на Курской дуге.

Их судьбы имеют много общего: оба родились в Глуске, оба были ранены в сражениях, имеющих решающее значение в ходе войны, оба закончили институты соответственно в Ленинграде и в Минске, в их семьях родилось по одной дочери, у которых в свою очередь родились дети обоего пола, оба в конце 70-х эмигрировали с семьями в Америку и Израиль, где прожили до конца 90-х, и похоронены на кладбищах Нью-Йорка (Квинс) и Израиля (Бат-Ям).

Вернулась в свой дом в Глуске и Малка Колтова с Маечкой. Во время моего рассказа о случившемся с Генахом были слёзы. Но была для Малки и хорошая новость, так как её ждало в райсовете фронтовое письмо от сына Сёмы, который убежал с товарищами, такими же комсомольцами как и он сам, из Глуска перед оккупацией немцами.

Он учился играть на скрипке, подавал большие надежды, мечтал

стать профессиональным музыкантом. Война перечеркнула все планы. Он и его близкие друзья, будучи комсомольцами, понимали, что их ждет с приходом немцев. Сёма вместе с Мишей и Шаем успели уйти из Глуска, в итоге оказались в Казахстане и пошли работать в колхоз.

Осенью 42-го Семен поступает в Ташкентское пехотное училище и через четыре месяца в звании младшего лейтенента направляется командиром отделения в стрелковый полк дивизии, входившей в состав 4-го Украинского фронта. В боях за Донбасс он проявил мужество, был

Встреча с двоюродными братьями. Крайние я и мой брат Гилик, а в середине справа Гриша Комиссар из Минска и слева Гилик Айзенштат из Ленинграда

награжден медалью “За боевые заслуги”, стал лейтенантом, командиром взвода.

В январе 44-го при форсировании Днепра у города Никополь Семен получил пулевое ранение бедра. Он жаждет быстрее вернуться на фронт. Еще одна награда украшает его гимнастерку – орден Красной Звезды. Теперь он – командир взвода в 242-й горно-стрелковой Таманской дивизии, сражающейся с фашистами в Карпатах.

После освобождения Глуска ему удается связаться с матерью, от нее он узнает о трагедии евреев местечка.

В феврале 45-го полк, в котором служил Колтов, получил приказ овладеть укрепленной высотой противника. Это было в Моравской Остраве в Словакии. Высотка оказалась крепким орешком, артиллерии не удалось подавить все огневые точки врага, и на атакующую пехоту обрушился прицельный огонь. Был убит командир роты. И тогда командование взял на себя Семен. Высота была взята, но Колтов получил тяжелое ранение ног. Мужество его было отмечено орденм Отечественной войны 1-й степени.

В госпитале ему сделали несколько операций. Здесь он встретил долгожданную Победу.

Поправившись, Колтов, инвалид 2-й группы, вернулся в Глуск. Я рассказал ему, как в том страшном болоте погиб его отец Генах...

А дальше – учеба в Минске на стоматолога (с профессиональным занятием музыкой по понятным причинам пришлось распрощаться), женился на своей однокурснице Доре, которая родила Семену сына и двух дочек-близняшек, эмиграция в Америку. Поселились в Бостоне. Дети взрослели, женились и выходили замуж, семейство росло – сейчас Колтовых уже 17 человек...

Семен, несмотря на возраст, ведет активный образ жизни, участвует в работе Бостонской Ассоциации ветеранов войны, доставляет радость слушателям игрой на скрипке и фортепьяно.

В связи с его 80-летием я посвятил Семену Колтову такие стихи:

Дороги пройдены крутые
Тобою в годы молодые.
Нелегкой жизнь была твоя,
Как, впрочем, брат мой, и моя.
С отцом твоим я побратим:
Расстрелян был я вместе с ним,
В который раз за всю войну –
Уж сосчитать я не могу.

Не снится пусть тебе война,
Пусть в мире будет тишина.
В атаку не води бойцов,
Не отдавай ты вновь концов.
Тот бой запомнился тебе,
Он значим ведь в твоей судьбе.
Ты отдал все сполна тогда,
И не твоя вина – беда,
Что ног своих не уберег,
Хотя и сделал все, что смог.

Скажу тебе как брату брат,
Что как и прежде ты – солдат,
С тобой всегда я – и навек,
Ты – настоящий человек!

Минск летом 1944

...Маша с Виктором приезжали на выходные к нам. Однажды перед школой они взяли меня к себе погостить. Они оба работали, а я маялся от безделья. День поболтался у них, второй, а на третий надумал поехать в Минск к тёте Иде. Я поделился своей идеей с сестрой. Маша беспокоилась, как бы со мной что-нибудь не случилось, а Виктор поддержал и "отстегнул" деньги на дорогу.

Когда-то на месте этой землянки в Минске стояли дома. Фото американского корреспондента Джона Строме – сотрудника газеты "Tribune Tower" (Чикаго). 1945 г.

Август месяц, солнечная погода, тепло. Информации более чем достаточно: тётя Ида, мамина родная сестра, вернувшаяся из эвакуации в Минск с мужем Сеней (бывшим главным бухгалтером Академии наук) и двумя сыновьями – Адиком и Моней, живёт в бараке рядом со зданием Академии, возле дома, в котором живёт также вернувшийся из эвакуации классик белорусской литературы Якуб Колас.

И вот я еду в столицу. Выйдя на привокзальную площадь, узнаю, что до Академии наук можо доехать только на трамвае, так как другие виды транспорта отсутствуют. Выхожу на нужной остановке, когда уже начало темнеть. Хорошо видна колоннада и стены с пустыми проёмами полуразрушенного здания Академии. Узнал, где расположен дом Якуба Коласа. И вот я стучусь в подсказанную дверь барака. Слышу голос:

– Кто там?

– Там - Юлик! –отвечаю я.

– Какой ещё Юлик.?

– Из Глуска!

Распахивается дверь, и я вижу в проёме стоящих в растерянности: тётю Иду, дядю Сеню и их сыновей. Объятия. Слёзы...

С тётей Идой – маминой младшей сестрой. 1948 г.

Поужинали вместе. Помянули расстрелянных нацистами 2 декабря 1941 г. в Глуске родных и близких на Мыслочанской горе и семью дяди Лёвы, который работал провизором в одной из аптек Минска. Они до возвращения в Минск ничего не знали о Глусской трагедии и как и мы – о судьбе семьи дяди Лёвы, которая словно в воду канула. Он когда-то спас меня красным стрептоцидом, а вот себя и свою жену Берту спасти не смог.

На следующий день Адик в качестве гида (он был старше меня на год) поехал со мной. Центральная магистраль – улица Советская – лежала в руинах из-за бомбардировок. Люди ютились в бараках. Не разрушенными оказались лишь несколько зданий. Пленные немцы на центральной площади расчищали завалы. Они закрепляли верёвки на сохранившиеся частично стены домов и, как “бурлаки”, тянули, взявшись за них большими командами, руша “останки”. Единственным в городе был кинотеатр “Первый” барачного типа.

Мне посчастливилось увидеть Якуба Коласа, когда он по-соседски заглянул к дяде Сене, наверное, ему что-то было нужно. Подвижный, как ртуть, жестикулируя руками, он улыбаясь, о чём-то рассказывал дяде.

Тут уместно вспомнить, что 16 июля 44-го на минском ипподроме

(в конце ул. Красноармейской) состоялся парад 30 тысяч белорусских партизан. Парад принимал командующий 3-им Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский. Символично, что на другой день – 17-го июля – в Москве по улице Горького прошли колонны немецких военнопленных, захваченных в Белоруссии (так называемый “парад побежденных”).

...Быстро пролетели несколько дней. Тётя Ида с Адиком и Моней проводили меня на поезд. Поверженный город оставил тягостное впечатление. Трудно было даже представить, что в будущем он в столь короткие сроки, как птица феникс, возродится из пепла и станет ещё краше и величественнее прежнего.

Переночевав у Виктора и Маши и поблагодарив их за приглашение и поддержку, на следующий день я уехал домой.

"Кровная месть"

Мне показалось, что соседи не очень охотно хотят говорить со мной о еврейской трагедии в Глуске, особенно, когда разговор заходил о моей маме и братике. Они готовы были говорить о чём угодно, но только не об этом. И вот однажды при разговоре с Канчилихой, соседкой Климчиков, где пряталась Маша, ту вдруг прорвало:

– Мама твоя очень кричала и плакала, когда мальчика кинули в машину. Их привёл сын Сергеюка, Сергей. Жили они вот за тем углом, – и показала рукой. – Всей семьёй дали драпака вместе с немцами. Извини! Я прямой человек. Что видела, то и сказала. Всё равно шила в мешке не утаишь.

Сергей... Его отец в начале войны объявился из бобруйской тюрьмы, где сидел по уголовному делу, и стал начальником полиции. Я узнал, что семью удравшего главного полицая схватили в Польше. Сергеюка-старшего по решению суда в Бобруйске расстреляли, а жену и детей отпустили и они вернулись в Глуск.

Сергей был мой ровесник. Учился со мной в одном классе. Вел себя вроде нормально. Однако, как выяснилось, косвенно был причастен к убийству мамы и брата – этого простить нельзя. Я стал вспоминать какие-то факты. Да! Был он всё-таки скользкий тип. Бывало, юлил и явно лгал...

Вскоре я встретил Сергея на улице.

– Здравствуй, Юлик! – бросился он ко мне, протянув руку, как ни в чем не бывало.

– Сволочь, ты со мной еще здороваешься!

Я не подал руки и решил, что убью его.

Дома имелся парабеллум, оставленный Егоровым, и Машин

маленький пистолет с двумя патронами. Я тренировался в укромном месте в стрельбе по бутылкам, готовясь к отмщению. И вот настал этот момент.

Спрятав парабеллум за пояс под рубашку, я отправился к Сергеюкам. Во дворе его мать развешивала бельё.

– Где Сергей?

– Дома.

Я вошел внутрь. Сергей спал на кушетке. Я вынул парабеллум…

В этот миг на кон было поставлено многое – решалась его и, возможно, моя судьба. Но не страх неизбежного ареста двигал мной. Я не мог выстрелить в спящего, просто не мог, а будить не стал. Почему, не знаю по сей день, не могу дать ответ. Если бы, если бы...По крайней мере, я шёл с убеждением и чётким планом отмщения. Возможно, сработало что-то в подкорке.

Спрятав оружие, пройдя мимо поднимающейся по ступенькам лестницы крыльца матери Сергея, я покинул ненавистный дом и его обитателей.

И тем не менее, мысль о возмездии не покидала меня до самого отъезда в Америку. Это была навязчивая идея.

Семья Сергеюка давно слиняла из Глуска. В 92-м, перед эмиграцией, я начал наводить справки о бывшем соученике, искать его по всем доступным мне каналам, но не нашел. Возможно, он при женитьбе поменял фамилию. А если бы нашел, то постарался бы свести с ним счёты?! По крайней мере, был так настроен...

Об этом эпизоде я рассказал в видеоинтервью сотрудникам фонда Спилберга, собиравшего документальные свидетельства переживших Холокост. В ряду других моих воспоминаний он вошел в докуметальный фильм Стивена Спилберга “Дети из бездны”, который в настоящее время выложен в интернете для свободного пользования.

Кстати, о детях. Единственным документом у детей до получения паспорта было свидетельство о рождении. Оно у меня не сохранилось, как не сохранился и архив, где можно было получить его копию. Пришлось идти на своеобразный экзамен по установлению моего возраста, исходя из наружных данных. И здесь неожиданно для меня комиссия, раздев меня наголо, засомневалась, что я родился в 1930 году. Что-то им не понравилось. Это у дерева по количеству колец на срезе можно установить истинный его возраст. У меня же “срез” когда-то был произведён с целью подтверждения, что я еврей. Худоба моя со стороны выглядела таковой, что можно было визуально сосчитать ребра. Я пытался доказать комиссии, что перед началом войны окончил три класса, а в школу принимали только с восьми лет, но комиссия всё-таки мне не поверила, решив, видимо, что

из любого правила бывают исключения, и в подписанном ими документе был записан год рождения 1932-й.

Я мог, конечно, написать жалобу и добиться пересмотра дела, но из-за своего мальчишества не придал этому значения. Отец с Машей на это тоже махнули рукой. Так я с новой датой своего рождения шёл дальше по жизни до самой пенсии, не испытывая каких-то жизненных неудобств.

Первый сбой произошёл в Союзе, когда пенсию оформил на два года позже, второй сбой – в США, когда дошло дело до SSI и третий сбой – когда Германия отказала мне в получении немецкой пенсии за работу в гетто из-за того, что не хватило полтора года для ее назначения, исходя из немецких законов по социальному страхованию.

В сентябре 1944 г. поступил в 4-й класс. Я был переростком, так как школа работала два года даже при немцах. Пойти заниматься вместе с теми, с кем учился ранее, я не мог из-за отсутствия соответствующей базовой подготовки. В годы войны меня воспитывала «улица», а жизнь учила умению по-взрослому находить правильные решения для выживания в чрезвычайных обстоятельствах. Мои одноклассники были моложе меня на год-два, но я был старше их не только по возрасту, но и по жизненному опыту.

Вместе со мной в классе был только один мой соплеменник – Эля Бушков. И это при том, что в Глуске до второй половины 30-х годов была большая еврейская школа. Эля, как и я, прошёл через Холокост, понюхал пороху, был ранен...

Если честно, учиться я не очень жаждал и вовсе не напоминал пай-мальчика – скорее наоборот. Моя учительница Елена Васильевна Пастушёнок относилась ко мне по-доброму, очевидно, понимала, сколь тяжелый груз носит в себе моя исколотая подростковая память. А я будто отыгрывался за те три военных года, когда жизнь висела на волоске.

Однажды, когда Елена Васильевна наказала меня за недисциплинированное поведение на уроке удалением из класса, я, выйдя на улицу, стал свидетелем, как круживший в небе в районе школы самолёт вдруг в штопоре стал резко падать и врезался со взрывом в неподалёку расположенный дом. Весь класс вместе с Еленой Васильевной высыпал на улицу. К счастью, в пострадавшем доме никого не было. Летчик погиб, его обгоревшее тело извлекли из пепелища. По слухам, циркулировавшим в Глуске, лётчик из Бобруйского авиоотряда решил продемонстрировать своей девушке из местечка фигуры высшего пилотажа, но что-то не рассчитал и произошла катастрофа.

Позже Елена Васильевна горько пошутила:

– Ты. Юлик, очень опасный человек. С тобой лучше дело не иметь.

И действительно, удалений из класса больше не было.

Зимой любимым занятием были лыжи, мы с пацанами лихо прыгали на валу, летом – рыбалка. (Страсть к рыбалке осталась и по сей день). Подобно многим в моем возрасте, увлекался спортом (футбол, волейбол, прыжки в длину, бег на короткие дистанции). С командой участвовал в спартакиадах сельской молодёжи. Даже в футбол играл в составе сборной в финальном матче на Минском стадионе “Динамо”, правда, только один тайм. Вся команда за второе место получила в награду спортивные костюмы.

Рост семейства

Как я уже писал ранее, мой отец считал, что Виктор Егоров должен вернуться к своей семье в Ленинград, где у него были жена и дочь, которой было столько же лет, сколько Маше. В свою очередь, Машу (ей пошёл 19-й год) стала тяготить неопределённость ее положения, и они с Егоровым расстались.

После возвращения из Бобруйска Маша устроилась на работу в райфинотдел, став фактически хозяйкой в доме. Мы с отцом старались помогать ей. Однако вскоре последовали одно за другим ряд событий, изменивших баланс отношений в семье. В начале 1946 года вернулся после демобилизации из армии брат Гилик, а во второй половине года мой отец, ранее положивший глаз в Бобруйске на интересную женщину – вдову Фаню Каплан, решил на ней жениться. Фаня жила с двумя сыновьями-подростками у своего брата. Мы со своей стороны понимали, что отцу нужно устраивать личную жизнь, одобряли его решение, но меня лично смущало, не родственница ли она..., сами догадайтесь, кого... А не догадались, так поясню: Фани Каплан, которая стреляла в Ленина.

Фаня, конечно, как и любая женщина на её месте, немного пококетничала перед “прыжком в омут”, но деваться было некуда, так как жила она со своими мальчиками в семье брата в однокомнатной квартире. У брата к тому же была жена-инвалид и своих двое детей....

В общем, сборы бобруйчан были недолги, чтобы поскорее выбраться из тесных стен в просторный дом с двумя спальнями, большими залом, кухней, верандой и кладовой. И впридачу ко всему этому ещё и сад с огородом и поплавом, где можно разводить гусей, сарай для скотины и птицы и, наконец, отдельно стоящий туалет.

Итак, в нашем “полку” прибыло ещё трое. Свадебное застолье прошло весело и непринуждённо. Тётя Фаня оказалась милой, выдержанной и весёлой по нраву женщиной, и что не менее важно – хорошей хозяйкой. Что же касается пацанов: Михаила – 34-го года рождения и Ефима – 37-го, то с ними предстояло ещё разобраться.

Удивительное взаимопонимание сложилось между Фаней и Машей.

Ежедневно три раза в день, на завтрак, обед и ужин, усаживался квинтет из пяти "мужиков". Полуфабрикатов для приготовления пищи, а тем более в Глуске, в то время не было. И женщинам приходилось, засучив рукава, обслуживать эту команду – требовалось всех накормить. Сами же они, бывало, даже не садились за стол, кушая на ходу. Что касается кухни, то в их лице образовался настоящий кухонный тандем, и со временем он не только не ослаб, а напротив – ещё более окреп.

Мой отец, Гилик и я. 1945 г.

Водопровод в доме отсутствовал. Мы, "мужчины", должны были обеспечить водой нормальную работу кухни, умывание, стирку белья. Нужно было за день совершить много походов с вёдрами за водой. Было это нелегко, так как артезианский колодец находился на расстоянии около ста метров от дома. Зимой было полегче: пользовались большой бадьёй и санками. Миша хорошо справлялся с задачей, Фимка же со своими малыми вёдрами старался финтить и я его ставил на место. Работы прибавилось, когда в хозяйстве, кроме кур, появилась корова.

Миша в скором времени собрался поступать учиться в автодорожный техникум в Гомеле.

У меня завязалась дружба с Фимой. Окончив школу в 55-м, он приехал в Ленинград поступать в ЛИСИ. В это время я проходил преддипломную практику на строительстве нового моста "Строителей" через Малую Неву в Ленинграде. Этот мост соединяет Васильевский остров с Петроградской стороной (ныне ему вернули прежнее название "Биржевый"). По ходу практики я пользовался лодкой. Фима приходил ко мне, чтобы на свежем воздухе лучше подготовиться к экзаменам.

Я обратил внимание, что большую часть времени он плавает на лодке по Малой Неве, вместо того, чтобы заниматься. Его следующий экзамен был по немецкому языку. Я взял учебник и задал ему пару вопросов, а он не может правильно ответить.

– Ты мне специально задаёшь вопросы, которые я не знаю.

– Хорошо, – говорю я. – Давай вот так, – и пролистываю страницы учебника. – Останови страницу пальцем. На какой странице остановишься, на тот вопрос и отвечай.

Так повторяется несколько раз. И каждый раз чёткого ответа я не получаю. Заработав второй трояк на экзаменах, Фима в институт не поступил.

Слева направо: верхний ряд – Миша Каплан, Гилик, Юлий, Фима Каплан; средний ряд – сестра Маша, отец Нохим и его жена Фаня; нижний ряд – дети Маши Люба и Фима. 1952 г.

Я тогда помог ему поступить на зоочное отделение, но вскоре его призвали в армию. Прозрев спустя годы, он поступил всё-таки в ЛИСИ, окончил его с красным дипломом, женился и уехал работать на север в Оленегорск, став со временем начальником строительного управления. В начале 90-х репатриировался с женой, сыном, дочкой и мамой в Израиль, семья поселилась в Ашдоде.

Когда я был в 1996г. в Израиле Фима посвятил мне целую поэму, которую закончил такими строками:

О мой наставник и инструктор!
Души моей ты, брат, конструктор.
Ты заложил в меня всё то,
Чтоб в жизни мне всегда везло.

...Жизнь брала своё, и Маша познакомилась с бобручанином Александром (Сашей) Шмальцуевым, который в 1939 г. бежал из

оккупированной немцами части Польши. Его родители не последовали его примеру и поплатились за это своими жизнями в Варшавском гетто.

Отец и я встречаемся у нас дома с Гришей Барьяшом – бывшим начальником штаба отряда «Красный Октябрь»

С аккордеоном

Анна Немцова на концерте в Бруклине

Визиты Саши к нам участились, и в 47-м они стали мужем и женой. Саша по специальности был электриком и устроился работать на мельнице, через год у них родилась дочь, которую назвали именем его мамы – Любой, а в 51-м родился сын, названный именем его отца – Ефим.

Таким образом, семейство в нашем доме росло, но происходил и отток: в 47-м уехал на учёбу в Минск Гилик, в 49-м в Гомель – Миша, а в 51-м – я в Ленинград.

Ученики 6-го класса: слева внизу – Вася Михайловский; я – во втором ряду сверху

Гилик привёз из Германии небольшой трофейный аккордеон. Мои музыкальные способности, не в пример ему, были весьма посредственные, но ему не хватало усидчивости. Благодаря своей настырности, я освоил клавиатуру и басовую часть и стал сносно играть на инструменте. Разобрался и с нотной грамотой. Таким образом, из-за отсутствия более достойных музыкантов, я стал “первым парнем на деревне” – меня приглашали участвовать в самодеятельных концертах, аккомпанировать певцам в клубе, играть на танцах. Даже в пионерский лагерь ездил с аккордеоном. На заработанные деньги я купил в Бобруйске в комиссионном магазине хороший итальянский аккордеон на 80 басов. В моём репертуаре были вальсы, фокстроты, танго, польки, бальные танцы и, конечно же, песни. Очень любил полонез Михаила Огинского “Прощание с родиной” и марш Василия Агапкина “Прощание славянки”.

Только спустя время в Глуске появился прекрасный музыкант в лице Риты Кацнельсон, будущей матери композитора и прекрасного музыканта и аккордеонистки Анны Немцовой, родившейся в Глуске в год моего поступления в институт. Кто слышал в её исполнении на аккордеоне “Чардаш” Монти, тому о ней больше ничего рассказывать не нужно.

Кстати, Анна была вместе со своими братьями совладелицей ресторана “У Казимира” в Бруклине (Казимир – имя одного из её братьев), где часто выступала перед посетителями не только как музыкант, но и как певица.

Повзрослевшие школьники, 9-й класс. Вася Михайловский – в последнем ряду второй справа; я – во втором ряду сверху в центре; крайняя справа в первом ряду- Люба Архипцева. В 1998г. её маме Надежде и ей было присвоено звание Праведников Народов Мира. Подробно об этом см. в разделе «Карьер смерти»

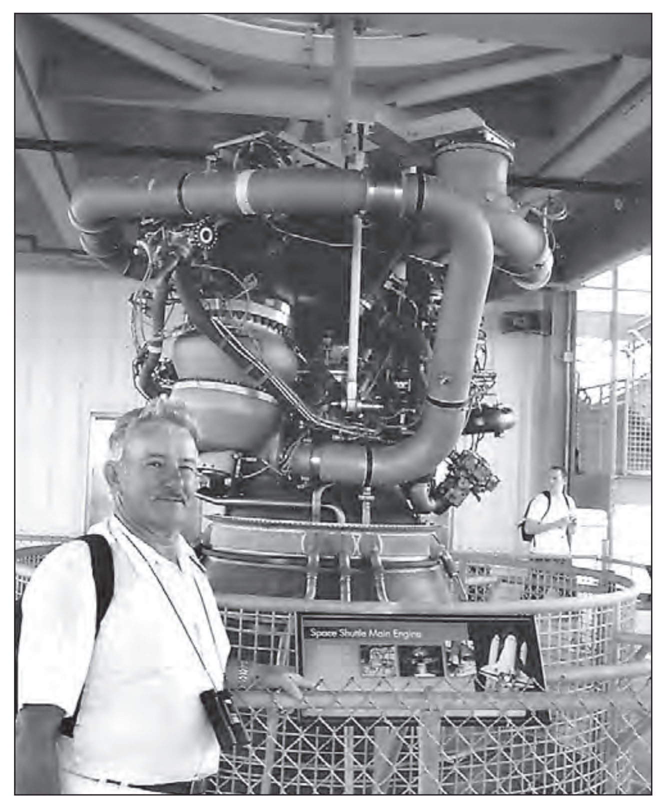
Она и в настоящее время проводит встречи со зрителями в гостиной “Дэвидзон радио”, и не только там.

Астрономия

После условного окончания 6-го класса с удовлетворительными оценками, имея переэкзаменовку по геометрии, я был намерен уехать в Минск и по объявлению поступить учиться на модельера. Но вернувшийся из армии брат расстроил мои планы и на собственном примере показал, что нужно, как минимум, закончить среднюю школу. Он, окончив до войны девять классов, пошёл учиться в десятый класс, а я – в седьмой, который дался мне нелегко, так как пришлось изменить уклад своей предыдущей мальчишеской жизни, направив все усилия на учёбу, поставив её во главу угла. Весной брат успешно закончил школу и поступил в Минский Политех, а я – с хорошими и отличными оценками – седьмой класс.

В восьмом классе меня избрали секретарем комсомольской организации школы и членом пленума районного комитета комсомола. Появилось

и новое увлечение – астрономия. Когда в школе появился телескоп Максутова, директор школы разрешил мне на время взять его домой. Изучив карту звёздного неба, теперь я вечерами допоздна при помощи телескопа знакомился с невидимым невооружённым глазом миром Вселенной. Эта моя увлечённость не отпускает меня до сих пор. Стараюсь не пропустить ни одно событие, связанное с запуском космических караблей.

В аэрокосмическом центре на мысе Канаверал во Флориде

В 1986 г. я с интересом, в течение почти месяца, отслеживал при помощи подзорной трубы движение по сильно вытянутой эллиптической орбите кометы Галлея, которая, развернувшись вокруг Солнца, покинула его, чтобы, блуждая по просторам Вселенной, вновь с железным постоянством возвращаться к нашему светилу через каждые 75 лет. (Эта её тенденция циклического возвращения прослеживалась на протяжении веков). Комета получила своё название в честь английского астронома Эдмунда Галлея. По форме она напоминает картофелину с размерами 15х8х8км. и состоит из каменных глыб. Комету можно было видеть невооружённым глазом. В следующий раз она прилетит к Солнцу только в

2061 году, и её смогут увидеть следующие за нами поколения, дай только им Бог здоровья.

Свою любовь к космосу я стремился передать своему младшему сыну, и он как губка впитывал то, во что я его посвящал. Учась в университете, он даже выбрал и проходил практику в Национальном управлении по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). По окончанию практики он получил отличную характеристику. Но ему совершенно не понравилась замкнутая жизнь под Вашингтоном. Это, конечно, было несерьёзно с его стороны, но “богу – богово, а кесарю – кесарево”, и он стал просто инженером-электронщиком. Если бы мне представилась такая возможность, как ему, то, полагаю, подобного шанса не упустил бы.

...В целом среднюю школу я закончил с отличными оценками, но до медали не дотянул – в аттестате оказалось несколько четверок.

Муштра не по мне

Мне оказали честь – по линии комсомола двоих выпускников, в том числе меня, направили для поступления в Калининградское высшее военно-морское училище. Там готовили штурманов дальнего плавания. Город, еще недавно носивший немецкое название Кенигсберг и сильно пострадавший во время штурма советскими войсками, произвел на меня гнетущее впечатление – полуразрушенные Королевский замок, кирхи, жилые постройки... На крышах многих домов росли деревья... Многое носило зловещую печать войны. Немцев – мирных жителей в городе уже не было – нам сказали, что их уже переселили в Германию. Город выглядел отчужденным и считался полузакрытым.

Все шансы оказаться в числе курсантов у меня, пожалуй, были, однако... Меня, не терпевшего понуканий и приказов, коробила муштра: нас, еще не ставших курсантами, заставляли ходить строем, по команде; даже в столовой нельзя было сесть и, покушав, встать без соответствующих команд. Словом, приучали к жесткой военной дисциплине. Это, наверное, было хорошо, но не для всех. Однажды я возразил старшине и был в наказание отправлен чистить гальюн, то бишь уборную. В общем, понял – это не мое.

До экзаменов дело не дошло – я не прошел военно-медицинскую комиссию. В общении с курсантами слышал разговоры, что были случаи, когда офтальмологи выявляли “дезертиров”, имитирующих плохое зрение. Им давали стёкла с разными диоптриями, и они быстро попадали впросак. Я решил словчить по части определенной потери слуха. Собственно,

основания для этого имелись, особенно, что касалось музыки, хотя, как говорят в Одессе – “это две большие разницы” – слух музыкальный и слух вообще. Но, тем не менее, в жизни всё взаимосвязано. На комиссии я решил воспользоваться лазейкой, чтобы не сдавать экзамены и не служить на флоте.

Майор медслужбы произносил:

– Двадцать восемь.

Я на голубом глазу отвечал:

– Тридцать шесть.

– Повторите...

– Тридцать шесть, - упорствовал я.

И так несколько раз.

Я удачно имитировл недостаток слуха и меня комиссовали.

Из Калининграда я поехал в Минск, где в это время брат Гилик, учась на механика, проходил практику. Шел август пятьдесят первого года, по возрасту я подлежал призыву в армию. Я же хотел во что бы то ни стало поступить учиться в гражданский вуз. Брату каким-то образом через своих знакомых удалось узнать, что в Ленинградском инженерно-строительном институте (ЛИСИ) продолжается прием студентов – в вузе был недобор. Он дал мне деньги на дорогу, и я поехал в Питер.

При поступлении в военно-морское училище

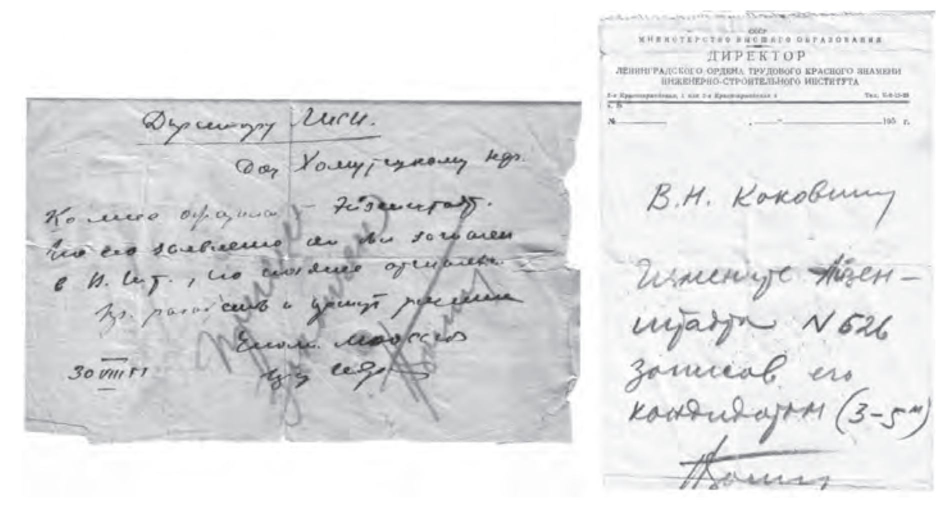
Резонный вопрос: откуда у студента деньги? А вот откуда. Гилик воплощал образ удачливого коммерсанта, нашедшего золотую жилу. Он скупал в Минске на барахолке облигации займов народного хозяйства. Тогда всех советских людей, даже студентов, заставляли подписываться на эти займы. Цена им была грош, рассчитывать на выигрыши было наивно, если не иметь большого количества облигаций, а значит, больше шансов выиграть. Народ понимал, что их в очередной раз надули, поэтому облигации продавались за бесценок. Гилик скупал их и изредка выигрывал, тем самым получая “чистые” деньги. Вот и весь секрет.

Конечно, если бы об этом узнали, брату бы не поздоровилось. Но Гилик действовал осторожно.

При Хрущёве в 1957 году, в связи с накопившимся громадным долгом государства народу по займам на сумму 260 млд. рублей, “идя навстречу пожеланиям трудящихся”, правительством было принято постановление о приостановке всех выплат и розыгрышей на 20 лет вперёд. Отец со зла бросил все хранящиеся дома в Глуске облигации в горящую печь, нисколько не жалея при этом ни своих, ни Машиных законных облигаций, ни даже моих кровных студенческих.

Письмо в “Комсомолку”

Прибыл я поздно вечером на Витебский вокзал. Перекантовался на вокзале, подложив под голову свой деревянный чемоданчик с главной поклажей – документами. Утром поехал в институт. Приемная комсиссия действительно ещё работала. Документы у меня приняли, предоставили

Директору ЛИСИ.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДИРЕКТОР
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА

№ ______ „___“ ____________ 195 г.

В.Н. Коковину

№ 626

Резонанс письма в «Комсомолку»

место в общежитии рядом с институтом по ул Егорова, и я начал сдавать экзамены.

На раскачку времени не было, но без особых потуг, набрав 24 балла из 25, с радостью, которую трудно выразить словами, увидел свою фамилию в списке принятых. Тут же отбил телеграмму домой: “Принят!”

В один из следующих дней, проходя мимо доски объявлений и машинально взглянув на список счастливчиков, я не обнаружил своей фамилии. Обескураженный, ничего не понимающий, бросился в приемную комиссию:

– В чем дело?

Председатель комиссии начал плести словеса, туманно объяснять, что якобы допущена ошибка, что я не прошел по конкурсу и так далее.

Все стало понятно. Кого-то нужно было устроить. Благо моя фамилия по алфавиту была первой “Айзенштат”, и произошла трансформация.

Я записался на прием к заместителю ректора по учебной части.

– Проходной балл – 21. Я набрал 24. Почему меня, вначале зачислив, затем убрали из списка, даже не предупредив об этом?

Зам тоже финтил, уводя глаза.

Мне подсказали: в Военно-механическом институте (он рядом) принимает уполномоченный Министерства высшего образования СССР. Его фамилия Оржанников. Я к нему. Рассказал все как есть, тот пишет на бумажке: “Директору ЛИСИ тов. Хомутецкому Н.Ф.: “Ко мне обратился т Айзенштат Ю.Н.. По его заявлению он был зачислен в институт, но позже отчислен. Прошу рассмотреть и принять решение”. Дата 30.08.51

Я иду на прием к директору. Тот читает бумажку и набычившись, оставляет резолюцию красным карандашом: “Прием закончен”. Дескать, все, вали отсюда, парень, уезжай домой...

Обида терзала меня. За что, почему? Я не за страх, а за совесть возглавлял комсомольскую организацию школы, был членом Пленума РК ВЛКСМ, считал, что живу в лучшей и справедливой стране мира, победившей фашизм (так я тогда думал), а меня, как щенка, выбрасывают за дверь. Со мной никто не разговаривает по-человечески. Где же та самая справедливость?!

Как утопающий хватается за соломинку, так и я, отчаявшись, написал в газету “Комсомольская правда”. Изложил ситуацию, попросил разобраться и помочь. Честно говоря, на успех не надеялся. Однако покамест никто меня не трогал, из общаги не выгоняли. И вдруг получаю записку: “Вас приглашает декан дорожного факультета В.К. Коковин”. Иду к нему.

Декан показывает мне записку на бланке института за подписью директора: “Измените Айзенштата №626, записав его кандидатом №3-5”. Существовала, оказывается, такая практика, т.е. ты как бы был студентом, но без стипендии. Мог в течение первого семестра пользоваться всеми студенческими правами. Значит, письмо всё-таки сработало.

Все экзамены в первом семестре я сдал на “отлично”, был зачислен в вуз и даже была назначена повышенная стипендия (плюс 25%). Как водится, вместе с другими студентами разгружал вагоны, оказывал репетиторские услуги школьникам, кто нуждался в помощи для поступления в вуз. Нужно было приодеться. Брат, конечно, тоже помогал.

Семья брата

Чувствую, что пришла пора подробно рассказать о брате и его дальнейшей судьбе. Оставим на время мой институт и перенесемся в тот период, когда Гилик закончил Политех и был направлен на работу инженером в “Сельхозтехнику” города Червень под Минском. В это время он как раз женился на очень интересной и милой девушке Рае Кравчик, которая, закончив Одесский мединститут, работала санитарным врачом в Глуске.

В Червене Гилик быстро рос по служебной лестнице. В последующие годы стал главным инженером подразделения сельхозтехники, а затем и его управляющим.

При очередном повышении в должности военкомат направил его на военные сборы, после которых необходимо было внести соответствующую запись в военный билет. Он явился по повестке в военкомат. Военком принял его, стал листать билет и на одной из страниц задержал свое внимание.

– У вас здесь, товарищ Айзенштат, отмечено, что вы были ранены.

– Да, товарищ майор, был ранен.

– Конечно же, имеется соответствующее подтверждение о ранении?

– К сожалению, в связи с частыми переездами более чем за двадцать лет справка медсанбата где-то затерялась. Я считал, что это не так важно, так как имеется запись в военном билете.

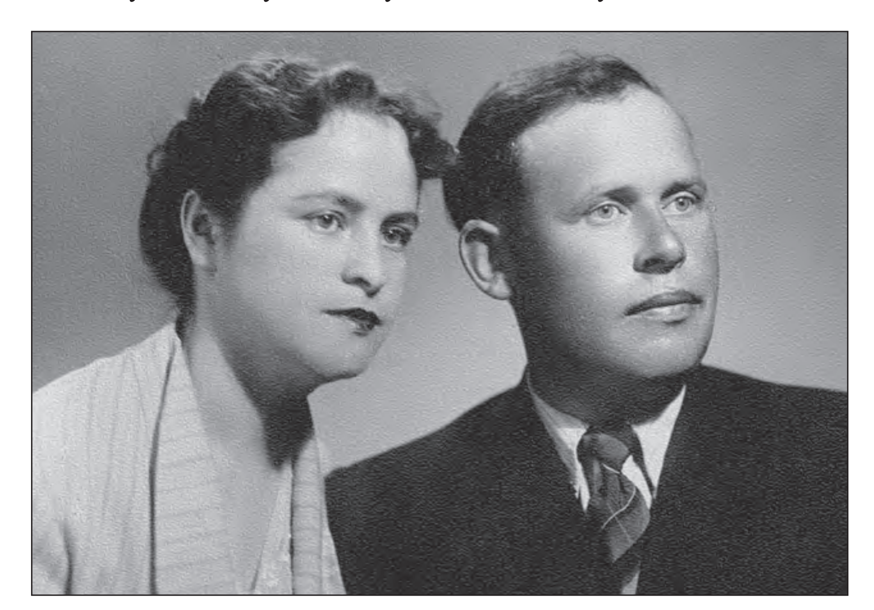
– Давайте мы с вами договоримся следующим образом: я эту запись уберу, а когда вы представите подтверждение, мы ее восстановим. А пока обстоятельства вашего ранения не выяснены...

Для Гилика сама запись в военном билете за прошедшие годы не имела никакого значения – ни во время учебы в институте, ни на работе, но его до глубины души задела наглость майора, попросту говоря, дурно пахнущий трюк. Брат обратился в военно-медицинский архив в Ленинграде и получил оттуда справку о том, что летом 1943 года во время сражения на Курской дуге он получил осколочное ранение в ногу и находился на излечении в таком-то эвакогоспитале. Справка была представлена в военкомат и справедливость была восстановлена.

Однако брат и представить себе не мог, какое значение эта немудреная справка приобретет в Израиле, куда он репатриировался. Об этом – чуть дальше.

Рая, жена Гилика, была одесситкой, в Одессе жили ее мама и два брата. Отец в 1937-м был репрессирован и расстрелян. Рая была старшей в семье, и тяготы после ареста отца легли не только на маму, но и на ее хрупкие плечи. За перенесенные лишения и страдания семья

возненавидела советскую власть, все они стали сионистами. В начале 70-х братья с мамой уехали в Израиль, а в самом конце 70-х и Рая приняла решение воссоединиться с близкими. Гилик же встал на дыбы и заявил, что это может произойти “только через его труп”. Но Рая оказалась твердым орешком и сумела из мужа-коммуниста сделать мужа-сиониста.

Брат Гилик с женой Раей

Надо отдать Рае должное за её настойчивость и целеустремлённость. Она в короткие сроки освоила иврит и до самого ухода на пенсию успешно работала в знаменитом научно-исследовательском институте им. Хаима Вейцмана в Реховоте. Правда, иврит она начала изучать ещё до эмиграции, организовав подпольные курсы у себя на дому. Ей даже удалось привлечь к этим занятиям Гилика и дочку.

В мой первый приезд в Израиль в 1996 г. Рая в качестве гида ознакомила меня с мемориальным комплексом Вейцмана, который, согласно решению правительства Израиля, является частью территории НИИ, где расположены дом основателя института и первого президента страны Х. Вейцмана, могила его супруги, а также музей, в котором хранятся его рукописи, письма и другие материалы о его жизни и деятельности.

Кстати, родился Хаим Вейцман в Белоруссии в селе Мотоль (Мотыли) недалеко от Пинска, где на одном из домов установлена мемориальная табличка: “В этом доме учился первый Президент Израиля Хаим Вейцман”.

Когда Гилика перед отъездом в 1979г. исключали из партии, один из присутствующих спросил его:

– Если будет война, ты будешь стрелять в меня?

На что брат по еврейской традиции ответил вопросом на вопрос:

– А ты будешь?

Больше вопросов не было...

...Но вернемся к справке о ранении. Когда я еще жил и работал в Минске, брат в одном из писем рассказал, что благодаря военкому-антисемиту он получил военную пенсию государства Израиль. В 1993-м он приехал в Минск повидаться со мной, с Машей и нашими детьми перед моим отъездом в Америку. Как-то я попросил Гилика рассказать поподробнее о получении военной пенсии:

– За работу в Израиле мне была назначена ежемесячная пенсия около 450 шекелей. Деньги, прямо скажем, небольшие. Спустя некоторое время Рая случайно узнала, что военную пенсию в Израиле, как и в США, получают ветераны, кто сражался под флагом этих стран. Но в Израиле, в отличие от Америки, ветераны войны из бывшего СССР, пролившие кровь в борьбе с фашизмом, приравниваются к ветеранам войны Армии Обороны Израиля. Военный билет у меня при отъезде изъяли. Вот тут-то и пригодилась справка военно-медицинского архива. На медкомиссии в Израиле отметина на ноге от ранения была зафиксирована. В итоге, благодаря справке, мне была назначена военная пенсия в три раза больше прежней, гражданской, и выплачена разница за прошедшие годы со времени выхода на пенсию. Живя в СССР, я даже представить себе не мог, что буду за неё "благодарен" Червенскому военкому.

В Израиле Гилик имел свой бизнес – магазин деликатесов. Коммерческая жилка присутствовала всё-таки в нём... Во время первой интифады доход от бизнеса резко упал. К тому же он одолжил своему знакомому под проценты крупную сумму денег, а тот взял да и сбежал в Америку. Пришлось брату выйти из бизнеса. Занялся продажей недвижимости, но без особого успеха.

...Когда я был в Израиле в гостях, Гилик попросил меня попытаться разыскать место жительства беглеца или его подруги, уехавшей ранее в США. В результате поиска мне удалось узнать координаты подруги. Это ли помогло или ему самому удалось найти "друга", но долг он все-таки стал получать, правда, по частям.

А в 1998 г. я прилетел в Израиль на похороны скоропостижно скончавшегося брата, где отдал дань памяти одному из самых любимых, дорогих, близких и родных мне людей. Похоронили Гилика на закрытом кладбище Бат-Яма – такая последняя услуга и честь ему как ветерану была оказана. Вечная ему память!

При похоронах я обратил внимание, что над гробом брата был сделан настил. Мне объяснили, что это Рая приготовила будущее место для себя.

Все мы смертны. Правильно, конечно, она поступила. А вот моя реплика после похорон: “При жизни ты его давила и на будущее оставила себе такую возможность” – была явно неуместной. Хотя она и впрямь была характером сильнее и более пробивная, чем он. Одним словом, одесситка! Спустя годы она мне призналась: “Я только сейчас поняла, кем он был для меня!”

Пятидесятые ленинградские...

А теперь вернемся в Ленинград, где я продолжал учебу в ЛИСИ.

Как часто бывает, помнятся мелочи, на первый взгляд, несущественные, незначащие, но несущие в себе отголосок того времени. Ну, скажем, такое. В Глуске мне пошили галифе из домотканного сукна. В этом галифе я ходил на занятия, так как других брюк у меня просто не было. По математике мы проходили логарифмы, и преподаватель Бертова, остроумная, острая на язык, вычертив на доске логарифмическую кривую, напоминавшую козье вымя, в шутку неожиданно произнесла:

– Впредь мы будем называть эту кривую “галифе Айзенштата!”

Шутка расмешила аудиторию, включая и владельца “логарифмических галифе”.

Пятидесятые ленинградские... Годы моего возмужания, становления. Память – словно осколки мозаики, причудливый калейдоскоп в виде тубы, куда укладывают готовые ватманские листы с чертежами, в нее смотришь, а там завораживающие узоры. Крутишь тубу в руках, узоры начинают меняться, переливаться. Увлекательное занятие... А это всего лишь цветные кусочки, отражающиеся в зеркалах...

Это было время, когда перед входом в Летний сад на решетке еще висела доска

из белого мрамора с надписью: “На этом месте революционер Каракозов стрелял в

императора Александра II”. На месте станции метро “Площадь Восстания” стояла еще Знаменская церковь. А первую линию метро открыли в 1955 году: “Автово” - “Площадь Восстания”. Стало легко и быстро добираться до Невского проспекта, так как рядом с нашим институтом размещалась станция “Технологический институт Ленсовета”.

У кондукторов в автобусах были прицеплены на груди катушки с разноцветными лентами билетов. Самый дешевый стоил двадцать копеек. А комплект из разноцветных билетиков – при поездке из конца в конец – дороже рубля.

Я не раз наблюдал за зимним развлечением школьников – зацепиться

проволочным крючком за борт грузовика и катиться за ним в сапогах, скользя по снегу. Мостовые тогда от снега часто не успевали чистить. Такие сюжеты напоминали мне моё детство, когда одев коньки, цеплялся крючком из проволоки за грузовик или просто за сани конской упряжки и скользил за ними по обледенелой булыжной мостовой.

Подруги (слева направо): Нелля, Валя, Алла и я (из выпускного альбома 1956 г.)

Но что я о таких мелочах... Культурный Ленинград, его архитектура для меня, провинциала, были открытием силы человеческого гения, его возможностей, а Невский проспект на участке от площади Восстания до Дворцовой площади – настоящим праздником. В институте организовалась группа, и мы посещали Русский музей и Эрмитаж, знакомясь с русскими и мировыми художественными шедеврами.

В одном из стихотворений Самуила Маршака пронзительно звучат слова, посвящённые Ленинграду:

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

На факультете было много коренных ленинградцев. Они жили со своими родителями, и наше общение в основном ограничивалось лекциями и факультативными занятиями. Правда, на сельскохозяйственных работах по уборке картофеля, моркови и капусты бывали все вместе. Зато в общежитиях студенческая жизнь, если и не била ключом, то была более

оживлённой. Процветал преферанс. Бывало, садились на часок расписать пулю по-одесски, а расходились далеко заполночь. Заводили реестры выигрышей и долгов.

Постепенно складывались дуэты и трио друзей. Что касается последнего, то в него, кроме меня, входили ещё две студентки из соседней группы нашего факультета: Нелля Ламден из г. Горького, живущая у своей тёти Рони, и Алла Познянская – ленинградка. Мы были очень дружны, ходили вместе на институтские вечера, проводили вместе дни рождения, собирались у Аллы на посиделки. Родители её, Ида Ароновна и Семён Израилевич, были интеллигентными и доброжелательными людьми. Аллочка на лето даже приезжала к нам в Глуск. Ида Ароновна как-то в разговоре шутя спросила:

В период учебы в Ленинграде

– Юлик, почему ты не хочешь взять в жены нашу Аллу?

– Это ещё вопрос, Ида Ароновна, кто не хочет. Может, как раз всё наоборот?

Вместе с Нелькой в составе группы из пяти человек нас послали на “дорожную практику” – участвовать в восстановлении Военно-Грузинской дороги, где сошедший ледник из района самой высокой вершины “Казбек” Кавказких гор буквально смыл километровый участок дороги, проходящей вдоль р.Терек в Дарьяльском ущелье. Для меня это была практика, не только интересная сама по себе, но и с точки зрения познания совершенно удивительного, ранее незнакомого мне мира гор, общения с грузинами не только во время работы, но и за столом, слушая многоголосье их песен.

В городе на Неве жил мой двоюродный брат Айзенштат Гилик (не путать с родным братом!). Он в начале 30-х годов уехал в Ленинград, откуда ушёл на фронт, я ранее уже о нём писал как о “старшем лейтенанте”. После окончания войны он вернулся в Питер, окончил текстильный институт, женился на очень симпатичной девушке Лизе, коренной ленинградке, живущей со своей мамой на Лиговке, рядом с Московским вокзалом, у них родилась дочь Алла. Отца Лизы расстреляли в 37-м, как врага народа.

Где-то в 50-м году Гилик был осуждён по “Ленинградскому делу” на десять лет. Работал на лесоповале в Сибири. В 1956 году его реабилитировали, и он вернулся домой. Работал по специальности до

самой эмиграции в США с семьёй в начале 70-х. На несколько лет раньше него уехал из Ленинграда в Америку младший брат Гилика – Яша.

Яша был для меня не только двоюродным братом, но и близким и преданным другом. Первое время, до снятия комнаты, мы спали с ним вместе на одной кровати в общежитии. Тяжким грузом лежит на мне вина за то, что я во имя нашей дружбы, учась в институте, фактически вытащил его из близкой ему среды обитания в Глуске. Поддавшись моим уговорам, он приехал в Ленинград, но так и не нашёл себя здесь. Не прижился. Личная жизнь не сложилась. Яша впал в депрессию. Стал выпивать. Вернувшийся из Сибири брат вместе с Лизой, несмотря на все их усилия, не смогли его вытащить из этого состояния. Он решил обрести своё счастье в Америке. Увы, счастья своего он там тоже не обрёл.

Перед отъездом в США в 1993 г. я получил сообщение, что Яши не стало. Его похоронили на еврейском кладбище в Квинсе (Нью-Йорк). Первое, что я сделал, когда мы прилетели в Нью-Йорк (Гилик с Лизой любезно предоставили нам свою квартиру, живя на даче), – посетил на клабище могилу Яши, преклонил колени и попросил прощения за свою вину перед ним.

...Я часто бывал на Лиговке. Мне было приятно с Лизой разговаривать на разные интересные для нас темы. Не любила она советскую власть, а я был лоялен и защищал нашу власть, как мог. С возвращением из заключения Гилика наши споры доходили до хрипоты и затягивались до полуночи. Этот антисоветский семейный тандем умел не только говорить, но и слушать. В то время я был ещё “сталинистом”.

К примеру, они спрашивали:

– Вот скажи, чем заплатил Сталин Америке за помощь по ленд-лизу во время войны?

А я отвечал:

– Героизмом и кровью наших солдат! – и т.д., и т.п...

К сожалению, мемуары Хрущёва были опубликованы гораздо позже наших разговоров. Он писал: “В своих “вольных беседах” Сталин часто говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы бы не выдержали её натиска...”

...Отвлекусь на мгновение и скажу совсем о другом – о генах. Интересно отметить такой факт. Внучка Гилика и Лизы – Инга, став в Америке адвокатом, увлечена, как и моя внучка Юля, конным спортом. Для этой цели она купила скакуна и содержит его в пригороде Нью-Йорка, приезжая туда при первой же возможности, чтобы “порезвиться”. Я тоже очень люблю лошадей. Возможно, в нашем роду есть такой ген, который вдруг проявляет себя через поколение...

Похороны Сталина

Ощущал ли я в ту пору антисемитизм? В институте я был членом комитета комсомола курса. Главным для меня была учёба, и ничто этому не мешало. Всё зависело только от самого себя. Тем не менее, мимо меня не могли пройти события, связанные с уничтожением Еврейского антифашистского комитета, а до этого – убийством великого актера Михоэлса. Впрочем, мы почти ничего об этом не знали, не могли знать о той беде, что поджидала Михоэлса в Минске. Я даже и подумать не мог о коварстве вождя. Для меня, как и для абсолютного большинства, это был “несчастный случай...”.

Кстати, этот “несчастный случай” якобы произошёл буквально рядом со старым зданием нашего института “Минскпроект” по ул. Ульяновской на пересечении с ул. Белорусской. Каждый раз, когда я проходил мимо означенного перекрёстка, в моем сознании всплывала изуверская картина подлого убийства великого актёра Соломона Михайловича Михоэлса.

5-го марта 1953 г. по радио было передано сообщение о смерти Сталина, а на следующее утро в вестибюле института состоялся траурный митинг. В ту пору я был типичным советским студентом и горевал вместе с народом. Сразу после митинга, учитывая, что другого такого случая не представится, организовалась группа из пяти человек, включая одну девушку, для поездки в Москву на похороны.

Выбрали доступный для нас вариант транспорта, оделись потеплее (тёплые галифе у меня были), и отправились на товарную станцию. И вот мы едем на открытой платформе таварняка, везущего бутовый камень из Карело-Финской ССР в Москву. В дороге жутко промёрзли. Переночевав у своих коллег в общежитии МИСИ, спозаранку отправились в Колонный зал Дома Союзов, чтобы проститься со Сталиным.

Нам удалось выйти на улицу Горького и дальше двигаться по ней. Все поперечные улицы были перекрыты грузовиками под брезентом. Везде милиция, в том числе конная. Толпа становилась всё плотнее, двигались еле-еле. На крышах также был народ. Была попытка спускаться на тротуары по стоякам водосточных труб, на моих глазах одна труба оборвалась и человек полетел вниз на толпу. Не знаю, уцелел ли он...

Другая картина по сей день стоит перед глазами: милиционер на лошади зажат толпой, не имея шанса выбраться...

У Садового кольца нас развернули в сторону Самотеки, но не пускали напрямую через Цветной бульвар к Трубной площади. Толпа была огромная, над морем голов, выдыхаемый тысячами ртов, стоял сплошной жуткий гул от криков и стонов. Выбраться из этого скопища

было невозможно, так как все подъезды домов были закрыты. Нам повезло – мы оказались в голове толпы, повернувшей в сторону Трубной, и каким-то невероятным образом удалось вырваться на свободное пространство. Кругом стояли и сидели, где попало, растерзанные, приходящие в себя люди, ищущие своих. Мы были такими же, потеряв по дороге девушку. Она, слава богу, осталась жива.

И тем не менее, мы не успокоились и двинулись в направлении Пушкинской улицы. В Колонный зал вошли через часа два. Народ плакал, у меня тоже были слёзы.

Пережившая арест в 1938 г. Ольга Берггольц тогда писала в газете “Правда”:

Обливается сердце кровью…
Наш любимый, наш дорогой!
Обхватив твоё изголовье,
Плачет Родина над Тобой.

В другом стихотворении, написанном позднее, Берггольц так отозвалась о смерти Сталина:

О, не твои ли трубы рыдали
Четыре ночи, четыре дня
С пятого марта в Колонном зале
Над прахом, при жизни кромсавшим меня…

Я верил ему безгранично.Отрезвление пришло после XX-го и особенно XXII-го съездов партии. Он предстал передо мною, как великий фарисей и деспот всех времён и народов. Крушение идеалов стало неизбежным. Спустя годы я написал, анализируя свое прежнее отношение к вождю:

...Я готов был за Сталина сдуру
Лечь, как Матросов, на амбразуру...

“Люблю. Инна”

ЛИСИ я закончил в 1956-м по специальности “Автомагистрали и городские дороги”. Завершил учебу с отличными и хорошими оценками. Единственно оплошал по марксизму-ленинизму, заспорив с преподавателем по поводу троцкистского блока, вот она и закатила “трояк”.

При распределении, попав в верхнюю часть списка, кому

предоставлялось право первыми выбрать работу из предоставленного перечня, меня привлекла должность главного инженера дорожно-эксплуатационного участка №58 (ДЭУ-58) Упрдора Москва-Ленинград, расположенного в райцентре Шимск Новгородской области. Сам Упрдор находился в городе Калинине. Должность эта была связана с предоставлением квартиры.

Ленинградцы, естественно, старались остаться работать в своём городе. Не всем в этом плане повезло, но мои подруги, Алка и Нелька, там остались.

Для того, чтобы не терять связи друг с другом, кто-то высказал идею о проведении встреч каждые четыре года в високосный год 29-го февраля. Идея всем понравилась. Решили первую встречу провести в Ленинграде в 1960 году. На том и порешили, разъехавшись по городам и весям.

...Накануне отъезда на работу по распределению я поехал отдохнуть на родину. Вечерами в парке тусовалась молодёжь, я по старой памяти пошёл туда попрощаться со своими земляками. И тут вдруг встречаю Инну Курилову, которая приехала к своей тёте. Мы учились с ней в Глуске после освобождения в одном классе, дружили.

Однажды она, будучи у нас дома, попросила: “Подойди к зеркалу”. – “Зачем?” – “Подыши на него”. Я сделал так, как она хотела – на поверхности зеркала проступили слова: “Люблю. Инна”. Ей было в ту пору 12 лет... Такая вот детская влюбленность, ставшая для меня откровением...

У нас завязались платонические отношения. Инна обладала хорошим голосом, Пела в школьном хоре (она и сейчас поёт в хоре Йельского университета в Нью-Хейвене).

Отец Инны занимал должность секретаря Глусского райкома партии. Потом его направили в районный центр Ружаны Брестской области для укрепления на западе республики советской власти, и дочь уехала с родителями. Накануне ее отъезда мы тайно поклялись на крови любить друг друга вечно. Романтизм детства, не загубленный войной...

Мы переписывались. Инна поступила в Минский университет на физико-математический факультет. Кстати, в группе вместе с нею учился Станислав Шушкевич, впоследствии видный ученый, доктор наук, профессор, политический деятель, подписавший в 1991 году как глава белорусского парламента Беловежские соглашения о ликвидации СССР и создании СНГ.

...В тот летний вечер мы с Инной гуляли по-над берегом Птичи, светила луна, тишина объяла наш маленький и такой дорогой нам город, а мы не могли наговориться, без конца вспоминали нашу учёбу и жизнь в Глуске. И хоть сказал поэт: любовь не вздохи на скамейке и не прогулки

при луне, в этот раз нами владело то самое, прекрасное, светлое и возвышенное.

Договорились: я сдам билет и уеду позже. Встречи наши продолжались.

Инна получила назначение на работу в школу на Брестчине, где жили ее родители. Отношения наши крепли, и мы решили – быть вместе.

Шимск

В Шимске я занял вакантное место главного инженера ДЭУ. До меня на этой должности работал выходец из поволжских немцев – Виллевальд, у которого частично парализовало ноги и он ушёл на должность рядового инженера. Он хорошо знал работу, которой занимался до меня, и на первых порах любезно помог мне быстро войти в курс дела. Мне выделили служебную квартиру рядом с работой. Я сообщил Инне и добавил одно короткое слово: “Приезжай”.

В те дни женился ее брат, свадьбу сыграли в Ружанах. Меня тоже пригласили, и там мы объявили о желании стать мужем и женой. Родители Инны приняли сообщение спокойно, мой отец – тоже нормально, а вот сестра Маша – в штыки. “Ты должен жениться на нашей, еврейской девушке!”, – с плачем твердила она. То ли имела в виду свою историю, то ли над ней довлел традиционный взгляд...

Расписались мы в Ружанах, и Инна приехала ко мне. Стала работать в школе учительницей.

Шимск представлял собою обычный русский посёлок с одноэтажной деревянной застройкой в 50 километрах от Новгорода в направлении Старой Руссы. Недалеко от него находился военный посёлок Сольцы, где базировались новые реактивные самолёты. Случалось, мы становились свидетелями авиационных катастроф.

Но была одна особенность у Шимска – он раскинулся на левобережье озера Ильмень и питающей его большой реки Шелонь. Помню, как при весеннем паводке 57-го года на реке начался ледоход, а лёд на озере был ещё крепок, и в устье Шелони возникли торосы, растущие прямо на глазах, высотою до 3-3,5 метров. Пришлось вызывать авиацию для ликвидации заторов путём бомбёжки. Это был “звёздный час” для рыбаков. Нас с Инной тоже угостили свежей ильменьской рыбой.

Через год у нас родилась дочь Леночка, на которую мы не могли нарадоваться и наглядеться. Инна рвалась в Минск к своим друзьям, да и я, в принципе, не был против возвращения к своим корням. После трёх лет, которые необходимо было отработать по назначению, я подал в Упрдор заявление на увольнение в связи с желанием моей семьи уехать в Белоруссию поближе к своим родным. Инна подала такое же заявление

в школе. Это было для нас непростым решением: мы имели квартиру, работу, а уезжаем в Минск, где нет ни того, ни другого и где нас никто не ждет. Но мы были молоды, полны решимости и энтузиазма. И решили действовать, как рекомендовал когда-то Наполеон: "Главное ввязаться в сражение, а дальше действовать по обстановке..."

Переезд в Минск

По договорённости с родителями Инны мы отправляем контейнер с необходимыми вещами на их адрес в Ружаны, а Инну с Леночкой они должны встретить на железнодорожной станции в Бресте. И вот мы в дороге. Я выхожу в Минске, а Инна с Леночкой едут дальше до Бреста.

В Минске я на первых порах нахожу приют у своих родственников, которые в это время уже получили квартиры, и, не теряя времени, начинаю поиск жилья с пропиской и работы. Задача, прямо скажем, не из лёгких. Для прописки нужно было иметь жилую площадь не менее семи квадратных метров на человека. Относительно работы подсказал один мой знакомый по имени Леонид: в дорожный отдел ГПИ "Минскпроект" требуется специалист по городским дорогам. Сам он работал в этом отделе геодезистом и дал очень лестную характеристику начальнику отдела Владимиру Денисовичу Бобырину как весьма влиятельному человеку, парторгу института. (Леонид в настоящее время живёт с семьёй в Балтиморе).

Иду к Бобырину на приём. За столом сидит высокий серьёзный мужчина в очках. Говорю, что ищу работу по специальности. Отвечаю на вопросы, показываю диплом, трудовую книжку, паспорт. Он внимательно просмотрел документы и сказал:

– Вы нам, в принципе, подходите, но у вас нет минской прописки. Постарайтесь придти ко мне завтра после обеда. А сейчас зайдите в отдел кадров и заполните анкету.

На следующий день разговор с Бобыриным продолжился в отделе кадров:

– У нас есть информация, что в новом году ряд деревень Новодворского сельского Совета, прилегающих непосредственно к городской черте, войдут в состав города. Вам следует, сняв там жилплощадь, например, в дер. Столовой, прописаться, и мы возьмём вас временно на работу на инженерную должность до получения городской прописки. Если согласны – действуйте, – и добавил, чтобы, вероятно, вселить в меня увереность:

– Институт улучшает жилищные условия сотрудников, и вполне реально, что вы сможете получить в скором времени одну из освобождаемых ими квартир.

На этот раз также помог брат, ставший к этому времени управляющим Червенской “Сельхозтехникой”. Он через знакомого помог относительно быстро прописаться. Я снял большую светлую комнату в дер. Столовой, которую деревней-то можно было назвать только условно, так как почти рядом по улице Германовской проходил маршрут городского автобуса. Многие жители Столовой работали в Минске.

Я и Инна Курилова, Гилик и Рая

Тем временем Инна, оставив Леночку у родителей, приехала в Минск, и мы, поселились на снятой жилплощади, чтобы не докучать родственникам и друзьям и чувствовать себя более свободно. Инна также стала заниматься поиском работы.

Дальше всё происходило в полном соответствии со сценарием Бобырина. В следующий раз я пришёл к нему уже с пропиской в д. Столовой. Зашли к директору И.И. Левко. Он посмотрел документы, задав по ходу какие-то вопросы, и произнёс, обращаясь к Бобырину:

– Готовьте приказ!

Когда мы вышли, мой новый начальник был немногословен. Ознакомил меня с распорядком рабочего дня, сказав при этом, что в понедельник (был как раз конец недели) я могу выходить на службу и что буду работать непосредственно под его началом. Я поблагодарил его и высказал сожаление, что не обратился именно к нему сразу после приезда в Минск.

Итак – это моя первая работа в Минске. Я даже представить себе тогда не мог, что спустя десятилетия она окажется и последней.

Мысленно беседуя с самим собой, обратил внимание на тот факт, что в Шимске я был главным инженером, а здесь стал – старшим. Но, как говорят в Одессе, “две большие разницы” – там и тут. “Там” было

захолустье и вечером, кроме как в кино или на озеро Ильмень с удочкой, некуда было пойти, а “тут” – столица, иди куда пожелаешь: кинотеатры, театры, филармония, футбол – всего не перечислишь...

В певый день работы Бобырин представил меня коллективу отдела и посоветовал для начала ознакомиться в архиве с некоторыми проектами, дав мне при этом их номера и названия.

Наступил Новый год, и вскоре без каких-либо усилий с нашей стороны мы получили минскую прописку, а вслед за нею и освободившиеся две комнаты в трёхкомнатной квартире в деревянном доме на втором этаже без удобств, возле Политехнического института. Мы, конечно же, были и этому рады, понимая, что на безрыбье и рак рыба. Там мы прожили сравнительно недолго и скоро вселились в двухкомнатную малогабаритную “хрущевку” в новом доме микрорайона по улице Опанского. Рядом с домом находился детсад, в который мы определили Леночку.

На работе у меня складывалось всё нормально. Начальник отдела был ко мне хорошо расположен и двигал меня вверх по служебной лестнице, назначив главным инженером проектов. Инна поступила в аспирантуру Института физики АН БССР.

Казалось, ничто не могло омрачить семейного союза, но не зря говорят: жить с человеком, которого любишь, так же трудно, как любить человека, с которым живешь. В 1965 г. мы расстались. Надо ли сейчас ворошить прошлое, копаться в былых обидах, искать причины развода, и уж тем более, винить кого-то одного в том, что семья распалась? Наверное, оба были виноваты. Инна – незаурядный человек, невероятно активная, прыгала с парашютом, увлекалась альпинизмом, в общем, как сейчас сказали бы, – экстремалка. Возможно, скромная, лишенная ярких событий жизнь в Шимске показалась ей пресной, скучной, рутинной. Переехали в Минск, там ее окружили яркие личности, тот же Шушкевич и его друзья.

В то время Станислав Станиславович, окончив аспирантуру Института физики АН БССР, работал заведующим сектора лаборатории Белгосуниверситета. Это потом, вступив в КПСС, он стал известным государственным деятелем и политиком. Мы с Инной несколько раз были у него дома в гостях. Будучи кинолюбителем, он демонстрировал нам свои фильмы. Жена его была очень милой и приветливой жнщиной, но совместная жизнь у них тоже не сложилась.

Будучи в Москве, Инна встретила своего бывшего однокашника по Минскому университету. Они стали встречаться. Он к этому времени разошелся с женой, и Инна ушла к нему...

Моя боль по давности лет утихла, главное, мы с Инной сохранили нормальные человеческие отношения.

Судьба ее вкратце такова: вышла замуж, защитила кандидатскую диссертацию, родила вторую дочь. Эмигрировала в США в 1979-м. Работала в Йельском университете. Новый брак тоже не сложился, вышла замуж в третий раз. Живет в районе Нью-Хейвена, наша общая дочь очень близка с ней и со мной.

Такова се ля ви...

“Обрезанные” звезды

Осень 1964 г. Мне позвонила сестра Маша из Глуска и сообщила, что в связи с решением райсовета о строительстве на валу возле бани, где расстреливали евреев гетто, будет производиться перезахоронение останков жертв, и выразила при этом своё негодование:

Перезахоронение останков

– Можно было бы найти для стройки и другое место. Зачем тревожить усопшие души?...

На следующий день, прихватив с собой фотоаппарат, я был в Глуске и наблюдал за раскопками. Примерно под полуметровым слоем земли стали обнажаться кости, и по мере продвижения к центру захоронения из ямы стали выносить конечности людей с частично сохранившейся одеждой. Далее всё было, как в кашмарном сне – из захоронения стали за руки и ноги выносить сохранившиеся деформированные тела людей, пролежавшие в земле почти 23 года. Лица трупов были белы, как полотно, но через непродолжительное время, прямо на глазах, приобретали на воздухе фиолетовый оттенок. Некоторых из жертв опознавали. Так, сыну одного из опознанных дали телеграмму в Ташкент, где он жил, но санитарная инспекция не разрешила держать жертву без погребения до его приезда.

Наша соседка Канчилиха, работавшая в бане, как-то в приватной беседе рассказывала, что видела из окна, как полицаи приводили прятавшихся в “малинах” евреев к вырытой заранее яме и по одному расстреливали в затылок. Действительно, извлечённые из ямы черепа имели два пулевых отверстия. Ещё она рассказывала, что однажды привели к яме около двух десятков детей, но их расстреливали не по одиночке, а группами – залпом.

Пятиконечная вместо шестиконечной

Перезахоронение останков было произведено на еврейском кладбище, на месте погребения установлен памятник с пятиконечной звездой и надписью: “Здесь покоятся останки сотен советских граждан, зверски убитых немецкими оккупантами”.

Власть пресекала любые попытки изображения еврейской символики на могилах. Шестиконечные звёзды “обрезали”, и они становились пятиконечными. Даже сбор средств среди родственников на еврейские памятники считался экономическим преступлением и инициаторов наказывали.

“А для него важней всего – работа...”

В коллективе института на протяжении десятков лет сложилась добрая традиция, когда устраивались настоящие шоу на праздники 8 марта, 23 февраля, на Новый Год, на юбилеях сотрудников, зачастую используя для концертов собственными силами институтский актовый зал и местное радио.

Среди важных и приятных для меня документов и писем это поздравление занимает особое место. Приведу его полностью, без купюр, так, как было написано и прочитано вслух Полиной Лагуновской.

Полагаю, что после прочтения вами этого послания, мне уже не придётся подробно останавливаться на ряде моментов моей жизни.

Поздравление Юлию Наумовичу Айзенштату в честь его 60-летия.

Уважаемые дамы и господа!

Вы знаете, какой отличный биограф и архивариус Юлий Наумович, как старательно он исследовал и изучал жизненный путь всех предыдущих

Коллеги поздравляют с юбилеем

юбиляров, с каким наслаждением он выискивал даже самые интимные стороны их личной жизни. Сейчас мы имеем возможность отомстить (ой, извините), "отблагодарить" его за это сполна. Но, к большому сожалению, ему удалось многие свои деяния сохранить в тайне, поэтому наше исследование будет не совсем полным. Но это и не нужно, потому что кто же в Минске не знает Айзенштата. А если кто-то и не знает, то мы поможем.

Много чего было в его жизни и трагического и комического, чего больше – решайте сами.

Родился уважаемый Ю.Н. в забытом людьми и Богом местечке Глуск, среди необозримых полесских болот и лесов. Он с малых лет пристрастился собирать дары природы, и до сего времени нет жизни ни грибам, ни ягодам, ни бедной рыбе и даже ракам во всех окрестностях Минска. Он специально для этих целей приобрёл авто "Жигули" и по неполным, правда, данным и в Глуске оставил грибной, ягодный и рыбий след.

Отец Ю.Н., как и его дед Гилел, и прадед Нохим, были ремесленниками, мастерами на все руки. Не только в Глуске, но и в соседних районах и уездах работали их мельницы, волночёски и круподёрки. Отсюда, видимо, и золотые руки у нашего уважаемого юбиляра. Мало того, что дачу свою

“А для него важней всего – работа...”

украсил, как куколку, так побывав в Америке, обустроил бейсмент шефу своей дочери. Дошли слухи, что шеф вынужден был нанять экскурсовода, чтобы обслуживать наплыв желающих подивиться работе нашего главного инженера архитектурно-планировочной мастерской.

Детство Ю.Н. закончилось во второй половине страшного 1941 года в гетто Глуска, где были расстреляны его мама, младший брат в возрасте двух лет, бабушка, дедушка – всего около 20 родных и близких людей. Только целый ряд счастливых случайностей позволил остаться живыми Ю.Н. и его отцу. Жизнь привела их в партизанский отряд "Красный Октябрь" известного командира Фёдора Павловского – первого партизана, удостоенного высокого звания Героя Советского Союза в августе 1941 года. Его отряд, а затем бригада сражалась в той самой знаменитой Рудобелке, где в глубоком тылу врага за тысячу километров от Москвы сохранялась советская власть.

Это просто удивительно!

Отец Ю.Н. по заданию Павловского в здании бывшего спиртзавода в Рудобелке оборудовал партизанскую мельницу, которая крутила жернова и обеспечивала не только партизан, но и население мукой. А наш дорогой Ю.Н. в это время выполнял разные поручения в отряде: работал на кухне, вместе с другими подростками переписывал и распространял сводки Совинформбюро (в отряде был радист). Но больше всего нравилось Юлию ухаживать за трофейной командирской лошадью Павловского по кличке Марта, выполняя при этом отдельные его поручения по связи с другими отрядами бригады, расположенными в соседних деревнях.

Ранней весной 1944 года, когда линия фронта приблизилась к Октябрьскому району, немцы, чтобы ликвидировать "партизанскую занозу" в своём тылу, бросили против партизан регулярные части с танками и самолётами. Партизаны понёсли серьёзные потери, а шестеро партизан, включая Юлия, попали в лапы к немцам и их расстреляли, но раненого в руку подростка пристреливать не стали, а отправили в специальный прифронтовой лагерь уничтожения Озаричи.

Только чудо (иначе не назовёшь) и на этот раз спасло его. Через короткое время лагерь освободили советские воины.

Характер у Юлия непростой. Его отличают такие черты как целеустремлённость, настойчивость, бескомпромиссность в том, что он считает верным. В этом случае он идёт буквально напролом.

В годы учёбы в школе он возглавлял комсомольскую организацию и был даже членом Пленума РК ВЛКСМ. Видимо по этой причине после окончания школы его, как комсомольского лидера, направили на учёбу в Калининградское высшее военно-морское училище штурманов дальнего плавания. Но живя среди абитуриентов, помывши там однажды гальюн (видимо, что-то нарушил), Ю.Н. понял, что эти кубрики-кортики не для него, что он уже своё отштурмовал в лесах и болотах, и решил на медицинской комиссии имитировать низкий порог слышимости. Таким образом, ему удалось отказаться от оказанной

ему комсомолом чести. И за это спасибо Богу, потому что тогда бы не мы с вами, а какой-то “крейсер” или “линкор” сейчас поздравлял бы Айзенштата с юбилеем.

Оказавшись на распутьи, Ю.Н. едет в Ленинград, где продолжался приём студентов в инженерно-строительный институт (ЛИСИ) и, набрав 24 балла из 25, поступает на дорожный факультет по специальности «Автомагистрали и городские дороги». В 1956 г. заканчивает институт и по распределению направляется на работу в Упрдор Москва-Ленинград. Там он женится на своей землячке Инне Куриловой, окончившей Минский университет, и они в 1959 году переезжают с дочерью Леной поближе к своим корням – в Минск.

Не имея жилья, Ю.Н., тогда ещё в первый раз женатый, вынужден был прописаться вместе с женой и дочкой в деревне Столовой рядом с Минском. Обратите внимание на название этого места. Когда-то при отступлении Наполеон сделал здесь остановку, чтобы пообедать, и с той поры это место назвали “Столовой”. Таким образом, с сельской пропиской Ю.Н. оказался в нашем проектном институте (ГПИ “Минскпроект”), где мы его на протяжении 32 лет не единожды поздравляли со знаменательными датами в его жизни.

Кто может назвать хотя бы один микрорайон, одну магистраль или улицу, которые были построены за время его работы в институте и к которым Ю.Н. не приложил бы свои руки? А что делало бы УКС Мингорисполкома без Айзенштата, без разрабатываемых им двухлеток капитального строительства?

А кто не знает, какой Ю.Н. оптимист, и вообще весёлый человек? И это притом, что причин для веселья в его жизни, кажется, было не так много. Мы спрашивали: откуда берутся у него силы и оптимизм? Он отвечал, что после того расстрела он каждый рассвет, каждое утро воспринимает как подарок судьбы. Он понял, что все наши ежедневные хлопоты и проблемы не стоят и одного дня обычной человеческой жизни, и потому он живёт весело, с удовольствием и разнообразно. Он влюблён в жизнь во всех её проявлениях, несмотря ни на что!

Кто не знает про его многочисленные увлечения: астрономия, женщины, дети, поэзия, музыка, рыбалка, фотография, машина, дача, грибы и ягоды? И всё – на всю катушку!

У кого из нас на дачах были самые первые и самые большие помидоры и огурцы?!

А кто из нас может похвастаться таким количеством и качеством детей?! Считайте сами – его старшая дочь Лена, окончившая Московский институт нефтяной и газовой прмышленности им. Губкина, работает инженером-дизайнером в крупнейшей фирме “Питни Бовс”

в Соединённых Штатах Америки, а старший сын в скором времени станет ведущим пианистом Израиля. А кто не восхищается второй его дочерью – красавицей Анной?! Два дня тому он сбыл её с рук, выдав замуж за хорошего бобруйского хлопца.

А какой Ю.Н. интернационалист! Сам чистокровный полешук, первая жена – белоруска, первая внучка Юля – американка, первый сын – израильтянин, а бойфренд первой дочки – итальянец Джузеппе, с которым она, будучи в Минске, была и у нас в институте. Кто из присутствующих может похвастаться, что у него на шестом десятке лет родился второй сын (не внук, а сын), а вот Юлий Наумович – может!

А сколько статей послал Ю.Н. в местные газеты, обращая внимание руководства города на допускаемые ошибки в городском строительстве!

А кто не слушал и не смеялся до слёз над его стихотворными посвящениями, песнями со своими словами на известные мелодии и историческими обзорами жизни сотрудников института!

Присутствующие, видимо, помнят полный аншлаг в актовом зале института, когда в 1990 г. Ю.Н., вернувшись из гостевой поездки в США, по заранее подготовленному объявлению "Штаты – глазами Айзенштата", он рассказывал о своих впечатлениях об этой удивительой далёкой стране, о дочери, которая при зарплате $7 в час послала своё резюме в фирму "Питни Бовс", где после теста ей предложили $17.5, не требуя предъявить диплом и не спрашивая, кто она и откуда....

Ходят слухи, что Ю.Н. собирается в дальнюю дорогу. Будем надеяться, что это только слухи, и ничто не помешает нам отпраздновать ещё не один его юбилей. С нашей стороны вы всегда будете чувствовать наше уважение и искреннюю любовь.

Здоровья Вам, а всё остальное Вы сами добудете, а мы, если надо – поможем!

Извините, если что-то не так, но из жизни, как из песни – слов не выбросишь.

От имени АПМ института,
Гл. архитектор проектов Полина Лагуновская

Вот так кратко, но с искренним теплом прошлась моя коллега по путям-перепутьям моей вовсе не исключительной судьбы. Я слушал ее выступление на юбилейной встрече и сам себе говорил: жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. Сколько в ней и в самом деле было горестей, радостей, всевозможных перипетий...

Поздравления коллег

А вот другое поздравление от моих коллег из института “Минскинжпроект”, которое озвучила Людмила Суркова.

Идет – шаги саженьи,
Упругий взмах руки,
Такой напор в движеньи,
Что встречный – уступи!

Фиксируются в памяти
Развязка и “волна”,
Цветаева и Симонов,
Рыбалка и луна.

Вся жизнь – в семье,
Вся жизнь – в любви,
Пусть это для кого-то,
А для него нужней всего,
Важней всего – работа.

И всюду рядом верная
Его подруга ждёт,
Послушная, надёжная –
Она не подведёт.

Ни слёз и ни истерик,
Ни криков и ни ссор,
Такое преимущество
Даёт ему мотор.

Клокочет в нем энергия,
И жизнь бьёт ключом.
Такому сдвинуть Свислочь –
Ну , просто нипочем.

И так – всю жизнь не отступать,
И ни на шаг назад.
Мы дружно поздравляем вас,
Товарищ Айзенштат!

И наконец, позволю себе привести ещё одно поздравление от старшего архитектора нашей архитектурно-планировочной мастерской Александра Петрова, посвященное мне 1-го декабря 1979 года. В настоящее время он является Главным архитектором столицы Республики Беларусь.

Юлий Цезарь, как всем известно,
Работал в Риме в должности царя.
К своей работе относился честно,
Дороги строил в Рим почём за зря.

Науки же о том, как строить надо,
Товарищ Цезарь, видимо, не знал.
В итоге всё вокруг пришло в упадок,
И город Рим, как говорится, пал.

Века промчались, прямо скажем, пулей.
И нынче в Минске знают стар и млад,
Что не сумел продумать Юлий Цезарь,
Продумает Гай Юлий Айзенштат!

Генеральный план города

Работая главным инженером дорожного отдела, мне часто приходилось встречаться с руководителем мастерской генерального плана развития Минска Евгением Константиновичем Дятловым. В 1969 году при очередной встрече он неожиданно предложил мне перейти к нему в мастерскую на ту же должность. Сказав, что мне нужно подумать, я спустя несколько дней дал своё согласие.

Главной моей задачей стало заниматься вопросами реализации инженерного оборудования и дорожно-транспортной сети, заложенных в утверждённом Советом Министров республики в 1965 году генплане города. Фактически через меня проходило согласование всех проектов и названных выше вопросов. Кроме того, непосредственно мною по договорённости с Управлением капитального строительства Мингорисполкома разрабатывались двухлетние планы (двухлетки) капитального строительства.

В 1971 году, в связи с опережающим ростом численности населения города, Генеральный план был скорректирован с учётом развития Минска на перспективу до 2000 года. Вместе с тем следует отметить, что в работе над генеральным планом развития Минска в послевоенное время руководствовались идеями, озвученными ещё в генплане 1938 года: формирование радиально-кольцевой структуры уличной сети, развитие зелёной зоны по берегам Свислочи, формирование центра города в районе площади Ленина и Ленинского проспекта (современные площадь и проспект Независимости).

33 года я отдал родному “Минскпроекту”. Был непосредственным

участником осуществления Генерального плана развития города, вплоть до своего отъезда в США в 1993 году. Начинал старшим инженером, а закончил главным инженером архитектурно-планировочной мастерской. Сколько всего было сделано! Какие баталии происходили! Это было настоящее творчество, а какое творчество бывает без "синяков и шишек", без споров и столкновения мнений!

Реконструкция города шла полным ходом. Я ездил и ходил по улицам и вспоминал... Было с чем сравнивать.

В Минске я побывал в августе 44-го, через месяца полтора после его освобождения. В 1960-м город выглядел совсем по-иному: шрамы войны исчезли, выросли современные здания, город получал четкую радиально-кольцевую планировку с сохранением прямоугольной планировки кварталов в центральной части. Новые промышленные предприятия размещались в трех специализированных зонах, в том числе на юго-востоке, возводились индустриальные гиганты – автомобильный, тракторный, шарикоподшипниковый заводы.

Обрела столичный вид центральная магистраль – Ленинский проспект . Появились новые площади – Центральная, Победы, Якуба Коласа, новые магазины, столовые, кафе. Строительным материалом был кирпич, облицованный серой штукатуркой. Как и по всей стране, вовсю строились пятиэтажки с малогабаритными квартирами, которые при всей их неказистости способствовали уменьшению огромных очередей на жилье. Но еще оставалась деревянная застройка, даже в центре города по улице Немиге.

За годы работы в "Минскпроекте" мне, беспартийному, удалось сделать определенную карьеру. Говорю это ради объективности; впрочем, мне казалось, что мои профессиональные качества отчасти недооценены. Ну, такое "заблуждение" свойственно, наверное, каждому. Недаром Лев Толстой писал: "Человек подобен дроби, где числитель есть то, что он есть, а знаменатель то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь".

Мой вклад

...У меня перед глазами справка, полученная в институте перед самым отъездом в США. Надеюсь, читатели не упрекнут в нескромности – я просто хотел суммировать свои главные предложения (назовите их рационализаторскими), принятые для проектирования и строительства. Их всего четырнадцать. Выделю наиболее важные, существенные. Надеюсь не утомить вас техническими деталями, подробностями, но куда же без них...

Для любого большого города головной болью является недопущение затопления улиц во время дождей. Существовала сложная система определения объёма уличных дождевых стоков путём логарифмических расчётов. Шёл 1965 год. К этому времени я уже был главный инженер проектов (ГИП) и вместе со своим коллегой Сергеем Лоевцом, работавшим у меня в бригаде, используя многолетние данные метеонаблюдений, мы составили специальные таблицы и графики, которые позволяли легко и быстро определять объём стока дождевых вод в зависимости от интенсивности дождя на расчётный период по Минску. Дальше это уже было делом техники.

Начальник дорожного отдела Бобырин засомневался в предложении и поручил другому ГИПу произвести расчёт по конкретному объекту. Затем он пригласил меня, и я прямо при нём показал свой расчет. Сравнив оба расчета, все его сомнения рассеялись. Этими графиками пользуются по сей день.

Другое важное предложение было связано с обеспечением транспортного обслуживания вновь создаваемых районов электронной промышленности и жилищного строиельства в районе Курасовщины. Считалось, что связать троллейбусной линией этот район с центром города нельзя, так как контактная сеть по улице Брилевской станет помехой работе курсового радиомаяка аэропорта, расположенного рядом. Иными словами, под угрозой окажется безопасность полетов. Какой же выход? Я предложил построить для троллейбусов новую дорогу, идущую параллельно, с таким расчетом, чтобы провода контактной линии троллейбуса были не выше уровня проезжей части улицы Брилевской. Таким образом, исключались помехи постоянного тока контактной сети работе курсового радиомаяка в стандартном режиме.

Одновременно с этим предлагалось вместо разработанного институтом “Белгоспроект” рабочего проекта ул. Казинца, являющейся фактически продолжением ул. Брилевской, разработать новый рабочий проект с увеличением габаритов как самой улицы, так и её проезжей части и тротуаров. Если этого не сделать, то уже в ближайшем будущем возникнут сложности в транспортном обслуживании строящихся районов. Легко сказать – изменить, поменять...Моей идее сопротивлялись, отстаивая честь мундира. Но здравый рассудок возобладал, и Мингорисполком одобрил предлагаемые предложения.

Моей бригаде поручили разрабатывать соответствующие рабочие проекты с учётом расширения габаритов ул. Казинца.

Упоминая улицу Казинца, не могу не остановиться на личности человека, в честь которого названа эта городская магистраль, а также площадь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1965 году Казинцу Исаю Павловичу (Пинхусовичу) посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза за мужество и героизм, которые он проявил в годы войны, возглавив Минский подпольный городской комитет партии. Нигде не писали или, по крайней мере, старались не писать, что он – еврей.

В здании Минского горкома была установлена мемориальная доска, на месте казни в Центральном сквере в Минске – мемориальный знак. Мемориальная доска установлена на доме № 1 по улице, носящей его имя.

Под руководством Казинца в Минске была создана сеть подпольных групп, проведено более ста диверсионных акций. В марте 1942 г. немецкие службы безопасности сумели арестовать некоторых руководителей подполья, захватить списки и документы организации. Один из арестованных выдал Казинца. 26 марта Исай Казинец и остальные члены подпольного комитета были арестованы. Отстреливаясь при аресте, Казинец убил и ранил нескольких сотрудников гестапо.

7 мая 1942 г. он был повешен в числе 28 участников подполья.

Говоря о Казинце, просто не могу не посвятить несколько строк его сподвижнику тех трагических дней Михаилу Гебелеву, который стал уполномоченным Минского городского комитета партии по гетто. В мае 1942 года был утверждён секретарём Тельмановского подпольного райкома. В июле 1942 года он был схвачен гестапо и в августе повешен. Если первому из них дань памяти была отдана спустя 23 года после его гибели, то Михаилу Гебелеву – только спустя 63 года, не без участия его дочери Светланы, живущей ныне в США. Одной из улиц на территории бывшего Минского гетто было присвоено имя этого мужественного человека.

Но самое большое достижение, которого мне удалось добиться за 33 года работы в институте и которым я горжусь, – прокладка западного дублера Ленинского проспекта (продолжение улицы Немиги) не по зажатой капитальными зданиями улице Мясникова, где предполагалось в будущем пробить тротуары в первых этажах, а по совершенно новой прямой трассе, без имевшихся зигзагообразных поворотов на входе и выходе по ул. Мясникова. В данном случае моя позиция была “уязвима” тем, что я выступил как бы против себя самого.

Расскажу об этом драматическом моменте чуть подробнее.

Во время моей работы в дорожном отделе, я как ГИП с вверенной мне бригадой разработали рабочий проект западного дублёра Ленинского проспекта на участке от ул. Немиги до ул. Р. Люксембург (так предусматривалось Генеральным планом города, утверждённым СМ БССР). Согласно нашему проекту, Управление дорожно-мостового

строительства и благоусройства города Минска начало строительные работы.

Примерно в это время я перешёл работать в мастерскую Генплана. С новой, более высокой “колокольни” я увидел ущербность нашего, уже реализуемого проекта. Ведь транспортную систему города, собственно, как и канализационную, можно сравнить с кровеносной системой человека, когда из-за бляшек, откладываемых на стенках сосудов, уменьшается их пропускная способность – наступает болезнь. То же самое происходит на магистралях и улицах, когда здесь создаются узкие места.

В общем, я вычертил схему, изобразив на ней строящийся вариант и предлагамый, и показал его Дятлову. Надо отдать ему должное: он тут же оценил достоинство предлагаемого решения:

– Да, – сказал он, – ты прав. Нужно останавливать строительство и разрабатывать новый проект улицы Немиги.

Легко сказать – останавливать... Для этого нужна была немалая смелость. Дятлов не так давно приехал к нам из Алма-Аты. В Казахстане он работал главным архитектором столицы республики. В Минске за ним не тянулся “хвост”, так как он не участвовал в разработке Генплана развития города. Напротив, ему даже было выгодно показать себя: смотрите мол, какие “ляпсусы” были ранее допущены...

Решили ознакомить руководство института со всеми аспектами возникшнй проблемы. Договорились, что руководство не возражает против нашего похода в горисполком.

В итоге ряда встреч, ожесточенных споров и дискуссий горисполкомом было принято решение о приостановке строительства и разработке нового рабочего проекта по предложенному варианту. Казалось бы, победа.

И вдруг, как снег на голову, тот же горисполком возвращается к старому варианту! И тогда мы с Дятловым идем на прием к первому секретарю горкома партии Василию Ивановичу Шарапову. Тот внимательно выслушал наши доводы и сказал, что в предлагаемом нами варианте есть рациональное зерно и что он переговорит с председателем горисполкома Ковалевым...

Мы с Дятловым несказанно обрадовались, когда от директора института Мадалинского узнали: горисполком оставил в силе изначальное постановление! Поход к первому секретарю сработал.

Во время моей работыв в мастерской генплана вспоминается встреча с партийным деятелем П.К.Пономаренко. Будучи уже на пенсии, он посетил Минск и пожелал ознакомиться с Генеральным планом развития столицы. В ту пору я относился к этому человеку с подобающим пиететом. Хозяин республики, не важно, что бывший... Про его радиограмму командирам партизанских отрядов я узнал позднее, в годы перестройки.

Мастерская была предупреждена о визите высокого гостя и подготовилась к встрече. Дятлов доложил, как будет развиваться Минск на ближайшие годы и на перспективу. Мы с Дятловым по ходу встречи ответили на возникающие вопросы, каждый по своей части. В конце встречи Пантелеймон Кондратьевич поделился своими впечатлениями о Минске и, расслабившись, рассказал “под занавес” такой анекдот. На испытаниях реактивных самолётов при достижении скорости звука отваливались крылья. Конструкторы крепили крылья к фюзеляжу самолета под разными углами, но при испытаниях они всё-таки обламывались. Разработчики были в растерянности. И вот один очень уважаемый человек посоветовал начальнику КБ обратиться к ребе, о мудрости которого ходили легенды. Ребе, закатив глаза и приставив палец ко лбу, долго думал и наконец изрёк: “Насверлите дырочки в крыле в месте его крепления”. Начальник был в недоумении – ведь это ещё больше ослабит крыло. Попробовали. И произошло чудо: самолёт преодолел звуковой барьер и крылья не отвалились... Когда конструкторы обратились к ребе с вопросом, как он до этого додумался, тот ответил: “Когда я пользуюсь туалетной бумагой, то она никогда не отрывается по дырочкам!”

Анекдот всех рассмешил. Мне он тоже понравился.

Минский метрополитен

В конце 60-х годов в связи с ростом населения города остро стал вопрос о строительстве скоростного вида транспорта. Этим занимался московский институт “Метрогипротранс”. По принятым в Союзе стандартам метрополитен мог строиться в городах с населением не менее миллиона человек. Поскольку население Минска в то время было менее миллиона, то предлагалось два варианта: метрополитен и скоростной трамвай, причём в качестве основного – скоростной трамвай.

Наша мастерская, особенно её руководитель Дятлов, приложили максимум усилий, чтобы обосновать необходимость строительства метрополитена: Минск после войны рос быстрее всех других крупных городов СССР, является бурно развивающимся промышленным центром с ростом населения опережающим то, что предусматривалось в наших планах. Решив строить скоростной трамвай, мы допустим непоправимую ошибку.

Уже к 1970 г. ощущались большие трудности в перевозке людей на работу, так как ряд магистралей исчерпали свою пропускную способность. А через два года в городе родился долгожданный миллионный гражданин. В итоге многочисленных встреч в Минске и Москве, дебатов и споров,

здравый смысл все-таки возобладал и окончательно было принято решение о строительстве метрополитена.

Я присутствовал на встрече, когда представители “Метрогипротранса” докладывали руководству города об условиях строительства подземки в Минске. Тогда было прямо заявлено: речь идёт о том, что в Минске не может быть метро глубокого заложения, как в Москве или Ленинграде, где рыхлые грунты залегают на глубине до 50-60 метров. В Минске же рыхлые грунты достигают глубины более 300 метров, причём это пески, насыщенные водой. Поэтому речь может идти только о метро мелкого заложения на глубине 10-15 метров.

ТЭО строительства метрополитена в Минске предусматривало первую линию по Ленинскому проспекту пропустить над второй линией, идущей от проспекта Пушкина в сторону Партизанского проспекта. В результате перекрёсток у цирка по ул. Янки Купалы поднимался на 1,2 метра, что было крайне нежелательно, так как ул. Янки Купалы и без того имеет падение от проспекта.

Мною был предложен новый продольный профиль 1-й линии метрополитена, проходящий под 2-й линией с учётом его заглубления. Таким образом, решались две основные задачи: во-первых, отпадала необходимость реконструкции ул. Янки Купалы, во-вторых, с точки зрения очерёдности строительства было предпочтительнее, чтобы линия, строящаяся в первую очередь, проходила под 2-й линией, строительство которой было отнесено на будущее. Данное предложение было принято “Метрогипротрансом” для дальнейшего проектирования.

План строительства 1-й линии метрополитена по Ленинскому прспекту с восемью станциями, протяженностью 7,8 км (от ул. Волгоградской до Института культуры) был одобрен Советом Министров СССР 4 февраля 1977 года. Открытие состоялось в канун 40-й годовщины освобождения Минска от немецко-фашистских захвачиков – 30 июня 1984 года.

В настоящее время общая длина Минского метрополитена составляет 35,5 километров и насчитывает 28 станций. Перевозит в сутки 770 тысяч пассажиров, что составляет 32,5% от общего объёма пассажироперевозок города.

Юбилей Дятлова

К Евгению Константиновичу я относился с большой симпатией и уважением. По характеру мы с ним были в чём-то похожи, по темпераменту – оба холерики, но главное – были близки по духу и это нас объединяло. Перед самым моим отъездом в Америку мы тепло попрощались, оставшись друзьями.

Я поздравляю **Е.К. Дятлов**

На его 50-летнем юбилее в 1973 году я ему посвятил такое стихотворение:

Ближе птицу найдём мы навряд ли,
Неспроста он так нами любим:
Мы ведь сами, как сущие дятлы,
Целый день всё проекты долбим.

Ну, а Дятлова с детства заело.
Доброй шуткой всегда дорожа,
Он сквозь жизнь несёт это дело,
Архитектуру, как знамя, держа.

Мы однако пред ним не пасуем,
Чертим, пишем мы все как один.
Мы носы свои всюду засунем,
Але скрывдить наш Менск не дадим.

По борам, по лесам голосистым
Стук задорный стоит целый день.
Это трудится дятел со свистом,
Хохолок свой одев набекрень.

Приложи своё ухо, приятель,
Разве тут эта песнь не слышна?
Это Дятлов стучит словно дятел,
Минскпроектовский дятел-желна.

Жизнь не стоит на месте. Дятлов пошёл на повышение, став главным архитектором Минска. На его место тоже пришёл человек, хорошо знающий свою профессию, Ярослав Львович Линевич, работавший в институте “Белгоспроект” руководителем архитектурно-планировочной мастерской. По храктеру он был мягким, добрым, отзывчивым, но, в отличие от Дятлова, у него не было тех же бойцовских качеств. В дальнейшем он пошёл по стопам Дятлова, став главным архитектором города. Да, мастерская Генерального плана была для архитекторов неплохой стартовой площадкой для карьерного роста.

Иные скажут с ухмылкой: далось тебе это государство, эти люди, ты же все равно покинул родину... Тем не менее, я работал в СССР не за страх, а за совесть, старался приносить максимальную пользу. На работу я ходил как на праздник и мне ещё за это платили зарплату. Нет, мне не стыдно за прожитые там годы.

Эмиграция брата и дочери

Для меня на работе началась сладываться не совсем благоприятная обстановка. Брат Гилик, созрев, решил вместе с семьёй репатриироваться в Израиль. Работая в мастерской Генерального плана, я имел секретный допуск. Брат при заполнении анкеты должен будет указать данные о своих ближайших родственниках. Естественно, что “органы”, по идее, не позволили бы мне оставаться не только в моей должности, но и в мастерской. В то время я не мыслил об отъезде, но никто не мог знать, как сложатся обстоятельства. Не исключено, что жизнь распорядится по-своему, а у меня – допуск. Поэтому лучше уйти от греха подальше, туда, где нет подобной зависимости. И лучше уйти самому, чем ждать, пока тебя турнут. А обстановка в республике была именно такова.

Как раз в это время в институте проходила реорганизация, связанная с объединением всех планировочных бригад в одну архитектурно-планировочную мастерскую (АПМ) с целью комплексной разработки проектов застройки микрорайонов. Я поделился своими соображениями с Дятловым, ничего от него не скрывая, и попросил посодействовать моему переходу во вновь создаваемую мастерскую. Мотивировка простая – я хочу заниматься конкретными делами, а планировка микрорайонов именно таковым делом и является. Он сказал, что всё

понял, и попросил только переговорить с Линевичем. Разговор такой с Ярославом Львовичем состоялся. Таким образом, истинную причину моего перехода знали два уважаемых мною человека, и это осталось строго между нами.

Лена и Юля (слева)
перед эмиграцией прощаются с близкими

В скором времени в институте был издан приказ о создании архитектурно-планоровочной мастерской, в котором значилась и моя фамилия. У меня гора сватилась с плеч.

Повторю, об отъезде в семидесятые годы я даже не думал. В 1970 году женился на симпатичной девушке, архитекторе Ольге Эмерман, которая жила с мамой в коммуналке. Я же жил уже пятый год один в двухкомнатной квартире, так как построил Инне с дочерью кооперативное жилье.

Оля родила мне таких же симпатичных детей, как и она сама, – Аннушку и Виктора. Кто знал в то время, что и этот брак разрушится, что жена с сыном окажутся в Израиле, что я женюсь в третий раз в 1983-м и произведу на свет сына Леонида... В моей жизни все завязывалось тугим узлом...

В 1986-м я попрощался с дочерью Леной, которая жила в Москве. Она уехала в США с моей внучкой Юлей, десяти лет. Помню, когда она её родила, я лежал в больнице с обострением язвенной болезни. Лена сообщила телеграммой: “Поздравляю с рождением внучки Юлечки”!

– Почему ты назвала ее моим именем? У нас у евреев не принято называть новорожденных именами живых. Или ты считаешь, что я уже не выкарабкаюсь из больницы?

– Живи сто лет. Это у вас не принято, а у нас у русских – принято!

Я должен был дать Леночке разрешение на выезд. Отказать ей,

конечно, я не мог. Написал так: “Выезд дочери на постоянное жительство в США не одобряю. Материальных претензий к ней не имею”.

Решение созрело

В разгар перестройки, точнее, ближе к концу пребывания у власти Горбачева, я решил съездить в Америку по приглашению Лены и посмотреть на американскую жизнь своими глазами. Вопрос моего отъезда в Штаты на постоянное жительство уже маячил, хотелось убедиться, что делаю правильный выбор. Хотя что можно понять за месяц пребывания в совершенно незнакомой стране...

Дочь жила в штате Коннектикут, в городке Сеймур, работала программистом. Я провел у дочери месяц с середины октября 1990-го. Поездил по окрестностям, побывал в Манхэттене, который меня потряс не только своими небоскрёбами, но и темпом жизни, раскованностью и свободой людей. Побывал в Квинсе в гостях у двоюродного брата, ранее жившего в Питере, и в чьей семье на Лиговке я бывал, учась в ЛИСИ.

В гостях у Америки. С Б. Овецким. Лос-Анджелес, 1990 г.

Мой друг Борис Овецкий, с которым я вместе работал в дорожном отделе “Минскпроекта”, пригласил меня в Лос-Анджелес на свадьбу дочери, купив мне билеты на самолет. Процедура регистрации брака проходила в игорной столице мира Лас-Вегасе, там молодые и сыграли свадьбу. Надо ли описывать впечатление, которое произвел на меня Лас-Вегас!...

Мне у Бориса и его гостеприимной жены Маечки так понравилось, что он поменял билеты, продлив моё пребывание ещё на неделю. Поскольку они оба работали, Борис по дороге на работу отвозил меня на побережье Тихого океана, где я купался, загорал и любовался на расстоянии плавающими китами, а возвращаясь с работы, он забирал меня обратно. Овецкие были прекрасно устроены, имели большой дом с бассейном и джакузи... В общем, молодцы. Разве

я, гуляя на их свадьбе в 60-х годах, мог подумать о подобной встрече в Калифорнии?!

Еще находясь в США, я тут же через Леночку заполнил необходимые документы для подачи на эмиграцию.

Моё пребывание в Америке совпало с празднованием 33-летия Лены. В Сеймур приехали гости из Бруклина, Квинса, Бостона и других мест. Я произнес длинный тост в ее честь. Кратко говорить не мог – слишком сильные чувства переполняли меня. Удалось сохранить текст тоста. Вот о чём я в основном говорил:

“Мне трудно передать моё состояние радости видеть вас здесь у Леночки на дне её рождения и фактически на моих проводах. Я возвращаюсь в Союз и благодарен судьбе, что она предоставила мне возможность побывать в стране, которая достигла такого полного изобилия, которое в стране победившего социализма даже не снилось.

Ничто так не убеждает, как факты, которые к тому же ещё и упрямы. Когда ты заходишь, скажем, в универсам в Союзе и в супермаркет здесь, то не надо ничего никому доказывать, так как доказательство налицо. Оно лежит не под прилавком, не в спецмагазине, а на каждой полке. И этим всем управляет свободный рынок. Это преамбула. Не сказать об этом я просто не мог. А теперь о событии, по поводу которого организована эта встреча.

Леночке исполнилось 33 года. Может быть, многие думают, что это не юбилей, но можно сказать и так: Леночке исполнилось тридцать лет и три года. Тогда получается, что это не только 30 лет, но и три года. Это даже нечто большее, чем юбилей. При этом следует учесть, что цифра 33 – особое число, состоящее из двух троек. Помните, у Пушкина: “три девицы под окном...”, “он рыбачил 30 лет и три года”, “тридцать три богатыря”, наконец – это возраст Христа. Итак, будем считать, что мы сегодня присутствуем на юбилее более чем с круглой датой. Прошу у вас прощения, что я вновь немного отвлёкся.

Возраст Леночки – это ещё не возраст, когда можно оглянуться назад и посмотреть, что же сделано за свою жизнь. Впереди ей предстоит ещё длинная дорога и она ещё может многого добиться. Это возраст, когда юность и зрелость идут рядом, когда жизнь проявляется во всём своём многообразии.

Мы с Леночкой никогда не говорили о любви друг к другу. Ведь о ней не говорят. Она проявляется в поступках, делах, внимании, просто в отношениях. Непростым было ее детство. Ведь родителей, как и родину, себе не выбирают. Судьба, говорят, играет человеком, а человек играет на трубе. Я играл на аккордеоне, и мы с ее мамой расстались. Это было в то время трагедией не только для меня, но и для Леночки, которую я безумно

любил, как, впрочем, и ее маму. Я без Леночки не представлял жизни, и она отвечала мне взаимностью. Она металась, бедненькая, между мной и мамой, и ее переживания не могли не сказаться на ее судьбе. Не зря говорят: разводятся родители, а страдают в первую очередь дети...

Мы с нею не теряли связи. Она каждый год приезжала ко мне из Москвы, вначале одна, а потом с Юлькой, и я старался, как мог, укрепить у нее чувство, что у нее есть отец. Я старался также поощрять ее связь с двумя сводными братьями и сестрой. И я бы очень хотел, чтобы та родственная связь, которая установилась между Леночкой, Аней, Витей и Лёней, поддерживалась и далее.

...Когда Леночка была маленькой, она не знала, что я год за годом собирал ее фотографии и создавал фотоальбом. Вот этот альбом, который я подарил ей после окончания школы с таким посвящением:

Как капли – ручейки, снежинки образуют ком,
Так я из карточек твоих лепил большой альбом.
Я год за годом отдавал ему немало сил,
Зато мгновения твои навеки сохранил.

Я часто с ним наедине подолгу тебя ждал,
И потому он мне вдвойне, втройне дороже стал.
Прими подарок скромный мой, подарок дорогой,
И помни, что, пока живой, всегда я буду твой!

Как веко глаз – берёг свою любовь,
И в каждый трудный час листал его всё вновь.
Уж такова судьба, Ленок, что мы разлучены.
Виновен, видимо, злой рок и нет моей вины.

Леночка потом написала мне, что проплакала над альбомом целую ночь...

Когда в 1972 г. умер ее дедушка Нохим, Леночка самостоятельно приехала на похороны в Глуск из Москвы. Было ей в ту пору 14 лет...

Леночку очень любят все её родные и близкие. Такого человека нельзя не любить. Её отличают такие черты характера, как доброта, честность и порядочность. Если она что-то сказала, то так оно и есть на самом деле, если пообещала, то обязательно выполнит, понятие хитрости для неё не существует. Ей присущи настойчивость, трудолюбие и терпение. Она с Юлькой на руках окончила очный институт с красным дипломом, практически не посещая занятий. Присущая ей некоторая медлительность, возможно, связана с тем, что она себя перепроверяет. В этом плане, мне

кажется, было бы уместно привести слова академика Королёва: “Если ты сделал работу быстро, но плохо, то забудут, что сделал быстро, но запомнят, – что плохо. И наоборот, если ты сделал её хорошо, но долго, то забудут, что делал долго, но будут помнить, - что сделал хорошо”.

Уезжая в Америку на постоянное жительство, я мечтал дожить до 2000-го года. Всё-таки – это не только столетие, но и 1000-летие. И вот, когда этот год наступил, я был как раз в Париже. На самой вершине Эйфелевой башни сверкали, переливаясь разными цветами, большие цифры 2000 – это было потрясающее зрелище. Сейчас у меня другие – более смелые планы (только бы не накаркать) дотянуть до 2023 года, когда Америка запустит космический корабль на планету Марс и я увижу по телевизору, как космонавт “X” ступает на марсианскую твердь, произнося:

– Я сделал второй небольшой шаг человека вслед за Армстронгом на Луне, но это огромный скачок всего человечества...!

Считайте, что это просто моя фантазия! А фантазировать может каждый.

На календаре сейчас 2013-й год. И я надеюсь еще пожить и отмечать в Соединенных Штатах замечательные даты, связанные с моими детьми и внуками. Но это уже из области лирики...

Лауреат Ленинской премии Л. М. Левин

Вернувшись в Минск, я окунулся в работу, связанную с активизацией еврейского движения. Маячившая эмиграция никак не влияла на мое желание посильно помогать этому нелегкому процессу.

Наш институт находился в самом центре города, актовый зал вмещал около 500 человек, и его нередко использовали для различных встреч и конференций по линии возникших еврейских организаций. В годы перестройки еврейское движение возглавил Леонид Менделевич Левин, известный архитектор, лауреат Ленинской премии, один из авторов проекта мемориального комплекса “Хатынь” Он и поныне президент Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин.

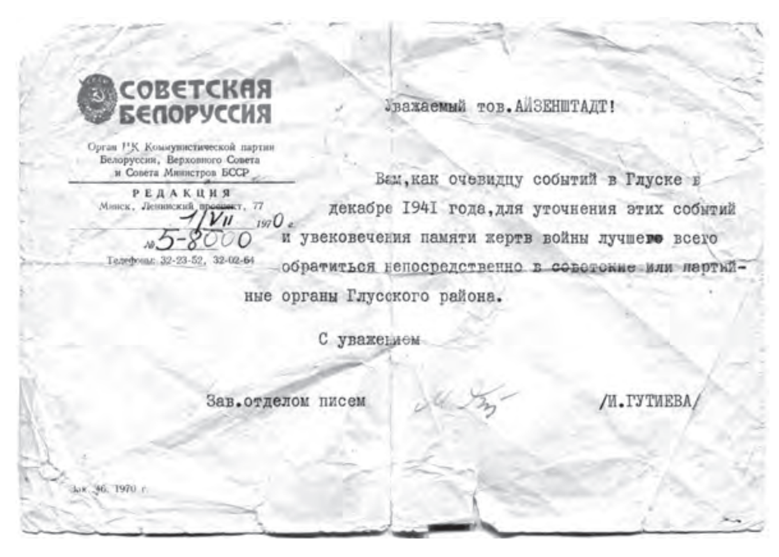
Была создана Ассоциация бывших узников гетто и концлагерей Республики Беларусь, членом правления которой был избран и я.

Мемориальный комплекс “Хатынь” был открыт 5 июля 1969 года. Я побывал там. Увиденное оставило неизгладимое впечатление, но... Там упоминались все малые населенные пункты, где погибло по сто, по пятьдесят, по двадцать пять человек. А в Глуске – три тысячи!.. И об этом – ни слова!

Я подумал тогда – ошибка, быть не может, чтоб нарочно умолчали.

Написал в газету “Советская Белоруссия”. Пришел сухой, казенный ответ от заведующей отделом писем Гутиевой, по сути отписка: обращайтесь в Глуск, к местным властям. Обратился. Даже не ответили.

Фактически мы с Леонидом Менделевичем начали работать в институте, когда он ещё назывался “Мингорпроект” и был расположен на ул. Коммунистической. Это был 1960 год. Мы работали в разных мастерских, но в одном институте на протяжени 33 лет до самого моего отъезда в Америку. А вот с его женой Наташей Афанасьевой работали много лет вместе в мастерской Генерального плана. Так что их творческий рост проходил, можно сказать, у меня на глазах.

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

Орган ЦК Коммунистической партии Белоруссии, Верховного Совета и Совета Министров БССР

РЕДАКЦИЯ

Минск, Ленинский проспект, 77

1/VII 1970 г.

№ 5-8000

Телефоны: 32-23-52, 32-02-64

Уважаемый тов. АЙЗЕНШТАДТ!

Вам, как очевидцу событий в Глуске в декабре 1941 года, для уточнения этих событий и увековечения памяти жертв войны лучше всего обратиться непосредственно в советские или партийные органы Глусского района.

С уважением

Зав. отделом писем /И. ГУТИЕВА/

Зак. 36. 1970 г.

Отписка чиновников

У меня сохранился текст поздравления Левину от имени архитектуно-планровочной мастерской института в честь его 50-летия.

“Судьба нашего юбиляра до конца 60-х годов ничем, пожалуй, особым не примечательна и похожа на судьбу его сверстников. Он коренной минчанин. Детство его опалено войною: эвакуация в далёкую Киргизию. Мать его навечно осталась во Фрунзе. Не случайны, видимо, частые болезни сегодня. Это не осколки, не пули, продырявившие нас или застрявшие в нашем теле. Это боль. Это, если хотите, незримое эхо войны. Может быть, именно пережитое в детстве вдохновило Леонида Менделевича на то, чтобы сделать зримой нашу память о тех, кто отдал свои жизни в борьбе с фашистами. Может быть, именно поэтому были “Прорыв” в Ушачах, “Катюша” в Орше, памятники – Гастелло в Радошковичах, Героям войны в Бухаре, “Солдатское поле” в Волгограде.

Итак, Леонид Менделевич, закончив с золотой медалью школу в Минске, поступает в 1955 году в Белорусский Политех на архитектурный факультет. После окончания интитута в 1960 г. направляется в Облпроект на Могилёвщину. Однако, поработав там, он убеждается, что в Облпроекте не будет того размаха, к которому он себя готовил и к которому стремилась его ищущая натура, склонная к разного рода задумкам. И действительно, уже через две недели у него возникает первая после получения диплома идея, и он через некоторое время появляется в нашем институте.

Директора Левко, видимо, насторожила та лёгкость, с которой Леонид Менделевич расстался с Облпроектом, и он зачисляет Левина временно в архитектурно-конструкторскую мастерскую №3 на должность просто рядового архитектора, не имея никакого понятия о его потенциальных возможностях. Правда, очень скоро Левко исправляет ошибку и подписывает новый приказ, в котором слово "временно" заменяет на "постоянно", но почему-то в этом приказе уже фигурирует и фамилия его подруги Наташи Афанасьевой, хотя, как удалось установить, она ему в это время ещё женой не была.

Но будущее показало, что Наташа добилась своего, и став его супругой и надёжно прикрыв семейный тыл, позволила мужу не вариться в собственном соку, а посетить уже в 1961 г. Чехословакию и Венгрию, в 64 г. – Италию, в 67 г. – Данию.

В 1970 году он получает высокую награду – ему присуждается Ленинская премия. Таким образом, этот год явился для Леонида Менделевича звёздным часом его таланта, задумок и труда.

Всегда внимательный, вежливый, благожелательный к собеседнику, он сегодня охотно делится своими знаниями и богатым опытом с молодыми специалистами.

Пожелаем же Леониду Менделевичу и далее так же успешно трудиться на благо нашего Отечества, на благо нашего замечательного города – Минска.

Здоровья и процветания тебе, дорогой!

По поручению АПМ Ю. Айзенштат"

В каждый его приезд в Америку Белорусское землячество организует с ним встречи, так как нам интересно услышать из первых уст о событиях, происходящих на земле, где мы родились и где прошла большая часть нашей жизни.

Вот стихотворное посвящение Леониду Менделевичу, когда он посетил Нью-Йорк в 2001 году и мы встретились с ним на Брайтон Бич в ресторане "Монте-Карло":

Мы в "Монте-Карло" вновь тебя встречаем,
Ведь наша дружба длится много лет.
Прими же, дорогой наш Лёня Левин,
Сердечный, теплый бруклинский привет.

Л.М. Левин (второй слева внизу). Встреча в Бруклине

К земле, где наши предки, наши корни,
Всегда мы благосклонны и добры.
И ты, как президент евреев, помни,
Что мы твои надёжные сябры!

Я за тебя бокал свой поднимаю,
И за еврейскую общину той земли.
Но я советской власти не прощаю –
Мы счастья своего там не нашли.

" Могучая кучка"

Немного истории. Еще с 70-х годов минские евреи стали проводить каждое 9 мая митинг "на Яме" у памятника погибшим в гетто. Здесь 2 марта 1942 года фашистами были расстреляны около 5 000 узников. Памятник был установлен в 1946 году. Текст надписи на нём был сделан на двух языах, русском и идиш. "Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибших от рук лютых врагов человечества – фашистско-немецких злодеев 2 марта 1942 года".

Каменотёса Мордуха Спришена арестовали и отправили в ГУЛАГ по обвинению в "космополитизме – проявлении еврейского буржуазного национализма". Арестовали за то, что посмел написать на памятнике

не предписанную фразу о "мирных советских гражданах", а прямо о евреях.

Митинги проходили под бдительным оком КГБ. Из репродукторов специально привезенных радиоустановок на полную мощь звучали

Лев Овсищер (в центре справа) и Семён Колтов (второй справа) с друзьями в Минске на праздновании 50-летия Победы

патриотические советские песни и бравурные марши, заглушавшие слова выступавших. Но ничто не могло остановить желающих отдать долг памяти жертвам Холокоста, вспомнить тех, кто сражался на фронте и в партизанских отрядах...

В 70-х годах в Минске зародилась "могучая кучка", возглавившая сионистское движение в Белоруссии. Лидерами ее были мятежные полковники Ефим Давидович, Наум Альшанский и Лев Овсищер. Я участвовал в митингах на "Яме", проводимых под их началом.

Вот как вспоминал об одном из них бывший минчанин, профессор Евгений Геллер - известный в нашей общине и уважаемый мною человек . К сожалению, Евгения Моисеевича уже нет с нами...

"Лев Овсищер – в прошлом боевой военный летчик. Полковник. Один из лидеров сионистского движения в Белоруссии 70-х годов. Шестнадцать лет был в отказе. Его судьба, его история – история прозрения и надежды, человеческой совести и личных драм. Это история гражданского мужества и героизма. 16 лет он боролся за право жить в Израиле. "За порочащее советского офицера поведение..." был лишен звания "полковник", правительственных наград, военной пенсии. Он не убоялся угроз властей, принес во имя своей мечты большие жертвы, уплатил высокую цену.

..."Яма" стала местом паломничества евреев. Не согрешу против истины, если скажу, что это было единственное место в бывшем СССР,

где 9 мая – в день Победы – евреи “обособленно”, по-еврейски отмечали этот праздник. Произносили вслух поминальную молитву и в скорбном молчании роняли слезы над безвременно вырванными из жизни близкими и родными, покоившимися здесь или неведомо где. Приходили семьями со всех концов города и других районов в блеске орденов и медалей, на костылях и в инвалидных колясках. Можно без натяжки сказать, что это был своего рода парад-протест против разгулявшегося антисемитизма.

Фактически “Минская Яма” стала местом уничтожения не только евреев Минска и его окрестностей, а символом трагедии евреев Белоруссии, точно так же, как “Бабий Яр” – символом трагедии евреев Украины.

Вспоминаю, “топтуны” нас фиксировали, фотографировали. Но страх со временем проходил, глядя на “мятежных полковников”. “Яма” стала уличным центром, где минские евреи, стоя плечом к плечу, снова ощутили себя народом, способным постоять за себя”, – писал Геллер.

...В минской квартире моего двоюродного брата Семёна Колтова, ныне живущего в Бостоне, отмечался его юбилей. Я обменялся рукопожатием с Львом Овсищером и Наумом Альшанским. Они активно участвовали в застолье, особенно Лев Овсищер. Он по-актёрски, закатив глаза, самозабвенно цитировал “Письмо о евреях” Куприна, а затем рассказал об эпизоде, который произошёл с ним под Берлином. Этот эпизод в 90-х годах был с моей подачи обнародован в ньюйоркской газете “Еврейский Мир”.

...Война заканчивалась, гитлеровцы оказывали жесточайшее сопротивление. Овсищеру было приказано разбомбить вражескую переправу под Берлином. Она имела мощное зенитное прикрытие. Все попытки летчиков уничтожить переправу результата не дали. А тут еще в самолете Овсищера заклинило механизм бомбометания. Он начал маневрировать. Не помогает. Что делать? Не возращаться же на аэродром с таким “подарком”. И тут произошло настоящее чудо. Бомба вдруг “оторвалась” сама по себе.

Горючее было на исходе, самолет с трудом дотянул до аэродрома. Едва успел сесть, как срочно вызвали к командиру дивизии. Такая спешка ничего хорошего не предвещала. “Не на своих ли свалилась бомба?!” – пронзило. За такие вещи, случалось, и под трибунал отдавали...

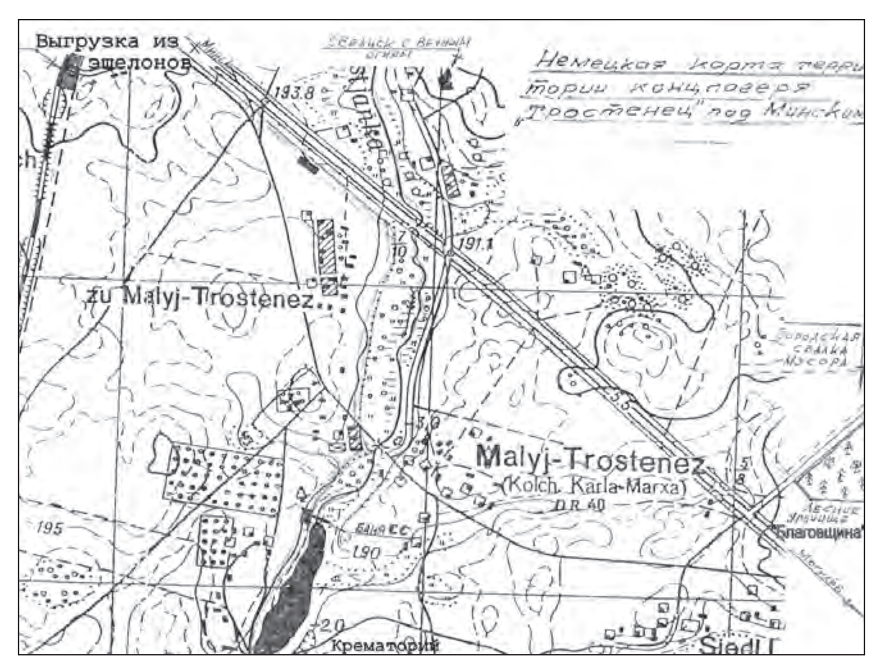
Навстречу Овсищеру вышел улыбающийся комдив. Крепко пожал руку и торжественно произнес: ”За успешное выполнение задания по ликвидации вражеской переправы вы награждаетесь орденом Красного Знамени!”

Концлагерь смерти “Тростенец”

Из концлагерей, созданных нацистами на территории республики, самым крупным по числу жертв был Тростенецкий лагерь смерти (третий в Европе), созданный под Минском в ноябре 1941 года на 11-м километре

по Могилевскому шоссе, в районе деревень Большой и Малый Тростенец. По разным источникам, в нем погибли от 206 до 546 тысяч человек. К нему была специально подтянута железнодорожная ветка.

С весны 1942 года в лагерь стали поступать составы с евреями из Германии, Австрии, Чехословакии, Франции, Польши и других стран Европы. Составы приходили по жёстко установленному графику, два раза в неделю: по вторникам и пятницам. Иноземцам даже справки выдавали, отбирая ценные вещи: мол, все это временно, поработаете в городе Благове в Белоруссии и вернетесь домой, тогда по справкам получите обратно взятые на хранение вещи. На самом деле "город Благов" – это был "иллюзорный город", представляющий собою громадные рвы в лесном урочище "Благовщина", в 500 метрах от дер. Большой Тростенец. В урочище обнаружены 34 рва, некоторые из них достигают длины до 50 и глубины до 4 метров.

Немецкая карта лагеря Тростенец

Побывавший в 1942 г. в Минске руководитель уничтожения евреев Европы оберштурмбанфюрер СС Эйхман нашёл применяемый метод истребления "неэтичным", и в ход пошли душегубки.

Я бывал в Тростенце множество раз, дважды с доктором исторических наук, профессором Э. Г. Иоффе. Мы беседовали с жителями близлежащих деревень Малый и Большой Тростенец. Они показали нам, где находились расстрельные рвы в лесном урочище "Благовщина". Там растет молодой

хвойный лес, но вся территория была изрыта – следы работы мародёров-“золотоискателей”. Деревенские мужики, вконец спившиеся, раскапывали рвы, добывая золото в виде колец, коронок, монет и.т.д. Позже к урочищу со стороны города подошла городская свалка, и гора бытового мусора высотой с двухэтажный дом нависла над местом трагедии (в настоящее время свалка для мусора закрыта).

Профессор Иоффе издал в 2000 г. брошюру “Иностранные евреи в Тростенецком лагере смерти”. В ней приводятся данные, что в урочище “Благовщина” погибли не менее 80 тысяч иностранных евреев, а также не менее 60 тысяч евреев Белоруссии, большинство из которых – узники Минского гетто.

Нам довелось разговаривать с жителями окрестных деревень, которые в ту страшную пору были детьми. Они обычно пасли коров недалеко от тех рвов. Однажды, когда душубки уехали, ребята заинтересовались, что же там происходит. Перед ними раскрылась страшная картина: ров был заполнен массой человеческих тел, некоторые “шевелились”.

Слушая рассказы о том, что происходило на этом месте во время войны, и видя то, что происходит сейчас (конец 80-х), нельзя было оставаться равнодушным и удержаться от слез. Тогда я испытал в полной мере ощущение горечи, боли и обиды за своих соплеменников, которые допустили надругательство над памятью в виде свалки.

В настоящее время ничего не изменилось. Картина прежняя. На месте трагедии нет даже соответствующего знака.

Обелиск, установленный по указке чиновников на холме, удобном для обозрения, расположен примерно в 1.5 км от места трагедии. На нем начертаны слова, не отвечающие в полной мере тому, что происходило на самом деле в районе Тростенца: “Мы – тысячи жертв, что в пламя костров фашисты бросали на Тростенецком поле, обращаемся к вам, сестры и братья: сражайтесь за мир и берегите волю!»

Сюда, к этому формально возведенному обелиску, и привозят минские экскурсоводы группы отечественных и иностранных туристов. При этом в основном замалчивается вопрос об уничтожении в Тростенецком лагере смерти минских евреев, не говоря уже о евреях из ряда государств Западной Европы.

В районе Тростенца имеется урочище Шашково, в котором осенью 1943 года был сооружен крематорий. Урочище расположено справа от Могилевского щоссе.

В институте истории Академии наук в Минске мне удалось раздобыть немецкую карту территории Тростенецкого лагеря.

Сколько на самом деле погибло людей в районе Тростенца, пожадуй,

известно одному Богу, обращаясь к которому, в объятом пламенем доме, Иосель Роковер, один из последних защитников Варшавского гетто, написал: “Но скажи мне, есть ли на земле грех, заслуживающий такого наказания, которому подвергнуты мы. Ведь вправе мы знать, где кончается твое долготерпение...”

Памятники сооружаются не для усопших. Им они ни к чему. Их устанавливают для живущих, для нашей памяти, для связи покалений. Во все времена и у всех народов всегда помнили и чтили своих предков, сооружали памятники в местах национальных трагедий. Если этого не делать, если память предать забвению, то история может повториться.

В связи с этим представляется просто необходимым сделать все от нас зависящее, чтобы создать, на этой политой обильной кровью земле Мемориал, адекватный масштабу происшедшей трагедии. Мемориал, в котором достойно была бы отдана дань памяти и евреям, и белорусам, которые жили в мире и дружбе на протяжении столетий.

Ведь столько есть еврейских организаций, носящих название “всемирных” и “белорусских”: кому, если не им, заняться этим благородным делом. От этого не должна стоять в стороне и Республика Беларусь, на земле которой произошла трагдия.

В сооружении Мемориала должны принять участие Германия, принесшая нашим народам столько горя и страданий, а также страны Европы, чьи граждане были уничтожены на белорусской земле, государство Израиль, где проживает большая алия из Беларуси...

Между прочим, будучи в Лос-Анджелесе, я посетил еврейское кладбище, на котором сооружён мемориал с вечным огнём, и в ряду таких концлагерей, как Освенцим, Майданек, Треблинка, Бухенвальд, представлен и Тростенец. Меня это поразило: “Почему здесь, а не там?”

В 1993 году, перед самым отъездом в Америку, я написал стихотворение, посвящённое концлагеру Тростенец, и озвучил его на митинге, органиованном Леонидом Левиным непосредственно на месте трагедии:

Под самым Минском – в Тростенце,
Ничто не говорит нам о войне.
А обелиск, стоящий на холме,
Он от расстрела места в стороне.

Сюда, в ту страшную годину,
Со всей Европы шли всё поезда.
Они везли евреев в Благовщину,
Везли навечно, в бездну, “в никуда”.

В урочище, что звали “Благовщина”,
Фашисты смерть пустили на поток.
Во рвах евреев Минска, Вены и Берлина
Бульдозер уплотнял словно каток.

Давайте же вернём из небытья
Всех тех, чей прах в районе Тростенца!

Часть четвертая

ЭМИГРАЦИЯ В США

Здравствуй, Америка

13 августа 1993 года я с семьёй эмигрировал в Соединенные Штаты. Дочка Аня не могла присоединиться, так как была беременна. Она родила дочку в день нашего прилёта в Нью-Йорк. Девочку назвали Линдой.

Аня вынужденно оставила Линду у мужа и его родителей с тем, чтобы из Америки добиваться разрешения на их въезд в страну на постоянное жительство так как разрешение на въезд имела только она. В конце концов Анина семья воссоединилась.

Итак, на шестьдесят первом году жизни я начал по сути новую жизнь. Как шутили по такому поводу бывалые иммигранты, приехал, с одной стороны, слишком поздно, с другой, слишком рано – имелось в виду пособие SSI, которые обычно дают в Штатах малоимущим по достижении ими 65 лет.

При этом замечу, что я уже кое-что знал об Америке, один раз побывал здесь, в общих чертах представлял здешнюю жизнь. Во всяком случае, мне так казалось. Но недаром существует известный анекдот: не путайте туризм с эмиграцией.

Я верил в то, что смогу в Америке работать. Ну, пусть не совсем по специальности...Действительность оказалась совсем иной, мои иллюзии быстро развеялись.

Все упиралось не столько даже в солидный возраст, сколько в незнание английского языка. Я проучился три семестра в Туро-колледже – язык упорно не давался. Подводила не только память, но и слух. Обратился к врачу – тест показал значительную потерю восприятия высоких частот. Слышал, например, как идут электронные часы, но не слышал телефонных звонков. Врач прямо сказал: “У вас поврежден слуховой нерв и вы должны с этим смириться.”

Короче, с мечтой вскорости мало-мальски заговорить на английском, начать объясняться с окружающими и понимать, что они мне говорят, пришлось расстаться. И я понял, что инженерной работы мне не видать.

Создание Ассоциации узников

Приехав в Америку, будучи членом правления Ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей в Минске, я, естественно, искал встречи со своими земляками. Неожиданно, развернув газету “Еврейский Мир”, читаю объявление:

Заседание оргкомитета по созданию Ассоциации узников гетто

“Выходцам из Белоруссии! Дорогие земляки!...Организация белорусских евреев Америки проводит 24 октября 1993 г. вечер памяти, посвященный 50-летию катастрофы евреев Белоруссии, по адресу: 321 Ave. N Jewish Community Center. Дополнительная информация по телефонам: Евгений, Давид, Иосиф”.

На мой звонок по первому телефону ответил Евгений Геллер. (Я заочно знал его по Минску как ведущего телепрограммы “Нас вызывает Спортландия”). Обменялись мнениями по поводу предстоящей встречи. В назначенное время иду на “Вечер памяти”. Уже на подходе увидел форменное столпотворение. Для регистрации нужно было буквально протискиваться. Стало очевидно, что такая встреча назрела, и выходцы из Беларуссии уже давно её ждали. Нас объединила и поставила рядом память о Катастрофе и кровь роднывх и близких, которой обильно полита белорусская земля. Польский писатель, еврей по происхождению, Юлиан Тувим прекрасно сказал об этом: “Нас объединяет не та кровь, которая течёт в наших жилах, а та кровь, которая вытекает из наших жил”.

Люди в зале узнавали друг друга. Встретил и я несколько знакомых по Минску и даже двух глусчан. Познакомился с Евгением Геллером, Давидом Мельцером и Иосифом Левиным. На встречу собралось около 700 человек.

К участникам митинга с приветственным словом обратился сотрудник посольства Израиля в США Даниэл Леви, а затем с докладом по теме выступил доктор исторических наук, профессор Давид Мельцер.

Проведённое собрание явилось прелюдией к созданию Ассоциации узников гетто и концлагерей из бывшего СССР. Многие видели в новой организации оплот, который бы позволил им, по преимуществу пожилым

Иосиф Левин и автор

людям, недавним иммигрантам, слабо ориентирующимся в американских реалиях, лучше адаптироваться в новую жизнь.

Узники рассчитывали на реальную поддержку. В ней нуждались все. Да и вместе, сообща обсуждать возникающие проблемы легче. Дух коллективизма, не выветрившийся из бывших советских людей, побуждал к объединению. В общем, все были полны энтузиазма и надежд.

Уместно будет напомнить, что годом раньше с участием Мориса Шустера, Евгения Геллера, Давида Мельцера была создана Всемирная организация белорусских евреев из бывшего СССР. Под таким громким названием она просуществовала недолго и первыми, названными выше тремя лицами, была создана новая организация: “Объединённая Ассоциация евреев – выходцев из стран Восточной Европы”. Именно она явилась той стартовой площадкой, на основе которой, в конечном итоге, с привлечением Иосифа Левина – узника Ивьевского гетто, и была создана Ассоциация узников гетто и концлагерей из бывшего СССР.

Моя прошлая жизнь и языковый барьер в общении с американцами вольно или невольно побуждали меня искать и находить контакты “со своими”, тем более, когда речь шла о создании Ассоциации с таким названием. И я, несмотря на то, что прошло только два месяца со времени моего приезда в Америку, включился в эту работу.

20 марта 1994 г. в синагоге по Homecrest Ave. под началом Иосифа Левина состоялось первое заседание оргкомитета из 15 человек по подготовке собрания с целью рождения Асоциации. Собрание предлагалось провести 17 апреля. Давид Мельцер зачитал основные положения устава Ассоциации. Каждому члену оргкомитета были даны конкретные поручения.

Моё участие в митингах памяти Минского гетто и Бабьего Яра

На втором заседании оргкомитета, состоявшемся 3 апреля, был оглашён список кандидатов в члены правления, который должен быть вынесен на собрание для голосования. Евкений Геллер предложил мою кандидатуру в президенты, но я взял самоотвод и предложил кандидатуру Иосифа Левина, так как считал, что он, будучи инициатором создания Ассоциации, живя более 20 лет в Америке, владея английским языком, лучше подготовлен к предстоящей работе. Предложение поддержали, а

меня утвердили кандидатом на должность вице-президента. Избранное правление должно было в дальнейшем избрать прямым голосованием руководство Ассоциации. Был одобрен план проведения собрания. Иосиф Левин предложил его вести мне.

Итак, 17 апреля 1994 г. на собрании, на котором присутвовало около 400 человек, бала создана Ассоциация узников гетто и концлагерей из бывшего СССР. Её президентом был избран Иосиф Левин, вице-президентом – Юлий Айзенштат, казначеем – Семён Буслович, секретарём – София Штеренберг.

В состав правления были также избраны Майя Александрова, Майя Зильберглит, Сима Будман, Фаина Рыжикова, Яков Зельцер и другие. Прошу прощения у тех достойных людей, чьи фамилии не назвал. А вот некоторые "активисты", которых в то время я вообще не знал и не видел, сейчас в своих интервью рассказывают, что именно они якобы стояли у истоков создания Ассоциации.

У нас, как говорится, не было ни кола, ни двора. Ни помещения, ни денег, ни телефона, ни счёта в банке. Пришлось все начинать с нуля. Приняли решение собирать членские взносы, из расчёта $1 в месяц и $3 вступительных, а с работающих - $2 в месяц. Находили спонсоров в медицинских офисах. Президент договорился с конгрессменом штата Нью-Йорк Франком Барбаро, и тот любезно предоставил нам помещение с телефоном в своём офисе на Кингс хайвей. Здесь правление собираясь дважды в неделю. Был создан комитет по окозанию социальной помощи узникам. Приобрели диктофоны для записи воспоминаний узников и видеокамеру. Было приобретено приспособление для изготовления удостоверений, которые персонально вручались членам Ассоциации.

Достигли также договорённости с фондом Стивена Спилберга, чтобы его сотрудники брали видеоинтервью у узников. Первым дал интервью дважды узник (гетто и ГУЛАГа) Иосиф Левин. Следом по представленному нами списку специально подготовленные команды от фонда брали интервью, приходя непосредственно на дом к узникам. Относительно в короткие сроки эта работа была проведена. Таким образом, пережитое нами не должно было кануть в Лету, а – сохранено для грядущих покалений, не зарастая травою забвения.

5 марта 1995 г.была проведена встреча узников, посвящённая еврейскому празднику Пурим, совпавшему по времени с первой годовщиной нашей Ассоциации, которая постепенно набирала силу и выросла до 687 человек.

Непринужденную атмосферу для собравшися в синагоге создал лауреат Всеамериканского конкурса еврейской песни Юлий Хотимский. Президент Иосиф Левин, члены правления, представитель синагоги Шая

Фаерман и другие выступающие поздравили с праздником освобождения нашего народа. Собравшиеся с удовольствием лакомились угощением, танцевали и пели. Для прошедших через Холокост и их близких эта встреча на американской земле, возможно, впервые стала символом победы добра над злом, исторической справедливости и силы духа еврейского народа.

Ассоциация продолжала и далее набирать силу. Мы обосновались в офисе доктора Ллойда Бейма на углу Оушен Парквей и Фостер.

Правлением было принято решение ежегодно отмечать Дни памяти Минского гетто и Бабьего Яра...

К огромному сожалению, летом 1996 г. Иосиф Левин неожиданно умер и президентом становится Ллойд Бейм. Он оказался “несчастливым” президентом – через непродолжительное время оказался в тюрьме за дела, не связанные с деятельностью нашей Ассоциации. Попал за решетку за старые грехи...

Поработав ещё некоторое время с прежним составом правления, я подал заявление об освобождении меня по семейным обстоятельствам от должности вице-президента. Должность президента осталась свободной, правление избрало двух вице-президентов –Савелия Каплинского и Жанну Берину.

В то время я даже представить себе не мог, какие скандалы, дрязги и склоки начнут в дальнейшем сотрясать Ассоциацию узников, во что может вылиться противостояние отдельных ее группировок. Планирую написать отдельную книгу об этом, в которой не обойду острые углы. По сути, по одному и тому же сценарию произошел раскол русскоязычных организаций Америки в Нью-Йорке: Ассоциации ветеранов и инвалидов войны из бывшего СССР, Ассоциации евреев из бывшего Советского Союза. Завершило это действо Ассоциация узников гетто и концлагерей из бывшего СССР.

Вместе с тем я просто не могу не сказать несколько добрых слов об Иосифе Левине – незаслуженно забытом человеке, моём земляке из местечка Ивье, раположенном на западе Республики Беларусь. Мне посчастливилось с ним общаться, и я понял, какой это замечательный человек, что он личность. А как известно, личностью не рождаются – ею становятся.

У Есенина есть такие строки: “Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи”. Со времени, когда Левина не стало, прошло уже более 15 лет. С высоты прошедших лет я ещё больше ценю его как человека, который, подобно лермонтовскому Мцыри, “знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть”. И эта его страсть заключалась в том, чтобы рассказать об издевательствах и унижениях, зверствах и расстрелах, о том горе, которое постигло наш народ. И он истово старался исполнить завет своей совести. И он торопился, как бы чувствуя, что времени ему отпущено не так много.

Наш первый президент, испытав фашистский геноцид и сталинский ГУЛАГ, не очерствел душой, которая была открыта для всех, кто нуждался в сочувствии и помощи. К нему шли и шли люди и уходили, согретые его добротой и участием.

...После присоединения Западной Белоруссии к Советскому Союзу большая семья Левина была выселена из их просторного дома в маленькое строение. Иосиф дважды обращался в военкомат с просьбой о призыве в армию. Его не брали. Препятствием становились непролетарское происхождение и взгляды (сын торговки, "западник", общался и дружил с поляками и другими иностранцами). Чудом ему удалось уцелеть в момент, когда всю их маленькую еврейскую общину Ивье немцы уничтожили. Только его близких и дальних родственников было убито более 50 человек.

Сосед Юзефович помог Иосифу укрыться. Несколько раз Иосиф пытался добраться до партизан и влиться в отряд, но тщетно. Командир отряда говорил, что не может принять его в отряд без оружия.

В 1948-м его вызвали в НКВД и обвинили в участии в заговоре против советской власти... Так Левин попал на Колыму, где провел в лагере более пять лет.

Выйдя из лагеря после смерти Сталина, он подал документы на выезд в Польшу на постоянное жительство. Его вновь посадили в тюрьму по обвинению в антисоветской агитации.

Покинул СССР Иосиф в 1973 году. Жил и работал в Америке. Необходимость создания организации узников гетто и концлагерей из бывшего СССР буквально витала в воздухе. Он это почувствовал, став закопёрщиком её создания, и блестяще справился с этой задачей.

Приходится только сожалеть, что Всевышний не продлил ему жизнь, хотя бы ещё на пяток лет, тогда бы, пожалуй, и Ассоциация сохранила бы свое единство.

Вечная тебе память, дорогой мой белорусский земляк из местечка Ивье!

Думаю, что будет уместным рассказать и о другой неординарной личности – Аркадии Григорьевиче Волкове.

Аркадий Волков

Мы совершенно случайно встретились в Бруклине. И не где-нибудь, а в синагоге.

Я обратил внимание на человека, держащего газету "Гродненская правда". Само по себе это было неожиданно, да еще фотография, на которой, присмотревшись, я увидел знакомые лица.

– Откуда у вас эта газета? – спросил я.

– А что вас заинтересовало? – в свою очередь, спросил державший газету.

– На снимках вижу Павловского и Волкова.

– Да? И вы меня не узнаете?

– Нет..., – не слишком уверенно, глядя на него, ответил я.

– Я – Волков, – и он рассмеялся.

А.Г. Волков и автор

Удивительна судьба этого человека. Одессит, младший из шести детей, большевики отняли у его отца две мельницы, сделали лишенцем. Аркадий Лефтман с 15 лет слесарил на заводе. В 40-м был призван в армию, служил в Витебске. В начале войны под Жлобином, будучи легко контуженным, вместе с комбатом Панкратовым оказался в плену у немцев. Пленных поместили в концлагерь в Бобруйской крепости. Там на построении немцы дали команду коммунистам и "юден" выйти из строя. Волков, не успев сделать шаг, был остановлен стоящим рядом с ним Панкратовым со словами: "Ты куда, Волков?". Аркадий всё понял.

Так Лефтман стал Волковым, что спасло ему жизнь: вышедших из строя тут же расстреляли. А его никто не выдал.

Побег из крепости осуществили в июле 1941 года 15 военнопленных, уцелели только трое, и Волков в их числе. А дальше – встреча с партизанами Полесья. И началась его партизанская биография... Тогда мы, отец и я, и познакомились с ним.

В то время мы и понятия не имели о его настоящей фамилии и национальной принадлежности. Для всех он был Волковым. С этой новой фамилией он пошел дальше по жизни. А рассказал мне Аркадий Григорьевич эту историю в синагоге в тот же день, когда мы встретились.

В Балте погибли его родные и близкие, и он сполна отомстил врагам за их злодеяния.

В характеристике, подписанной командиром Полесского партизанского соединения И. Ветровым, написано: “Тов. Волков А.Г. – организатор трёх партизанских отрядов. Отряд, которым командовал тов. Волков А.Г., был боевым отрядом. На своём счету имеет спущенных под откос 35 воинских эшелонов, 2000 подорванных рельс, сотни убитых и раненых гитлеровцев.

Сам лично тов. Волков пустил под откос восемь вражеских эшелонов и два было подожжено с живой силой противника. Как командир отряда, всегда был впереди, во всех проводимых операциях принимал личное участие”.

В послевоенные годы Аркадий Григорьевич работал в Гродно директором рыбоперерабатывающего завода. Возможно, это стало причиной того, что он был отменным рыбаком. Мы с ним вместе рыбачили, и я убедился в этом.

В декабре 2000 года я был рад поздравить его с 80-леним юбилем. Последние годы Аркадий сильно болел, и сын забрал еге к себе в Сан-Франциско, где он и умер.

Да будет земля пухом – этому легендарному партизанскому командиру на белорусской земле Аркадию Григорьевичу Волкову-Лефтману из Одессы.

Встреча длиною в жизнь

Пути Г-сподни неисповедимы. Поразбросала нас, евреев, жизнь по разным странам и континентам. Между тем, тяга человека к своим корням так же естественна, как и его тяга к небу, к Богу.

И вот мы всретились, ничего не зная друг о друге: две двоюродных сестры (обе по имени Хелен), родившиеся в Канаде, в Торонто, и я с дочерью Леной (тоже Хелен), родившиеся в Белоруссии. Как видно из генеалогического древа фамилии Айзенштат, канадская ветвь в лице Ейсофа и Фейгл (брата и сестры моего отца) перед самым началом 1-й Мировой войны в 1914 году уехали в Америку молодыми людьми искать счастья. Судьба забросила их в Канаду.Я решил найти их следы или следы их детей – ведь это родная кровь.

Все обращения в Красный Крест и другие организации, занимающиеся вопросами объединения семей, оказались безрезультатными. Тогда я с дочерью Леной разработали свой план поиска, используя архивные справочники Центральной Манхэттенской библиотеки. И этот план привел нас к успеху, хотя поиск был сопряжен с трудностями – так, дочь Ейсофа,

выйдя замуж, приняла фамилию мужа – Яновер, а у дочери Фейгл в итоге оказалась фамилия Теппер... С мужчинами в этом плане дело обстоит гораздо проще.

Тот самый подсвечник. С дочерью Ейсофа – Хелен и её мужем Полом

Тот самый подсвечник. С дочерью Фейгл – Хелен Теппер

...И вот результате поиска мы впервые увидели друг друга в Торонто. Сказать, что встреча на канадской земле выдалась теплой и радостной, – значит, ничего не сказать. Я впервые держал в руках фотографии родных людей. Вопросы, вопросы... Общались с трудом на идиш. Я взял с собой в Торонто единственную фамильную реликвию, привезенную из Глуска, – подсвечник. Огонь свечи согревал наши души...

Меня просили рассказать, как удалось спастись во время войны.

Рассказ вышел тяжелым и горьким. Я вкратце поведал то, что читатели этих воспоминаний уже знают. Были названы имена погибших в гетто родственников.

Муж Хелен Яновер – Пол, работавший долгие годы диктором канадского радиовещания, оказался интересным рассказчиком. Я узнал историю жизни его тестя. Ейсоф, оказывается, добровольцем вступил в интернациональный легион и сражался в Палестине за независимость Израиля, в бою под Яффой был ранен. Рассказ Пола прозвучал у могилы его героического тестя – моего дяди.

Семья Пола и Хелен Яновер

Когда уехали в Америку Ейсоф и Фейгл, моему отцу было десять лет. Он их помнил и мечтал встретиться с ними. Его мечту удалось осуществить мне. К сожалению, виртуальная встреча с ними состоялась на клабище. Но зато мы с Леной вживую познакомились с их наследниками – дочерьми и внуками.

Когда мы прощались я спросил у Хелен Яновер:

– Так сколько же лет мы не виделись?

– Целую жизнь! – ответила она.

При входе на еврейское кладбище в Глуске расположены две могилы с общей оградой. Здесь покоятся мой отец Нохим, младший брат Ейсофа и Фейгл, и их старший брат Гирша. В память о них я написал такие строки:

Две речки в Глуске, два моста,
Могилы две, два обелиска.
Одной оградой взяты в плен
Два имени, таких нам близких.
Наш дядя Гирш был самым старшим,

Отец наш младшим был в семье.
Вот так замкнули поколенье
Одной оградой на земле.

**Я с Полом Яновером на могиле Ейсофа Айзенштата.
Торонто, конец 90-х**

**На могилах Нохима и Гирши,
обнесённых общей оградой, 1976 г.**

И, наконец, еще об одной интересной встрече.

На ежегодном траурном митинге в Манхэттене от имени американского правительства при президенте Билле Клинтоне выступал заместитель министра финансов Стюарт Айзенштат с докладом, посвященном Катастрофе европейского еврейства. После окончания митинга я подошел к нему и, представившись, спросил: “Не белорусские ли у Вас корни?” Его, видимо, мой вопрос заинтерессовал, и он ответил, что его дедушка приехал в Америку в 1904 году из Белоруссии и назвал деревню Загалье

(это примерно в 20-ти километрах от Глуска). И далее продолжил, что, будучи в Минске, наводил справки, но ему не удалось найти там кого-то из дальних роственников.

Общаться с ним мне было трудно, а на мамэ-лошн он не говорил. На прощание он дал мне свою визитную карточку. По сведениям, полученным от глусковчан из Израиля, дедушка Стюарта, скорее всего, относился к другой ветви нашей фамилии.

Но в любом случае приятно иметь такого земляка, который, кроме всего прочего, принимал самое непосредственноме участие в заключении соглашений с Германией и Швейцарией, касающихся выплаты компенсаций жертвам Холокоста. Он и в настоящее время продолжает эту работу. Не случайно Германия наградила его Рыцарским крестом “За заслуги”.

Опять работа

Сидеть без дела я не привык, к тому же получаемых на первых порах от государства средств, положенных иммигрантам в статусе беженцев, едва хватало. Правда, кое-какие средства имелись – я успел продать перед отъездом квартиру, дачу, гараж, однако эти деньги через года полтора растаяли, и я стал искать применение своим силам и хоть какой-то заработок.

Так как участие в делах Ассоциации отнимало много времени, я подал заявление в правление об освобождении меня от обязанности вице-президента.

Я жил на 67-й стрит рядом с Боро-Парком, густо концентрированным ньюйоркским районом ортодоксальных евреев. Многие хасиды владели идиш, это мне было наруку – я тоже в достаточной мере знал мамэ-лошн.

Однажды я обратил внимание, что буквально рядом с нашим домом в нежилом здании работают хасиды. Подождав, когда из здания вышел один из них, я обратился к нему на идиш:

– Живу здесь рядом с вами и ищу работу.

– Что ты умеешь делать? – спросил он.

– Я по профессии инженер, в Союзе своими руками построил себе дачу...

– У меня сейчас нет времени. Зайди ко мне вечером часов в пять.

В назначенное время звоню. Молодой еврей в ермолке открывает дверь. Вижу большущий зал, заполненный ящиками, и сидящих за компьютерами двух людей с пейсами, один из которых “мой знакомый”, которого зовут Джозеф. Оказвается, он хозяин этой компании. Я ответил на вопросы, откуда приехал и с кем. Оба, Джозеф и его коллега, родились в Америке. Их родители приехали сюда из Венгрии после освобождения из Освенцима. В общем, поговорили и перешли к делу.

Задание оказалось для меня не очень сложным.

– Ты сможешь выгородить небольшое конторское помещение в общем зале? – спросил хозяин.

– Постараюсь. Но у меня нет инструментов.

– Мы тебя всем обеспечим. Будем платить пять долларов в час. Если устраивает – берись за дело.

Согласовав желаемые размеры помещения с учётом использования единственного окна, я вычертил план размещения офиса внутри общего зала и определил, какие материалы мне понадобятся.

Далее я имел в основном дело с Элли, компаньоном президента по бизнесу. Он заказал материалы, снабдил электродрелью, электропилой и разной мелочёвкой, и я приступил к работе. Благо консультанты были рядом, охотно отвечали по ходу дела на мои вопросы, не вмешиваясь в стоительный процесс. Они занимались своим бизнесом, я – своим.

Отправляясь за ланчем, они в первый раз спросили у меня, что мне заказать. Я ответил: "Главное, чтобы было кошер". Они почему-то заулыбались.

Когда каркас с полностью укомплектованной входной дверью был поставлен, Элли пригласил электрика, который протянул внутри необходимую проводку. Далее всё было делом техники: я обшил каркас сухой штукатуркой, зашпаклевал, покрасил, прибил плинтусы, восстановил подвесной потолок и дело с концом. Как говорят: "Конец – делу венец". Но "конца" не наступило.

Элли был вальяжным, полным, не лишённым юмора молодым человеком. Мне было с ним легко и просто. Каждую пятницу он вручал мне конверт с деньгами. Иногда по воскресеньям приглашал меня к себе домой или к жене в магазин тканей, который находился на 18-й авеню, для ремонта мебели, стеллажей и прочего. Я не отказывался, так как только рент моей квартиры составлял в месяц $1250.

Джозеф был полной противоположностью Элли. Худощавый, подтянутый, почти всегда сосредоточенный и весь в своём бизнесе.

Парень с небольшими рыжими пейсами занимался в основном оформлением почтовых отправлений (баксов) в другие штаты, помогал выполнять погрузо-разгрузочные работы: оборот у компании был немалый. Звали его Ёси. По характеру он был молчаливый и, как показалось мне, с хитрецой.

Фирма из трёх человек ничего не производила: была посреднической. Она принимала оптом товары фирмы "Панасоник" и частично "Сони" и распределяла их по заявкам магазинов электротоваров, начисляя себе за работу какой-то процент. Ассортимент электротоваров включал в себя сотни наименований, от телевизоров и видеомагнитофонов до кассет и батареек.

После завершения “офисных” работ Джозеф с Элли предложили мне на тех же условиях выполнять работу кладовщика, т.е. принимаять поступающие товары и по выдаваемым мне накладным формировать партии для отправки заказчикам. Поскольку ничего другого мне не светило, я стал наводить порядок в царящем хаосе, сооружая стеллажи и размещая товары строго по ассортименту. Бывало, небольшие партии развозил заказчикам сам.

К офису до границы с соседями примыкала заросшая бурьяном и засорённая битым стеклом и камнями небольшая территория. Соседи постоянно выражали своё недовольство Джозефу и Элли царившим там беспорядком. Я предложил своим боссам устроить газон с цветами, как это сделано у соседей, при условии, что они вывезут собранный мною мусор и вместо него завезут растительную землю.

Они одобрили моё предложение. Мы с Элли поехали и купили необходимый инвентарь и ручную бензиновую газонокосилку. Устройство газона и посадка цветов заняли немного времени..

По моей просьбе мне разрешили разбить в сторонке небольшую грядку, где я посадил привезённые из Белоруссии семена помидоров сорта “Огонёк”. Достоинство их заключалось в том, что они имели крепкий стебель, на котором с ранней весны и до поздней осени образовывались всё новые соцветия с обильным плодоношением. А главное, помидоры, будучи небольшими по размеру, имели необычайный запах и вкус, несравнимый, конечно же, с тем, что мы покупаем в здешних магазинах.

Если раньше боссы встречались с представителями фирм “Панасоник” и “Сони” в ресторане, то очередные встречи они стали проводить непосредственно на благоухающем зеленью и цветами ярде (дворе), заранее закупив всё необходимое для встречи.

Все были довольны, особенно соседи. Они даже подарили мне саженцы апельсинового дерева и инжира, посадить которые мне разрешили мои хозяева.

Так прошли три года. Мне стало казаться, что за выполняемую работу я должен получать больше чем $5 в час. И в один из дней, когда мы были одни, я сказал Джозефу, что, испытывая материальные затруднения, искал и нашёл другую работу. Заранее продумал ответы на возможные вопросы. Я был уверен, что меня не отпустят. И вдруг босс ошарашил меня неожиданным вопросом:

– Когда ты хочешь уйти?

– Как лучше будет для вас. Или сегодня, или в конце недели, – промямлил я.

– Хорошо! Давай в конце недели.

В пятницу со мной рассчитались и я, поблагодарив всех, со словами “а гутун айх шабес” (“хорошей вам субботы”) неожиданно для себя самого покинул офис, не имея пока никакой другой работы. В общем, перехитрил самого себя... Новую работу я нашёл в магазине типа “1000 мелочей” по той же 13-й авеню и с прежней оплатой, но работа была для меня неинтересной. В общем поменял “ быка на индыка”. Просто не работать я не мог.

Примерно через три месяца вдруг звонит Элли и просит зайти в офис. Есть, мол, разговор. На мой вопрос, о чём, он ответил, что об этом лучше поговорить при встрече. Я ответил, что смогу зайти только через пару дней. И вот звоню в дверь. Захожу. Здороваюсь. Джозеф с хода обращается ко мне:

– Мы хотим, чтобы ты вернулся к нам.

– Но я же работаю!

– Сколько тебе там платят?

– 8 долларов.

– Мы тебе дадим девять!

– Хорошо. Я подумаю и завтра позвоню.

Значит, заело... Тем двоим молодым парням с пейсами, которых они наняли вместо меня, наверняка платили больше, чем мне, а толку, видно, от них было меньше.

На следующий день я позвонил Джозефу и сказал, что согласен вернуться.

Итак, спустя три месяца я вернулся на прежнее место работы и занимался с удовольствием тем, чем и раньше. Таким образом, “статус кво” был восстановлен, но несколько с другим паритетом. Так я проработал ещё года два, пока не травмировал руку, упав, поскользнувшись, на металлической лестнице, ведущей в бейсмент.

...Я уже забыл, что заполнял “аппликейшен” на розыгрыш субсидированных квартир по лотерее в строящемся доме в районе Маймонидис-госпиталя, когда вдруг получил письмо, что мы выиграли квартиру. Поскольку жена устроиться на работу так и не смогла, а проживание с детьми в доме запрещалось, я предложил ей поселиться вдвоём в этой кватире, а сыну и бабушке снять рядом менее дорогую квартиру до лучших времен. Она не согласилась. Однако, чтобы не терять квартиру, мы договорились, что я поселюсь в ней, а она с сыном объединится с мамой.

...Живя в Боро-парке, я посадил под окном своей квартиры на первом этаже саженец берёзки высотой, примерно, метр и толщиной с палец. Она росла, как на дрожжах, и спустя годы белоствольную красавицу не обхватить было кистями рук. Своим цветом, обликом и статью независимо от времени года она доставляла огромную радость. Однажды зимой она

предстала передо мною вся покрытая льдинками, которые под дуновением лёгкого ветерка, озаряемые лучами восходящего солнца, искрились разноцветьем. Эта картина не оставила меня равнодушным, и я под впечатлением этого волшебного действа посвятил ей такие строки:

Серебряной капелью
Украсил берёзку мороз,
И в душу мою метелью
Волненье и радость принёс.

Ты – моя берёзка.
Ты – моя отрада.
Оторвать не смею
От тебя я взгляда.

Что ветвями машешь
Каждый день мне снова?
Почему не молвишь
Хоть одно лишь слово?

Вот весна наступит,
Наденешь серёжки,
И предтечей листьев
Округлятся почки.

Нам бы эсперанто
Овладеть с тобою,
Может, ты бы стала
Говорить со мною?!

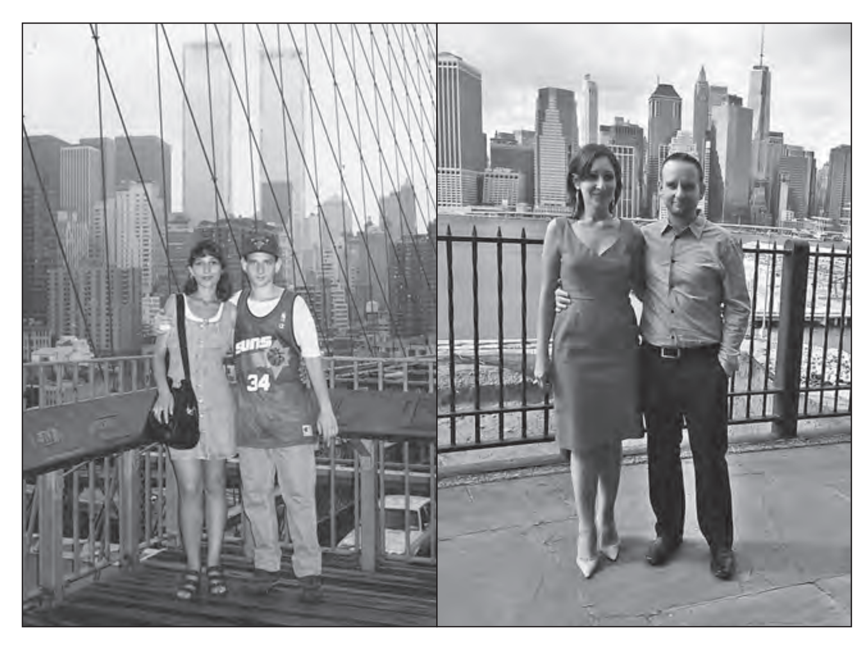
Так давай же думать,
Как общаться будем,
Чтоб про жизнь берёзок
Рассказал я людям.

11-го сентября 2001 года

В этот погожий солнечный день с самого утра я с друзьями находился на пирсе в районе Бей- Ридж, откуда на фоне статуи Свободы раскрывается неповторимая панорама Нижнего Манхэттена с башнями-близнецами Всемирнрго торгового центра. Сюда приходят не только молодожёны и

жители Нью-Йорка целыми семьями, но и многочиленные туристы, чтобы запечатлеть себя на фоне этого великолепия.

Ничто не предвещало беды. Мы были увлечены рыбалкой и не заметили, как в верхнюю часть северной башни «Близнецов» врезался самолёт. Обратили внимание на клубы дыма, считая, что произошёл пожар. Стали наблюдать за происходящим. Спустя непродолжительное время увидели, как промелькнувший самолёт буквально протаранил южную башню. Мы были в шоке от происшедшей трагедии, видя как следом за южной башней рухнула и северная.

Мои дети Аня и Виктор на фоне Башен-близнецов в 1995 г.

Они же 18 лет спустя на фоне «Башни Свободы»

В газете «НРС» от 10.12.2001 была напечатана моя статья «Я – за восстановление башен!». Статья заканчивалась такими словами: «Под ногами террористов должна гореть и рушиться земля, как горели и рушились башни в Манхэттене. Об этом моё стихотворение, написанное по горячим следам в 2001 году.

УДАРОМ НА УДАР!

Две башни, два самолёта,
За «близнецами» идёт охота.
Не думал никто, не гадал,

Что будет таким вот финал.
Не стало в Манхэттене башен,
Чьим обликом был он украшен.

В беспечности жила страна,
Теракт прозевала она.
Где же были ФБР и ЦРУ,
Когда «рыли» арабы нору?
За всё в жизни нужно платить,
И врагам за теракт отомстить!

За просчёты и гибель людей:
Женщин, мужчин и детей,
Во многих странах других
Снимают министров своих,
И ставят на место смещённых,
Достойных и в дело влюблённых.

Террористам объявим «джихад»,
Чтоб жизнь превратилась их в ад.
За серию злобных атак –
Убивать надо этих собак.
Искать их нужно в Ливане,
И в Сирии и в Судане,
В Ираке, Афганистане,
В пещерах, ущельях, горах –
Будет нашей победа, их крах!

Взметнутся вновь ввысь «близнецы»,
Мы жизни своей кузнецы.
И вернётся она на свою колею,
Время вылечит боль и твою, и мою.
А Всевышнего вместе будем просить:
«Сделай мирной планету, чтоб счастливо жить!»

Когда в 1977 году закончилось строительство башен-близнецов ВТЦ, они стали таким же символом Нью-Йорка, как Эйфелева башня – символом Парижа.

В 1994 году контрразведка Франции предотвратила намеченный арабскими терористами разрушительный удар самолётом по Эйфелевой башне. Но то, что удалось сделать Франции – шесть лет спустя не удалось

сделать Америке против исламских фундаменталистов, разрушивших всё-таки тем же способом символ Нью-Йорка.

Как стало известно в дальнейшем, у правительства было достаточно данных, чтобы предотвратить трагедию, в результате которой погибло около 3000 человек. В связи с этим, я заменил позже четыре последние строчки второго куплета, которые звучали так:

«Зато узнала сполна ,
Как Моника с Биллом жила,
И не где-нибудь на планете,
А в овальном его кабинете».

Поеле чудовищного теракта в СМИ было обнародовано много предложений, что следует строить на месте разрушенного ВТЦ.

В итоге проведенного Всемирного конкурса жюри единогласно проголосовало за проект архитектора Даниэля Либескинда, предсталяющий башню в виде птичьего пера, вокруг которого вырастут высотные здания.

В десятую годовщину трагедии 9/11 на месте знаменитых башен был открыт мемориал Ground Zero, представляющий два квадратных басссейна с самыми большими водопадами в США, сделанными руками человека. Они символизируют утрату жизни и физическую пустоту, вызванную террористическими атаками.

В настоящее время полным ходом ведутся работы по завершению строительства новой башни высотою 541 метр, названной «Башней Свободы», которая станет новым символом Нью-Йорка и самым высоким зданием в США и одним из самых высоких в мире.

Мал снаружи – огромен внутри

Для меня Израиль – это не только историческая родина. Там живут: в г. Кирьят-Гат - моя сестра Маша по соседству с семьёй сына Ефима, в г. Реховот – семья умершего старшего брата Гилика – ветерана Армии Обороны Израиля, похороненного в г. Бат-Ям, в г. Хайфа - двоюродная сестра Майя по соседству с семьями своих двух дочерей. Во многих других городах этой страны живут родные и близкие мне люди. А мой дядя Ейсоф, брат отца, вступив добровольцем в интернациональный легион, сражался много десятилетий тому назад в Палестине за независимость Израиля.

Так что Израиль для меня – особая тема. Бывая там, не перестаю восхищаться мужеством и стойкостью своих соплеменников, живущих на Земле Обетованной. Вспоминая нашу трагическую историю, вновь и

вновь повторяю запавшие в душу слова Ариеля Шарона, сказанные им на траурной церемонии, посвященной 60-летию освобождения Освенцима: ”Израиль – единственное место в мире, где у нас, евреев, есть право и возможность защитить себя собственными силами. Именно государство Израиль является гарантом того, что Холокост больше не повторится...”

В парке Илана Рамона

В Иерусалиме

Говоря об Израиле, хочу поделиться воспоминаниями о поездке в 2003 году вместе с Малкой Будиловской, Алеком Бруком-Красным, Игорем Брановым на землю наших предков с миссией Солидарности.

Поездка фактически началась со Старрет Сити, где неутомимая Малка собрала вместе всю нашу группу. Одной из путешественниц была Ольга Смоленская, которая, обладая исключительно красивым голосом, готова была петь и пела везде – в автобусе, гостинице... Поселились мы в центре Тель-Авива, на берегу Средиземного моря. Из окон гостиницы открывалась

прекрасная панорама моря на фоне раскинувшегося поблизости древнего города Яффа.

Расписание нашего пребывания в Израиле было составлено так, что уже в первый день мы участвовали в закладке под Тель-Авивом израильско-американского парка в память о погибшем израильском космонавте Илане Рамоне. Надеюсь, что в этом парке растут посаженные мною два эвкалипта.

Мы побывали в Хайфе, Акко, дважды в Иерусалиме – в музее Яд Вашем и Кнессете, где встречались со спикером парламента Михаилом Нудельманом и с главой парламентской комиссии по внутренним делам Юрием Штерном. В рамках проходящей в то время Генеральной ассамблеи Всемирной сионистской организации приняли участие в параде солидарности с Государством Израиль. Как отмечала газета "Вести", колонна русскоязычных евреев из США была самой многочисленной. Шествие по центральным улицам Иерусалима представляло собой красочное зрелище со знаменами и транспарантами.

Всю неделю мы жили по насыщенной программе в сопровождении очаровательного гида израильтянки Лии. Мне врезались в память ее искренние, наполненные теплотой и любовью слова к стране, в которой она живет: "Наша страна маленькая снаружи, но очень большая внутри!"

Время пролетело быстро. Вездесущая Малка в завершение программы, договорившись с турагентством, организовала поездку нашей группы на Красное море в Эйлат, где мы провели замечательных три дня. По доброму завидую тем, кто участвует в настоящее время в Миссиях подобного рода.

Под впечатлением поездки родилось такое вот стихотворение:

ИЗРАИЛЬ – НАША ГОРДОСТЬ!

Ты мал снаружи – огромен внутри,
На карте тебя не так просто найти.
Но, чтобы великим быть продолжать,
Ряд принципов должен ты соблюдать.
Земельных уступок не делать врагу:
Как только дашь палец – отхватят руку.
Колонну арабов под номером пять,
Давно наступило время убрать.
Прав наш земляк Либерман Авигдор,
Потому что Израиль – это Наш Дом!
Ты должен и дальше крепить свою мощь,
Еврейские головы могут помочь,
Оружие «Лазер» и «Кибер» создать,

Чтобы враги не могли угрожать.
А если развяжут войну, как Насер,
То встретятся там, где сейчас СССР!

Израиль – ты гарант от Холокоста.
Мы знаем, что теперь тебе не просто.
Живи и здравствуй – ты наша отрада,
Для нас ты – словно от Бога награда.
Страна наших предков, как факел для нас,
Для нашего сердца, души и для глаз.
Война за войной – ты стоишь, как скала,
Несмотря на террор и козни врага.
Мы с тобою, Израиль, тебе браво кричим,
И Борух - Хашем от души говорим!

На границе с Ливаном

Память о Холокосте:

“Беларусь-Молдова”

Когда 22 июня 1997 года в Бруклине на Эмманс Авеню состоялось открытие Мемориального парка Холокоста и памятника, то на глазах у многих были слёзы не только в связи с траурной церемонией, но и оттого, что на его подиуме наряду с названиями Украины, России, Литвы, Латвии и Эстонии нашлось место для Болгарии, где по сути не было Холокоста, но не нашлось места для Беларуси и Молдовы.

Чтобы как-то разрядить обстановку, рядом с высечеными на граните названиями стран были прикреплены бумажные наклейки: «BELARUS» и «MOLDOVA». В этих двух странах погибли соответственно 800 и 200 тысяч человек, то есть миллион (!) еврейских жертв фактически были преданы забвению. Причём, ещё во время сооружения памятника выходцы из Беларуси и Молдовы, живущие вблизи парка, обращали внимание строителей на это недоразумение, но, вероятно, было уже поздно что-то менять.

Открытие памятника происходило под началом Президента Бруклина Ховарда Голдена и руководителя Департамента парков Бруклина Джулиуса Спигеля. Они пообещали, что справедливость будет восстановлена. Однако дождь и ветер смыли бумажные наклейки, а вместе с ними и обещания. Но осталась наша память, которая болью стучала в наши немолодые сердца: “Помните! Вы могли стать такой же пылью, как и мы, ваши родные и близкие. Но вам выпала лучшая доля. Вы остались живы. Помните о нас...”.

Мы, конечно, понимали, что случившееся произошло не по злому умыслу, а из-за недопонимания. Наверное, сыграло роль ещё и то, что

после распада Советского Союза на карте Европы появились два новых независимых государства, которых коснулся своим чёрным крылом Холокост.

Очень правильно по поводу происшедшего высказалась в то время депутат легислатуры штата Нью-Йорк Адель Коэн: “Когда я узнала о том, что в мемориальном парке Холокоста нет даже упоминания о миллионе евреев, погибших в Беларуси и Молдове, я была шокирована...Я чувствую душевную боль от допущенной несправедливости”.

Еще большую боль чувствовали мы, пережившие Катастрофу, чьи родные и близкие были преданы забвению в мемориальном парке Бруклина.

Справедливость восстановлена

Всякое, конечно, в жизни бывает, от ошибок никто не застрахован. Но ошибся – исправь. Ведь незнание не довод и тем более не оправдание. И – “исправили!”. Департамент парков Бруклина и Комитет памяти Холокоста приняли “соломоново» решение” – установить рядом с памятником камень, написав на нём: “В память об уничтоженных нацистами еврейских общин Беларуси и Молдовы”. Но такой камень, коих в парке около сотни, может

установить каждый своему погибшему родственнику, а здесь идёт речь о миллионе убиенных.

Мною ещё в 2003 г. был сделан эскиз с двумя вариантами исправления допущенной ошибки без какой-либо ломки и нарушения хорошо исполненной объёмно- пространственной композиции памятника. Состоялась встреча с Джулиусом Спигелем и членом Комитета памяти Инной Ставицкой. При встрече я передал им предлагаемое эскизное решение. Результат – нулевой.

Но как иногда в жизни случается, решение наболевшего вопроса приходит с неожиданной стороны. В 2005 году в ресторане "Националь" на Брайтоне состоялась встреча мэра Нью-Йорка Майкла Блумберга с русскоязычными избирателями в связи с его баллотированием на второй срок. Переводчиком выступал журналист Ари Каган. Я попросил его, чтобы он перевёл мой вопрос Блумбергу по поводу допущенной несправедливости при сооружении памятника в парке Холокоста. Он ответил, что здесь "неуместно" задавать такой вопрос. Тогда я, считая, что очень даже уместно, договариваюсь с присутствующим на встрече моим знакомым адвокатом Артуром Гершфилдом, и тот напрямую задает мэру этот вопрос. Майкл Блумберг ответил, что не знаком с затронутой проблемой и что в течение двух недель он даст ответ.

Ответ был положительным. Дальше уже всё шло без прежних проволочек. К исполнению был принят вариант №2, где на скосе подиума памятника с северной стороны размещалось название "Беларусь", а с южной – "Молдова".

3 июля 2005 года белорусское землячество Объединённой Ассоциации восточноевропейских евреев провело митинг в связи с открытием памятника жертвам нацизма в годы Второй Мировой войны (Беларусь-Молдова).

Глусское гетто

После открытия Мемориального парка Холокоста в Бруклине меня постояно преследовала мысль о необходимости установки в нём памятника Глусскому гетто, в котором, напомню, 2 декабря 1941 г. были расстрелены около 3000 тысяч евреев, включая самых близких и дорогих мне людей: маму с братиком двух лет, бабушку с дедушкой и многих родственников.

Поделился с земляками, живущими в Бруклине, Бостоне, Сан-Франциско и Миннеаполисе, и "лёд тронулся". Создали оргкомитет, подали заявку в Holocaust Memorial Committee и стали постепенно продвигаться к цели. На выбранном нами камне были выгравированы слова на английском и русском языках:

В память о тысячах евреев, зверски расстрелянных нацистами в гетто местечка Глуск, Белоруссия, в декабре 1941 года

15 мая 2005 года наступил долгожданный день открытия памятника. Была прекрасная, солнечная погода. На митинг пришли около 70 человек.

Мы помним...

Выступает Семён Колтов. «С отцом его я побратим, расстрелян был я вместе с ним»

Далее приведу слова из репортажа “Вечной болью приходят сны...” журналиста Мануса Ядушливого: “В мемориальный парк пришли бывшие глусковчане, ныне нью-йоркцы, приехали жители Бостона, Коннектикута, а также их родственники, друзья и соседи. Митинг открыл бывший узник

Третье поколение – слово внучке Линде

Моя семья на открытии Камня Памяти Глусского гетто

Глусского гетто Юлий Айзенштат. С Камня Памяти снимают покрывало бывший узник гето Михаил Эпштейн и ветеран войны Семён Колтов, чьи родные погибли в Глусском гетто. Кантор Давид Степановский произносит поминальную молитву. Зажжены свечи памяти; одна из них – в подсвечнике, с которым связана целая история. Добрую сотню лет назад прапрапрадед Юлия подарил его на свадьбу своему внуку – деду Юлия. Подсвечник хранился в доме как семйная реликвия. Потом – война, Холокост...После войны подсвечник нашли в сарае.

Гость из Бостона Семён Колтов рассказал, как юношей бежал из Глуска перед самым приходом фашистов, как воевал..., как в бою в Чехословакии под Моравской Остравой, заменив убитого командира роты, был тяжело ранен и контужен. Он награждён многими орденами и медалями.

О верности еврейским традициям, нерушимой памяти о погибших говорила дочь Юлия Айзенштата – Елена, приехавшая с мамой из Коннектикута.

Особенно проникновенно прозвучали слова внучки Юлия, 11-летней Линды Зверевой: "Память о Глусской трагедии я сохраню в своём сердце!"

Выступали вице-президент Ассоциации узников гетто и концлгерей Михаил Сирота, член правления Александр Александровский, ветеран войны, бывший житель соседнего с Глуском местечка Ельск, Исаак Зильбер, сказавший, что его земляки по примеру глусковчан тоже подумают об установке мемориального камня..."

Минское гетто

После открытия памятника Глусскому гетто мне не давала покоя мысль, что Минское гетто, занимая 2-ое место среди крупнейших гетто на оккупированной территории бывшего Советского Союза (1-ое печальное место принадлежит г. Львову на Украине), не увековечено в мемориальном парке в Бруклине. Таких гетто как Глусское в Беларуси было больше 200-т, а как Минское 100-тысячное – единственное.

Минские евреи уже в 1946 году, когда на государственном уровне антисимитизм «цвёл пышным цветом», в яме, где 2-го марта 1942г. нацисты расстреляли 5000 евреев, за одну ночь установили заранее подготовленный памятник, на котором на двух языках – русском и идиш, был выгравирован текст, включающй слова: «здеь похоронены евреи», вместо повсеместо принятых в подобных случаях слов - «советские граждане». Автор памятника Мордух Спришен, посмевший написать подобную «ересь», тут же только за эти три слова схлопотал 12 лет лагерей.

Мне представлялось некорректным, что живя в свободной стране, где американские евреи создали мемориальный парк Холокоста и где нам ничто и никто не угражает, мы, выходцы из Беларуси, не можем отдать дань памяти Минскому гетто? И я обратися за информационной поддержкой к главному редактору тогда еше гезеты «Форвертс» Михаилу Немировскому с инициативой увековечить память о Минском гетто в мемориальном парке. Договариваемся с ним о встрече в редакции газеты с оговоренным составом активистов, выходцев их Белоруси.

Получив однозначную поддержку земляков, мы, в составе доктора исторических наук Давида Мельцера, президента белорусского зем-

лячества, профессора Евгения Геллера, узника Минского гетто Савелия Каплинского, корреспондента газеты “Вечерний Нью-Йорк” Ари Кагана и вашего покорного слуги, встречаемся вечером в редакции. В состав оргкомитета, кроме присутствующих, были включены президент Объединённой Ассоциации восточноевропеских евреев Морис Шустер, бывший минчанин Леонид Зуборев, знаменитый белорусский партизан Семён Лапидус и бывшая минчанка Белла Зелкина, которые не смогли придти на встречу.

Обсудив все аспекты предложения, решили избрать оргкомитет. Поскольку Геллер и Каган отказались из-за занятости его возглавить, то, естественно, председателем избрали инициатора встречи, то есть меня, обещая поддержку. Здесь же на встрече было предложено подготовить соответствующее обращение, а Михаил Немировский подтвердил согласие газеты стать информационным спонсором.

И дело завертелось. В очередном и ряде последующих номеров газеты было опубликовано обращение ко всем еврейским организациям и частным лицам, ко всем, кому дорога память о родных и близких, погибших в Минском гетто, в пламени Катастрофы белорусского еврейства, оказать возможную поддержку в установке памятного камня в мемориальном парке Холокоста. Далее были указаны соответствующие реквизиты.

Стали поступать чеки из многих штатов. Особенно отличился город Балтимор, в котором Альберт Плакс, в свою очередь, через местную газету “Каскад” и радиопрограмму “Звезда Давида” продублировал обращение. Ему помогал в сборе средств сын бывшего командира еврейского партизанского отряда, его тёзка Альберт Лапидус. В короткий срок только ими было собрано не менее трети потребной суммы.

Имена всех, кто оказал поддержку, с благодарностью публиковались в газете. Одновременно со сбором средств происходили встречи с руководством Комитета памяти Холокоста. Мой коллега по совместной работе в Минске, архитектор Леонид Гельфанд, вычертил текст утверждённой надписи на двух языках в соответствии с размером выбранного нами камня.

К сожалению, нам в итоге не удалось отстоять масштаб и шрифт надписи и пришлось изменить начертание слова – Минск, куда Леонид очень удачно в букву “М” вписал Звезду Давида. Отказ мотивировался одним: “У нас принят такой стандарт!” Поэтому и не удивительно, что все мемориальные камни стоят, будто сделанные на одну колодку. Интересно выглядели бы наши кладбища, если бы там были приняты подобные стандарты...

Когда была собрана требуемая сумма и были готовы надписи

на камне, оргкомитет дал объявление в газету, что 29 октября 2006 года в 12:00 часов дня в мемориальном парке Холокоста в Бруклине состоится открытие Памятного Камня Минскому гетто. Приглашались все желающие со своими детьми, внуками, родными и близкими. Были также посланы персональные письма-приглашения всем тем, кто оказал поддержку.

В установленный день погода выдалась холодная и ветреная. Тем не менее в парке собралось несколько сот человек. "Балтиморские минчане" так же дружно, как собирали деньги, приехали на большом автобусе. Прибыли бывшие минчане из Вашингтона, Бостона, Чикаго, Нью-Джерси, Коннектикута, были представители многих нью-йорских СМИ и общественных организаций. Пришёл на церемонию недавно избранный от Демократической партии депутат Ассамблеи штата Нью-Йорк Алек Брук-Красный.

Камень Памяти до его открытия был покрыт американским и израильским флагами.

И вот торжественный момент наступил. Кантор Семён Гринберг исполняет гимны США и Израиля, который одновременно является гимном мирового еврейства.

Затем я обращаюсь к собравшмся со вступительным словом.

"Таере майне бридер унд швестер! (Дорогие мои братья и сёстры!) Дорогие узники гетто и концлагерей, пережившие Холокост! Дорогие ветераны войны, внесшие решающий вклад в Победу над злейшим врагом человечества – фашистской Германией! Уважаемые гости, наши близкие, родные, любимые!

Память! К ней трудно возвращаться, но и невозможно от неё уйти. Время неумолимо отдаляет нас от чудовищных злодеяний Холокоста. Но мы не можем забыть трагедию наших матерей и отцов, братьев и сестёр. 800 тысяч евреев Белоруссии сгорели в пламени Катастрофы, из них более 100 тысяч – в Минском гетто.

О трагедии евреев я знаю не понаслышке. Сам прошёл через эту "мясорубку", будучи в Глусском гетто Могилёвской области. Там 2 декабря 1941 г. приехавшая накануне зондеркоманда при помощи местных полицаев в одночасье расстреляла 3000 евреев, живших здесь испокон веков.

Этот железный каток смерти, этот молох по одному и тому же сценарию прокатился по более чем двум сотням гетто местечек и городов Белоруссии и завершил своё кровавое движе¬ние в Минске 21 октября 1943 г., когда были уничтожены последние узники.

Илья Эренбург и Василий Гроссман в "Чёрной книге" написали слова, которые звучат как реквием по погибшим: "Не стало Минского гетто.

Погибли последние его обитатели. Не осталось живого дыхания человека, одни лишь развалины напоминали о страданиях и страшных муках, выпавших на протяжении 2,5 лет на долю десятков тысяч минских евреев".

После 21 октября белорусская земля стала свободной от евреев – "Юденфрай", за исключением тех, кто сражался в партизанских отрядах или скрывался.

В прошлом году здесь был открыт Камень Памяти Глусскому гетто, в этом году были открыты ещё два камня, и мне представилось несправедливым отсутствие Камня Памяти Минскому гетто. В нём, вероятнее всего, погиб мамин брат, фармацевт Клейнер Лёва, живший с семьёй перед войной в Минске.

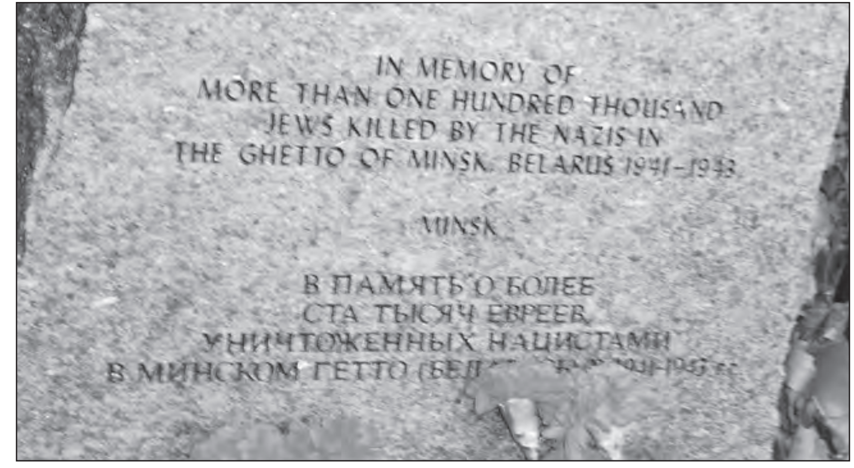

Открытие митинга

И вот сегодня мы, благодаря, конечно, вашей помощи и поддержке, собрались здесь, чтобы открыть памятник одному из крупнейших гетто Европы. Мы пришли сюда по зову своих сердец, пришли потому, что мы помним о происшедшей трагедии. Наша память жива, а значит, живы в ней и те, кто ушёл в вечность. Мы не забыли, как нам отказывали в естественном праве на памятъ, когда мы приходили 9 мая на "Яму" в Минске, ставшую символом Катастрофы евреев Беларуси.

Говоря о Минском гетто, нельзя не сказать о мало изученной странице истории Холокоста. Дело в том,что с конца ноября 1941 г. часть территории гетто была заселена евреями из Германии, а в дальнейшем стали приходить составы и из других стран непосредственно в концлагерь "Тростенец", расположенный возле Минска, куда была специально подтянута железнодорожна ветка. Расстрелы производились рядом с лагерем в лесном урочище "Благовщина". Всего, по самым скромным подсчётам, в Минске и его окрестностях было уничтожено порядка 80 тысяч иностранных евреев.

IN MEMORY OF
MORE THAN ONE HUNDRED THOUSAND
JEWS KILLED BY THE NAZIS IN
THE GHETTO OF MINSK, BELARUS 1941–1943
MINSK
В ПАМЯТЬ О БОЛЕЕ
СТА ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ,
УНИЧТОЖЕННЫХ НАЦИСТАМИ
В МИНСКОМ ГЕТТО

...Итак мы открываем Камень Памяти Минскому гетто. Теперь не обязательно нужно будет лететь в Минск, чтобы склонить голову и преклонить колени перед павшими на месте трагедии. Это можно будет сделать и здесь в Бруклине”.

Кровь стынет от цифры сто тысяч,
Расстрелянных только за то,
Что в жилах моих с ними предков
Текла иудейская кровь.

Минская “ЯМА” в Нью-Йорке.
Мы боль пронесём до конца.
И память взывает, и память живая –
Всё в нас – пока бьются сердца.

А затем пошли выступления: Савелий Каплинский – член правления Ассоциации евреев из б. СССР, бывший узник Минского гетто, рассказавший о пережитом в нём до ухода в партизанский отряд; Давид Мельцер – доктор исторических наук, автор многих трудов по истории Минского гетто, Леонид Розенберг – президент Ассоциации ветеранов и инвалидов Второй мировой войны, принимавший участие в операции “Багратион” по освобождении Белоруссии; Евгений Геллер – президент белорусского землячества; Альберт Лапидус – юный партизан, сын командира еврейского партизанского отряда Израиля Лапидуса; Николай Лемешко – Генеральный консул Республики Беларусь в Нью-Йорке и другие.

Были зажжены шесть поминальных свечей в память шести миллионов загубленных жизней евреев Европы. Кантор Семен Гринберг проникновенно исполнил поминальную молиту “Эль Моле Рахамим”. Под её звуки Каплинским и мною были сняты флаги, которыми был накрыт Камень в память погибших в Минском гетто. В воздух взменулись десятки разноцветных шаров. Уже буквально через несколько мгновений всё подножие Камня Памяти было покрыто красными гвоздиками как символ вечной жизни, бессмертия еврейского народа, прошедшего через тяжелейшие испытания и вопреки всем преградам создавшего свободное и независимое государство – Израиль.

Но люди ещё долго не расходились: встретились многие, кто не виделся десятилетиями. Кое-кто впервые познакомился, раньше зная друг о друге только понаслышке. Объятия, слёзы...

Перечень погромов – дневных и ночных – в истории Минского гетто. Обычной практикой были массовые убийства оставшихся в своих жилищах обитателей гетто в то время, когда трудоспособных уводили на работу.

Август 1941 года. *Первый крупный погром. Были убиты около 5 000 евреев.*

7 ноября 1941 года *после того, как рабочие колонны были уведены, немцы и литовские полицаи оцепили район улиц Замковая, Подзамковая и Немига и начали погром. Дойдя до улицы Опанского и оставляя за собой множество трупов, немцы собрали толпу из женщин и детей, погнали их в Тучинку и расстреляли. По разным оценкам, в этот день были убиты от 5 000 до 12 000 узников. После этого площадь гетто была сокращена за счет района улицы Островской, а оставшиеся евреи стали сооружать в гетто разнообразной конструкции тайные убежища – так называемые "малины".*

20 ноября 1941 года *были убиты от 6 000 до 15 000 евреев в районе улицы Обойной и рядом с ней.*

21 января 1942 года *были расстреляны более 12 000 евреев.*

2-3 марта 1942 года *после ухода трудоспособных узников в гетто въехали грузовые автомобили с немцами и полицаями, которые устроили очередное массовое убийство на всей территории гетто. Тела убитых – примерно 5 000 человек – сбрасывали в бывший карьер, на месте которого сейчас находится мемориал «Яма». В этот же день, 2 марта, немцы убили от 200 до 300 детей в детском доме гетто вместе с медперсоналом и воспитательницами.*

28-31 июля 1942 года *погром длился 4 дня, трудоспособных узников все это время держали на работе. Были убиты около 30 000 человек.*

29 декабря 1942 года *трудоспособных узников задержали на работе, а в гетто уничтожали всех подряд. Во время этого погрома убили и всех находившихся в больнице гетто (кроме тифозных – побоялись заходить), включая детей.*

В детском отделении было семеро детей. Рыббе, начальник полиции, надел белые перчатки и зарезал всех детей ножом. Вышел оттуда, скинул белые перчатки, закурил и съел шоколадку.

На начало апреля 1942 года, по официальным данным оккупационного генерального комиссариата, в Минске были зарегистрированы 20 000 трудоспособных евреев. Уже к концу сентября 1942 года это число сократилось наполовину. К октябрю 1942 года территория гетто была разделена на пять частей, на территории которых было 273 дома.

Всего к концу 1942 года в гетто были убиты более 90 000 евреев, и к началу 1943-го года в живых осталось от 6 000 до 8 000 узников.

Последним днём существования Минского гетто считается 21 октября 1943 года – день начала последнего погрома. В течение трех суток нацисты убили всех ещё живых к тому времени узников, кроме 500

квалифицированных мастеров, вывезенных в Германию. На территории Минского гетто, как потом выяснилось, в живых осталось только 13 человек, которые прятались на протяжении нескольких месяцев в подвале дома около еврейского кладбища на улице Сухой, и смогли выйти из убежища только в день освобождения Минска в июле 1944 года.

Из более 100 000 евреев выжить смогли только 2-3 %.

Ельское гетто

18 ноября 1941 года в газете “Правда” было помещено сообщение: “...В городе Ельске фашисты посадили на баржу и вывезли на середину реки Припять 500 местных жителей. Пять дней заключённым не давали пищи. Затем немецкие солдаты затопили баржу вместе с находившимися на ней людьми”.

Кем на самом деле были эти местные жители, сомневаться не приходится. В 60-е годы была сделана попытка установить памятник жертвам Ельского гетто на Полесье, принявшим мученическую смерть, но власти не позволили это сделать.

И вот Михаил Вайнблат, внук потопленных в Припяти Ривы и Арона Гренадёр, решил в Бруклине в мемориальном парке Холокоста установить Памятный камень. Этому событию я посвятил стихотворение.

В Ельске по-над Припятью
Крики обречённых,
То фашисты голодом
Морят заключённых.

То евреев ельских
На баржу согнали.
Фарисейский план от жертв
До конца скрывали.

В Ельске по-над Припятью
Крики обречённых,
То фашисты голодом
Морят заключённых.

В Ельске по-над Припятью
Крики обречённых,
То фашисты голодом
Морят заключённых.

То евреев ельских
На баржу согнали.
Фарисейский план от жертв
До конца скрывали.

Они знали, гады,
Что баржу потопят.
Пусть мерзавцев этих
Род весь будет проклят!

Катастрофа болью
Душу в клочья рвёт,
И спокойно в мире
Жить нам не даёт.

Мыслочанская гора – адрес боли и горя

9 мая 2010 г. в Глуске состоялось открытие нового памятника жертвам Холокоста, приуроченное к 65-й годовщине со Дня Победы.

В 1958 г. рядом с деревней Мыслотино на Мыслочанской горе, неподалёку от Глуска, где фашисты расстреляли около трёх тысяч евреев, был установлен памятник. Однако время не пощадило его – он стал разрушаться. Писатель Наум Сандомирский, живущий в Глуске, выступил с инициативой создания нового памятника. Он обратился к землякам, кому дорога память о Глусской трагедии, живущим не только в Республике Беларусь (там их осталось совсем мало), но и в других странах, – помочь соорудить новый памятник. И земляки не заставили себя долго ждать.

В короткий срок были собраны пожертвования в США, Израиле, Германии, России, Беларуси с тем, чтобы успеть разработать проект памятника и соорудить его к предстоящему юбилею Победы.

Авторами проекта выступили архитектор Галина Левина, достойно продолжающая дело своего отца, лауреата Ленинской премии за мемориальный комплекс Хатынь, и скульптор Максим Петруль. Им удалось рядом с реставрированным памятником вписать новое сооружение из шести двухметровых колонн-стел, символизирующих шесть миллионов евреев Европы, сгоревших в огне Холокоста.

В основу идеи знака была положена обгоревшая фотография еврейской семьи, сделанная до июня 1941 года, ставшая символом уничтожения семей еврейского народа. Так, средствами архитектуры, скульптуры и камня, через трагедию отдельно взятого еврейского местечка, авторы

постарались донести до будущих поколений осознание боли и невероятной по своим масштабам Катастрофы.

Так выглядит новый памятник жертвам Глусского гетто

На открытии мемориала присутствовали гости из еврейских общин Минска, Бобруйска, Могилёва, Витебска. Присутствовали также посол Израиля в Беларуси Эдуард Шапиро и первый секретарь посольства Геннадий Полищук, представители местной власти, жители города и близлежащих деревень.

Выступающие много говорили о Глусской трагедии, но суть её отразили слова Наума Сандомирского, начертанные на камне: "Мыслочанская гора – адрес боли и горя".

Поимённо хочется поблагодарить земляков из Бруклина, Бостона и Миннеаполиса, оказавших помощь в сооружении нового памятника: Михаила Эпштейна, Бориса Урицкого, Григория Швеца, Бориса Виноградова, Григория Заёнчика, Семёна Колтова, братьев Шапиро Азария и Моню и Виктора Айзенштата.

Особая признательность – писателю Науму Сандомирскому, Райсовету и авторам пректа.

Моё 75-летие

Мои юбилеи 50 и 60 лет отмечались в институте «Минскпроект» по инициативе администрации. Такой порядок был установлен для всех сотрудников.

На моё 50-летие на голову мне водрузили лавровый венок, как когда-то во времена древнего Рима это сделали с Юлием Цезаряем, и «издевались» надо мной, как только могли, наградив при этом, под смех

зала, орденом «Транспортная развязка» в виде клеверного листа на красной ленте через правое плечо.

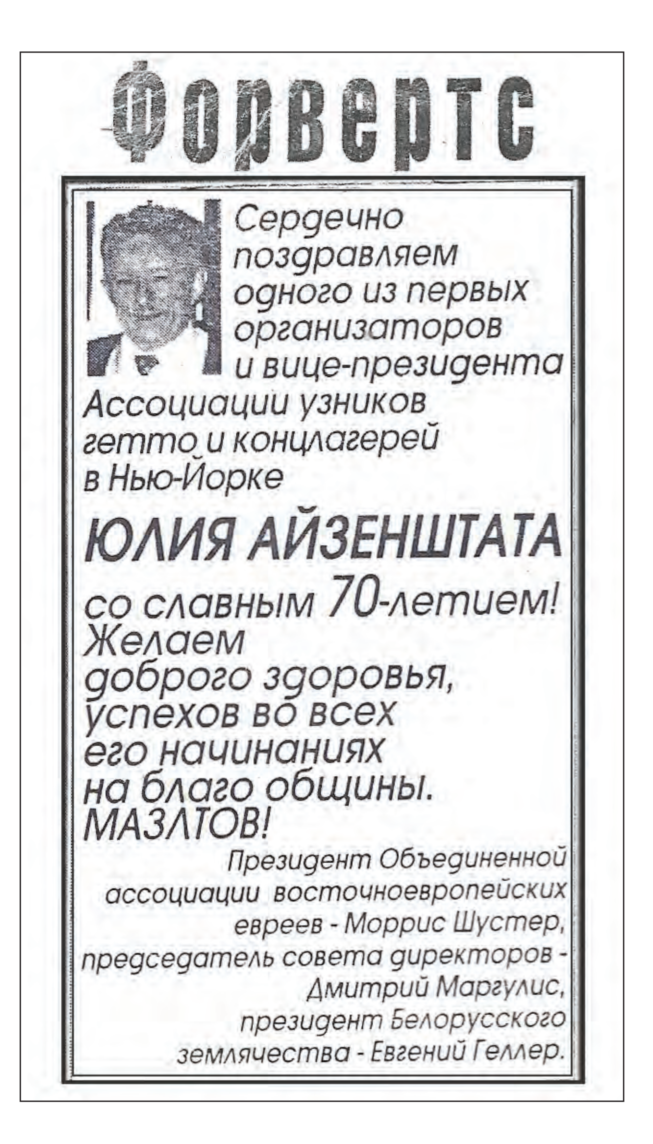
Н.П. Коновалова

А.М. Гуль и Л.Н. Погорелов

На моём 60-летии «издеваьельства» продолжались. На этот раз со стороны главного архитектора проектов Полины Лагуновской, выступающей якобы от имени и по поручениюархитектурно-планировочной мастерской. Об этом я подробно поведал читателю в разделе «А для него всего важней – работа...», взяв это название из « нелицоприятной» речи П. Лагуновской.

Своё 70-летие я встретил в Америке. Здесь скорее могут «убить», чем тратить время впустую на длинные речи. Поэтому я был благодарен коллегам по совместной работе за их лаконичную и объективную оценку моей общественной деятельности через газету «Форвертс».

Форвертс

Сердечно поздравляем одного из первых организаторов и вице-президента Ассоциации узников гетто и концлагерей в Нью-Йорке

ЮЛИЯ АЙЗЕНШТАТА

со славным 70-летием! Желаем доброго здоровья, успехов во всех его начинаниях на благо общины. МАЗЛТОВ!

Президент Объединенной ассоциации восточноевропейских евреев - Моррис Шустер, председатель совета директоров - Дмитрий Маргулис, президент Белорусского землячества - Евгений Геллер.

Человеку нужно три года, чтобы нучиться говорить, и в дальнейшей жизни было бы неплохо научиться молчать. Я этому не научился и подумал: «Почему это я другим могу писать длинные речи, а как себе, то не могу этого позволить». И вот, отбросив все формальности, написал вкратце то, что на правах юбиляра озвучил: «Чтобы там не говорили, но 75 лет, учитывая, что мы живём в Америке, - это ещё не вечер. Но с другой стороны - это и не утро. У меня были сомнения - надо ли отмечать юбилейную дату без нолика на конце, но сын Виктор напомнил, что через пять лет мне будет не 80, а 82 и что это уже круто.

Двоюродные братья Гриша Комиссар из Хартфорда и Семён Колтов из Бостона, моя подруга Ирина и я

С другом Митей Быковым

Человеку нужно три года, чтобы нучиться говорить, и в дальнейшей жизни было бы неплохо научиться молчать. Я этому не научился и подумал: «Почему это я другим могу писать длинные речи, а как себе, то не могу этого

позволить». И вот, отбросив все формальности, написал вкратце то, что на правах юбиляра озвучил: «Чтобы там не говорили, но 75 лет, учитывая, что мы живём в Америке, - это ещё не вечер. Но с другой стороны - это и не утро. У меня были сомнения - надо ли отмечать юбилейную дату без нолика на конце, но сын Виктор напомнил, что через пять лет мне будет не 80, а 82 и что это уже круто.

Друзья и коллеги по Минскпроекту

Обычно в такие даты принято оглядываться назад : ведь прожита лучшая и большая часть жизни. Не отступлю и я от этого правила. В целом я благодарен судьбе, что она сохранила мне жизнь, хотя и протащила через серьёзные испытания. Посудите сами, за три года войны я трижды находился на краю бездны:

1. Второго декабря 1941г., я должен был остаться лежать в карьере на Мыслочанской горе вместе с мамой, 2-летним братиком, бабушкой, дедушкой и тремя тысячами соплеменников местечка;

2.Зимой 1943г. я должен был навечно остаться в лесу в районе дер. Холопеничи, когда находясь вместе с отцом и ещё с одним партизаном на посту, мы услышали стрельбу в стороне расположения отряда. Решив прояснить ситуацию, мы напоролись на фрицев, и я оказался у них в плену. В двух местах пальто было простреляно. В итоге, спасла меня просто случайность и, вероятно, мой возраст;

3. В марте 1944г., во время блокады партизанской зоны, я должен был быть расстрелянным вместе с другими пятью партизанами, когда на рассвете на нас напали немцы и расстреливали буквально в упор:

...Нас было шестеро всего.
Я видел, пятерых, других.

Когда ж поднялся – никого,
Из них уж не было в живых...

Но, как оказалось спустя 31 год, в живых осталась партизанка Соня. Пристреливали её в голову, когда меня уводили с простреляной рукой. Затем были концлагерь и освобождение.

Таким образом, можно сказать, что моё детство, как и детство моих сверстников, было опалено войною. Писательница Алексиевич написала,что у войны не «женское лицо». Думою, что с таким же успехом можно было написать, что у войны не «детское лицо». Война прошла и проходит через всю мою жизнь. Я вижу, как живут подростки моих военных лет сегодня, и понимаю, что у меня по сути-то и не было детства: оно закончилось в 1941г.

Послевоенная жизнь была нелёгкой. В 1951г. закончил среднюю школу и поступил в ЛИСИ, который закончил в 1956 г. вместе с присутствующими здесь многими моими сокурсниками.

Сегодня на этом юбилейном вечере присутствуют около 70-ти моих родных и друзей. Будучи относительно многодетным отцом, я осуществил свою мечту и собрал всех своих детей и внуков в Америке. Их присутствие здесь сегодня является подтверждением этому. Но если говорить начистоту, то этим в большой степени все мы обязаны старшей дочери Лене:

Твоя заслуга в том, что ты сплотила,
Всех разных нас - умом и добротой.
И в этом, безусловно, твоя сила,
Связавшая всех нас одной судьбой.

Три поколения

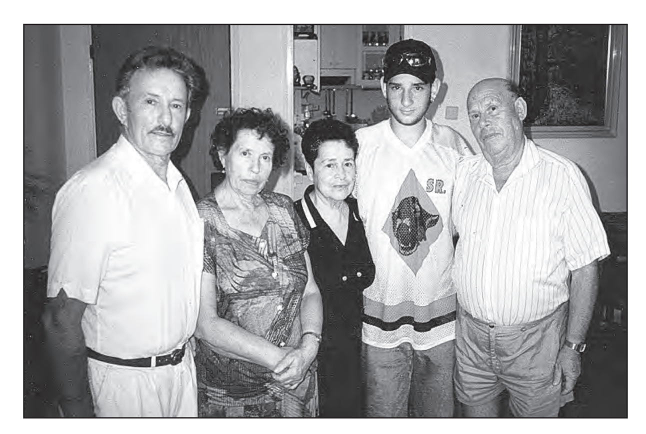
Оглядываясь назад с высоты своих восьмидесяти с лишним лет, невольно задаю себе вопрос: как оценить прожитое-пережитое, какой шкалой измерить? Я такой шкалы не знаю. Правильно написал поэт:

Всё в этом мире рок и тайна.
На всём фатальности рука.
Судьба слагается случайно,
Как ткут узоры облака.

Во время войны я не единожды оказывался на краю пропасти, но “фатальности рука” была снисходительна ко мне.

Да, время пролетело невероятно быстро: еще вчера был мальчишкой,

а сегодня – перевалило за... Могу только сказать – жизнь продолжается и ничто человеческое мне не чуждо. Летом живу на даче в Катскильских горах, которую купила старшая дочь Лена. Многое могу починить, построить своими руками. Выращиваю огурцы, помидоры, цветы, рыбачу, собираю грибы и ягоды. С радостью встречаю детей, внуков и друзей.

Мои близкие. Слева направо: я, сестра Маша, жена брата Гилика — Рая, сын Виктор и брат

Маша на параде в Израиле

Не похваляюсь, отнюдь – и меня порой одолевают болячки. Главное – не сдаваться и помнить, что по опущенной голове "даже дурак колотит". В этом мне помогает моя подруга, с которой я уже связан много лет...

Приведу известные строки Самуила Маршака:

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,

Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

В данном случае я наполнил его содержанием этой книги.

Моя отрада, моя радость – близкие люди, родственники. Хочу хотя бы вкратце рассказать об их теперешней жизни.

Маша, моя дорогая, любимая сестра. В этой книге я не раз вспоминаю ее военные годы. Это целый пласт ее жизни. Именно эти годы красной нитью проходят через всю ее дальнейшую жизнь. Именно в эти годы проявились те черты ее характера, которые делают человека человеком.

Будучи на юбилее Маши в Израиле, где она живет, я посвятил ей большое сердечное поздравление, в котором были такие строки:

Много лет пронеслось, утекли ручьи дней,
Не все в жизни сбылось – ты о том не жалей
Не жалей и о том, что свершилось, прошло -
Щедро детям отдай сердца жар и тепло...

Маша живет в городе Кирьят-Гат, рядом с семьёй сына Ефима, а дочь Люба – в Санкт-Петербурге. У неё два внука и две внучки, она уже дважды прабабушка. Этот город сами они называют Кирьят-Глуск: в нём проживают много глусчан, репатриировавшихся в Израиль.

В недавнем разговоре с нею по скайпу я спросил:

– Машенька! Как ты себя чувствуешь, дорогая?

– Хорошо, - ответила она. – только вот зубы беспокоят!

- Так держать, родная!!!

Продолжу рассказ о моих близких. Несколько слов о женах, у меня их было три. Как сказал поэт, “всем им, мимо прошедшим, спасибо, перед ними я всеми в долгу...”

Об **Инне Куриловой** в моих воспоминаниях сказано немало. Лишь напомню: она мать двоих детей: Лены – моей дочери и Оли, рожденной во втором браке. Она замужем, ее нынешний супруг Володя Волог – бывший москвич, из дворян, оказался в США вместе с братом вскоре после Второй мировой войны. Их отец, лётчик с двумя шпалами, был репресирован и погиб в 1937-м. Живут они в Коннектикуте. Мы дружим семьями.

Вспоминается такой эпизод. Когда Инна эмигрировала в Америку в 1979-м, отец долго не давал ей разрешение на выезд. Партийный функционер, пусть и маленькая, но “шишка”, секретарь райкома партии, он выговаривал дочери: “Тебе советская власть дала образование, а ты едешь служить капиталистам...”

Напомню – Инна была кандидатом наук. В конце концов разрешение он дал. А затем Иван Николаевич Курилов стал другим, что называется, прозрел... Работал и жил он в районном центре Ружаны. К слову сказать, в этом городке родился Ицхак Шамир – 8-й и 10-й премьер-министр Израиля.

Ольга Эмерман. Мать Ани и Виктора. Приехала в Америку 10 лет назад, до этого жила в Израиле. По профессии архитектор. В Америке, как и все оказавшиеся здесь "в возрасте", по специальности не работает. Но и без дела не сидит – помогает пожилым людям.

Нелли Шемпер. Мать Лени. В Минске была инженером-связистом. В Нью-Йорке – хоуматтендент. Тоже живет в Бруклине.

Со всеми бывшими женами поддерживаю нормальные отношения, не держу на них никаких обид, надеюсь, и они на меня за давностью лет – тоже. Как мудро высказался не помню кто: быть женщиной очень трудно уже потому, что в основном приходится иметь дело с мужчинами... А мы, сильный пол, далеко не подарок...

Первый ряд сверху: Лена, сыновья Леонид и Виктор, дочь Аня, внучки Линда, Шерон и я

Перейдем теперь к детям. О них родственники иногда полушутливо говорят так: самая умная – Лена, самая красивая – Аня, самый талантливый – Витя, настоящий трудоголик – Леня.

Лена. Родилась в Ружанах Брестской области. Поступала в Минский университет на физмат, по примеру матери. Имела необходимый проходной балл, но не была принята. Обратилась ко мне с деликатной просьбой –

разрешить сменить фамилию на “Курилова”. Понятно, по какой причине. Конечно же, я разрешил, понимая, что близость людей вообще и родных, в частности, определяется не фамилиями.

С дочерью Леной

На следующий год Лена поступила в Институт нефтяной и газовой промышленности им. Губкина в Москве, который закончила с красным дипломом.

Уехала в Штаты в 1986-м с дочкой Юлей. Здесь пошла на курсы программистов. Первая зарплата была 7 долларов в час. Ее это не устраивало, разослала резюме и получила приглашение на интервью в фирму “Питни-Бовс”, занимавшуюся разработкой почтового оборудования. Ей после теста сразу предложили 17,5 долларов. Зарплата росла, Лену ценили. Тепло отметили 20-летие её работы в фирме... Несколько лет назад, в связи с кризисом, Лене, как и тысячам квалифицированных специалистов, пришлось покинуть фирму. Сейчас – домашняя хозяйка, занимается огородом, выращивает цветы

и овощи. Увлекается танцами. Ее муж Эфраим – химик по специальности. У них собственный дом в пригороде Нью-Хейвена.

Аннушка

Аня с сыном Аароном и мужем Олегом, и я с Витей

Аня. Родилась в Минске. Закончила музыкальную школу по классу фортепьано и техникум в Минске. Дважды замужем, родила троих детей – Линду, Шерон и Аарона. Занятость по дому не помешала ей закончить колледж и получить специальность медсестры.

Виктор с женой Лизой в день свадьбы 26 сентября 2013 года

Виктор и видный американский экономист и финансист Тимоти Гейтнер

Виктор. Родился в Минске. Приехав в Америку из Израиля, получил здесь образование. В совершенстве владеет тремя языками (русский, иврит, английсккий). Программист, работает в престижном банке на Уолл-стрит. Проявил недюжинные способности в музыке (его прадед

Соломон Эмерман, не получив никакого музыкального образования, был композитором и главным дирижёром еврейского театра в Минске). До отъезда в Израиль занимался в музыкальной школе при Минской консерватории по классу фортепьяно. В Нью-Йорке работал ди-джеем. Пишет электронную музыку, пользующуюся популярностью. Увлекается подводным плаванием с аквалангом.

Леонид. Закончил университет с золотой медалью, инженер-электронщик, работает в фирме "Симменс" в Нью-Джерси. Когда-то с пяти

Леня в детстве

лет я брал его с собой на рыбалку, даже на подлёдный лов. Он был этому очень рад. И это осталось в нём. Я увлекался плаванием. Он также увлёкся плаванием с аквалангом. Вот автогонками я не занимался, а он участвует в соревнованиях.

Леня и Линдзи

Леонид-автогонщик

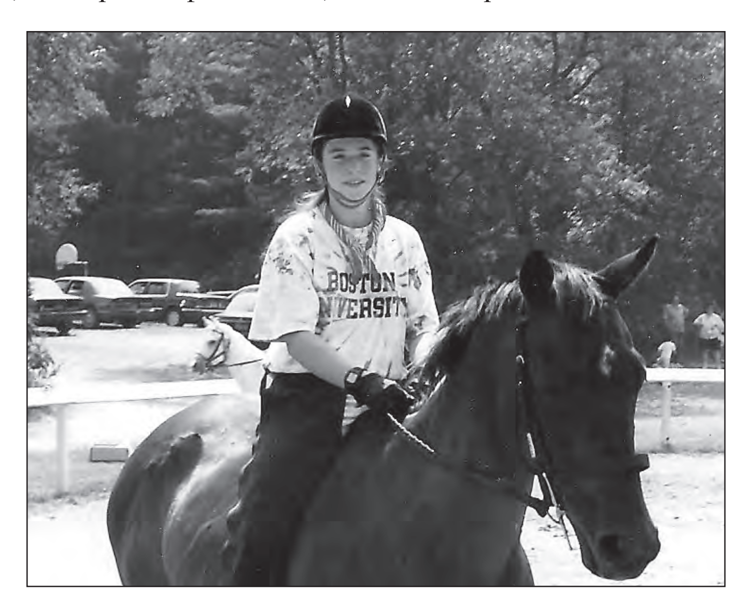
В нашей немаленькой семье почти все родились в ноябре, кроме Ани, зато её муж тоже ноябрьский. Родственные отношения для нас – не пустой звук. Каждый год мы устраиваем коллективные дни рождения. В прошлом году совместили его с новосельем у младшего сына в Нью-Джерси. Я ведь тоже почти ноябрьский, если бы в ноябре месяце был 31 день.

Я с детьми

А теперь – о третьем поколении Айзенштатов.

Юля. Ей уже 36 лет. Родилась в Москве. Выбрала удивительную специальность: она... – конюх. Чтобы вы не удивлялись, приведу уместные здесь слова кинооператора Александра Урбана: “Взглянуть в глаза тигру среди джунглей или наклеить в альбом редкую марку – это крайне различные вещи, но и то и другое может доставить человеку совершенное наслаждение и удовольствие. Важно лишь, чтобы с хищником повстречался охотник, а с маркой - филателист, но не наоборот”.

Внучка Юля

Внучка Юля в детстве и сегодня

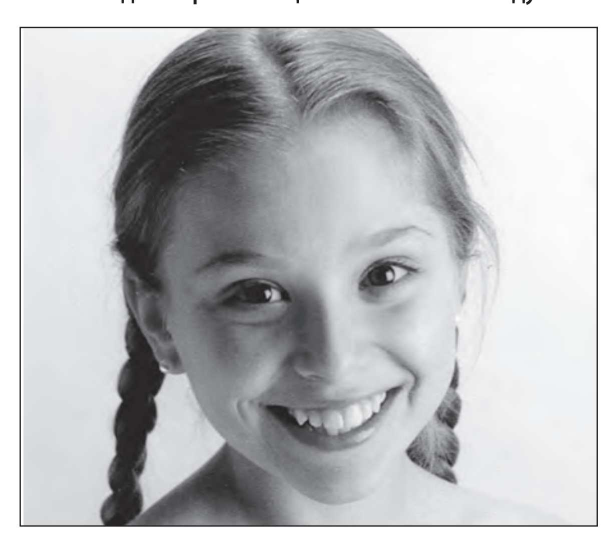

Видимо, в нашем роду есть такой ген. Он проявляет себя в разных поколениях. Я обожаю лошадей. Юлечка полюбила их с детства. Вна-

чале она обуздала деревянную лошадку, затем – пони, повзрослев стала наездницей, выступая в соревнованиях. В настоящее время живет и работает в Калифорнии, будучи заведующей конюшней у богатого американца, имеющего собственный самолёт. Летает и ездит с ним по миру, помогает покупать породистых скакунов.

Линда в парных танцах и она же в 2012 году

Линда. Ей 20 лет. Родилась в Минске в день моего приезда в США. В настоящее время учится в колледже на криминалиста. Увлекалась танцами, занимая призовые места. Пишет стихи, хранит память о родных,

участвуя в разного рода мероприятиях, посвящённых Холокосту – так, приняла вместе со мной участие в передаче по телевидению RTN по поводу открытия памятника Глусскому гетто.

Урок памяти Холокоста в молодёжном самодеятельном театре "Faces" ("Лица") в Бруклине, проведенный мной и Линдой (в центре). Режиссёр театра Сюзен Монтез (Биттерман) – вторая справа в последнем ряду

Шерон. Родилась в Америке. Ей 15 лет. Училась несколько лет в платной русской школе. Школьница. Обладает коричневым поясом по каратэ, играет в мужской баскетбольной команде школы. Любит рыбачить.

Аарону идет шестой год. Пока трудно сказать, какие качества он унаследует от родичей, а какие будут благоприобретенными. Жизнь покажет...А сейчас, набрав 98 баллов из 100 при сдаче теста, принят в престижную школу. Слухом его тоже бог не обидел: не умея ещё говорить, он напевал услышанные мелодии.

Шерон с братиком Аароном

Мой внук Аарон. 2013 г.

Идем дальше.

Рая, жена брата Гилика. Я посвятил ей немало добрых слов в этой книге. В настоящее время живёт в Израиле вместе с семьёй дочери Иры в городе Реховот. Имеет внука и внучку.

Миша и Фима Каплан. Нас не связывают кровные узы, кроме нашей национальности. Отец после войны женился на их маме. Мы, будучи детьми, жили одной семьёй в Глуске много лет, поддерживая друг друга,

не теряя связи и во взрослой жизни. Оба живут в Израиле: Миша с семьёй в г. Кирьят-Гат, имея двух дочерей, шесть внуков и трёх правнуков; Фима с семьёй – в г. Ашдод, имея сына, дочь и шесть внуков.

На этом хочу поставить точку в своем повествовании.

Благословен тот, кто вспоминает забытое, но трижды благословен, кто не забывает того, что было!

Цви Агнон, "Эссе"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Моя творческая работа на протяжении более 30-ти лет в ГПИ «Минскпроект» была неразрывно связана с инженерами и архитекторами. Назову их пофамильно:

Афанасьева Н., Бобырин В., Беликов Г., Василевич И., Гафо Л., Гуль А., Горина ., Горенок И., Дятлов Е., Дреер Л., Ерусалимчик И., Есьман Л., Зафранский А., Коновалова Н., Кравцов Д., Канторович Л., Линевич Я ., Лагуновская П., Лапушкин М., Минков Л., Овецкий Б., Оганесян А., Сысоев Г., Сопьяник Е., Савич В.,Соколовский Н., Усова Л., Фатин Г., Цитлик Л., Шишенко В., Шильниковская В., Шмеркович М., Эпштейн С., Юртин Б.

